

Путешествия миссионеров-иезуитов Жана Де Кэна, Габриэля Друйета и Клода Даблона, Шарля Албанеля на север от реки Святого Лаврентия.

Введение

Представленные в этой работе переводы источников извлечены из многотомного собрания ежегодных хроник, повествующих о событиях, происходивших в Новой Франции с начала XVII по вторую половину XVIII веков. Хроники написаны иезуитскими миссионерами и известны под названием «Реляции иезуитов» (Thwaites R.G. ed. The Jesuit Relations and allied documents. Travels and explorations the Jesuit Missionaries in New France. 1610-1791. 73 Vols. New-York, 1959.). Переведенные тексты взяты из этого издания.

Так сложилось, что большое количество, а, возможно, и большинство нарративов с XVII по начало XX вв. по этому региону, как и многие исследовательские работы, были написаны не светскими авторами, а миссионерами и прочими религиозными деятелями. Безусловно, это обстоятельство накладывает на их труды определенный мировоззренческий и идеологический отпечаток, но оно никоим образом не снижает их ценность как источников для научных работ в различных сферах. В особенности это касается области изучения культуры индейцев восточной части Субарктики и Северо-востока. По роду своей деятельности миссионерам приходилось постоянно контактировать с индейцами, в силу необходимости они, в основной своей массе, очень хорошо владели их языками. Поэтому оставленная ими информация, как правило, не только обширна, но, невзирая даже на часто присущий ей европейский этноцентризм, также разнопланова, качественна и достоверна.

Изначально я старался выбрать для перевода те главы из «Реляций», в которых содержится как можно больше самых

разнообразных сведений относительно аборигенного населения района реки Святого Лаврентия и территорий к северу от нее в XVII веке. Лучше всего для этой цели подходили труды миссионера-иезуита второй четверти XVII в. Поля Ле Жена, содержащие множество материалов и этнографических деталей, касающихся монтанье – групп северных алгонкинов, занимавших территорию между Квебеком и Тадуссаком. Жак Руссо, специалист по этнологии, ботанике и зоологии Канады, в особенности Квебека, абсолютно справедливо назвал Ле Жена первым канадским этнографом, и тех, кто «хочет больше узнать о древних монтанье» отслал к его трудам (*Rousseau 1957:200*). К сожалению, слишком большой объем трудов Ле Жена не позволяет сделать их перевод в формате статьи. Они требуют отдельного издания. Кроме того, меня больше всего интересовали те группы северных алгонкинов, которые осваивали внутренние таежные районы Лабрадора и позже начали тесно контактировать с европейцами, чем обитатели бассейна реки Святого Лаврентия, о которых главным образом и писал Ле Жен. Поэтому я постарался найти в «Реляциях иезуитов» наиболее ранние и интересные главы, повествующие о жизни индейцев внутреннего сектора лабдорской тайги. Однако таковых оказалось относительно немного, и этнографическими деталями они были несравненно беднее трудов Ле Жена. Тем не менее, некоторые из них оказались, на мой взгляд, очень интересными. В первую очередь это касается отчетов и писем тех миссионеров, которые зиму проводили в лесах, кочуя с индейцами, а также дневников путешествий к «Морю Севера» (Гудзонову заливу) и «разведывательных» миссионерских выходов вглубь материка в поисках новой паствы. Перевод трех основополагающих документов, посвященных данной тематике и отражающих этапы освоения французами Лабрадора в XVII в., представлен в этой публикации. Это отчеты о путешествиях миссионеров Жана Де Кэна (1647 г.), Габриеля Друйета и Клода Даблона (1661 г.) и Шарля Албанеля (1671-1672 гг.).

Данные отчеты можно с полным правом зачислить в разряд «рассказов о путешествиях». В североамериканском

источниковедении обобщающее наименование «рассказы о путешествиях» носит обширный корпус достаточно разнородных исторических документов, включающий в себя такие труды как «реляции иезуитов, отчеты военных, повествования о путешествиях или исторические хроники». Одним словом, сюда входят все первоисточники, так или иначе отражающие отношения между автохтонами и европейцами (*Chaffray 2005:8*). Думается, в таком глобальном контексте обобщающее наименование «рассказы о путешествиях» выглядит несколько неудачным, поскольку многие из таких трудов не являются рассказами непосредственно о путешествиях. Ж.-Ф. Лафито, например, долгое время провел в миссии Конавага, и не совершал никаких путешествий, однако написанные им работы при таком подходе, несомненно, попадают в этот разряд. Тем не менее, к нашим трем текстам, которые, по сути, есть путевые записки участников экспедиций, определение «рассказы о путешествиях» подходит как нельзя лучше.

С самого начала основания колонии Новая Франция французы пытались достичь «Моря Севера», сначала, полагая найти путь в Китай, а затем, отстаивая свои экономические и политические интересы в англо-французском соперничестве. Уже Самуэль Шамплен в 1613 г. пытался попасть на «Море Севера» по реке Оттава, но безуспешно (*Oeuvres de Champlain 1870, 3: 292*). В реляции за 1657-1658 г. описаны «Различные пути из Канады к Морю Севера». Всего перечислено шесть путей, но все они были известны только по описаниям индейцев (*JR 1959, 44: 234-244*). Сведений о путешествиях по ним в этот период французов нет, но думается, безвестные «лесные бродяги» вполне могли проходить этими путями. Документально зафиксированную попытку посетить «Море Севера» в 1661 г. предприняли иезуиты Г. Друйет и К. Даблон. Затем в 1663 г. была экспедиция «лесного бродяги» толмача и исследователя Гийома Кутюра, который, по утверждению, автора XIX в. Ж.-Е. Руа первым из французов достиг Гудзонова залива (*Roy 1884:80*), Руссо же считает, что Кутюр побывал только на озере Немиско, дальше идти оказались его спутники-индейцы (*Rousseau 1948:17-18*). Миссионер Анри

Нувель в своем путешествии к папинаши и ушестигуек вверх по реке Маникуаган не ставил перед собой цель достичь «Моря Севера», но расспрашивал о нем индейцев (*JR 1959, 49: 70*). В 1672 и 1674 годах залив Джеймс два раза посетил Шарль Албанель, а в 1679 г. там побывал известный путешественник и первооткрыватель Луи Жойе (*Delanglez 1950:269*) после чего появление в этих краях европейских торговцев стало обычным делом.

Парадоксально, но при столь сильном интересе французов к Гудзонову заливу, это направление колонизации было все-таки в какой-то степени маргинальным. В XVII в. магистральный поток европейского освоения этой области Нового Света проходил по реке Св. Лаврентия в сторону Великих Озер и далее в южную и, несмотря на богатые ресурсы пушнины, все-таки в меньшей степени в северную сторону. Таким образом, в поле зрения авторов источников попадали группы, в этнокультурном отношении принадлежащие к области Северного Вудлэнда, а не к Субарктике. «Лесные бродяги» – представители знаменитой и мобильной социальной прослойки, сформировавшейся в самый ранний период становления Новой Франции, разыскивая богатые пушнинной места и индейцев, у которых можно было эту пушнину купить, появлялись в самых удаленных областях. Но, по-видимому, даже они редко посещали внутренние районы Квебека. Судя по всему, направленность маршрутов их экспедиций была ограничена западным и юго-западным направлениями и проходила главным образом через систему Великих озер (*Lafleur 1973:55-56*). Лабрадорская же тайга долгое время оставалась почти неисследованной. Данное обстоятельство придает особую важность сообщениям, тех авторов, которые предприняли путешествия в северные таежные области. Приоритет в этом следует признать за иезуитскими миссионерами, работы которых позволяют во многом заполнить данную лакуну. По утверждениям некоторых исследователей, интерес иезуитов к областям северной периферии Новой Франции был обусловлен тем, что «это было единственное свободное поле, оставленное миссионерам постоянными войнами дикарей» (*D'Arс 1954:221*). Действительно,

апогей ирокезской военной активности пришелся в этих местах в основном на 60-е гг. XVII в., тогда как на берегах реки Св. Лаврентия войны с короткими перерывами велись почти весь XVII в., что, впрочем, не помешало ей стать важнейшей дорогой французской колонизации Северной Америки.

Как уже отмечалось, в отличие от трудов Поля Ле Жена этнографических деталей в отчетах о путешествиях к «Морю Севера» содержится немного, но они являются наиболее полными из немногочисленных текстов, дающих хоть какую-то информацию о северных таежных группах алгонкинского населения.

Маршруты путешествий Жана Дэ Кэна, Габриэля Друйета и Клода Даблона, Шарля Албанеля

Маршрут Жана Де Кэна (Рис. 1)

Жан Де Кэн – единственный из представленных здесь авторов, кто не ставил себе цель достичь «Моря Севера». В 1647 г. с двумя проводниками монтанье он поднялся на каноэ из Тадуссака вверх по реке Сагеней до Шикутими, а затем, миновав несколько волоков, достиг озера Пьекуагами или Сен-Жан, окрестности которого населяла группа инну (монтанье), называвшаяся какушак или «нация дикобразов». Пробыв среди индейцев только три дня, он вернулся обратно. В литературе распространено мнение, что Де Кэн был первым европейцем, который достиг озера Сен-Жан (*Lecompte 1925: 20; Tremblay 1968: 83; Guitard 1984:15*). Это также утверждает и сам миссионер (***См. текст***). Думается, нельзя исключить и более ранние проникновения в это регион «лесных бродяг», но сведений об этом, видимо, не сохранилось. Таким образом, представленный отрывок является первым зафиксированным появлением европейца «в землях Пьекуагами».

Идентификация маршрута Де Кэна и его индейских проводников не вызывает особых затруднений и вопросов. От Тадуссака он пролегал вверх по фьорду Сагеней, затем в среднем течении Сагеней был первый волок при переходе в реку Шикутими. По реке Шикутими путешественники достигли озера

Кеногами и, пройдя по нему, перешли волоком в озеро Кеногамишиш, а оттуда по рекам Ольховая и Белль-Ривьер (Ольховая является притоком последней) достигли озера Сен-Жан. Это был наиболее распространенный путь индейцев, поскольку река Сагней, казалось бы, представляющая собой прямой и наиболее короткий путь, в верхнем течении изобилует порогами и водопадами. Путь из озера Кеногамишиш в озеро Сен-Жан пролегал вниз по течению, что существенно облегчало передвижение.

Все волок, по которым прошел Дэ Кэн, даже, невзирая на то, что он не оставил их подробного описания, можно точно определить, воспользовавшись списком землемера Жозефа Амея. Данный список, датированный 1828 г., фиксируют на этом пути семь волоков:

«Волок Шикутими, Шекутимиш Капутаган – длиной в две мили, на левом берегу.

Пыльный волок, Мейя Капутаган – в девять мерных лент (около трех арпанов) (около ста восьмидесяти метров – *Д.В.*).

Волок Ребенка, Уашко Капутаган – в семь мерных лент (около двух с половиной арпанов) (около ста пятидесяти метров – *Д.В.*) ...

Красивый волок, Мило Капутаган – в тринадцать мерных лент (четыре арпана в длину) (около двухсот сорока метров – *Д.В.*).

Островной волок, Министуки Капутаган – в тридцать три мерных ленты (немногим более одиннадцати арпанов) (около шестисот пятидесяти метров – *Д.В.*). Этот волок можно перепрыгнуть (пройти на каноэ, не выходя на сушу – *Д.В.*).

Скалистый (Каменный) волок, Ассини Капутаган – в двадцать мерных лент (семь арпанов) (около четырехсот десяти метров – *Д.В.*).

Волок Кенуагами, или Инсула Формоза, или Белль-Иль – длиной в 96 мерных лент (полторы мили). Он является водоразделом, отделяющем озеро Викуи от озера Кеногамиш» (*Tremblay 1968:94*).

К перечню Амея аббат Виктор Трембли добавляет еще три волока: волок между озерами Кеногами и Кеногамишиш, водопад

на Ольховой реке возле селения Д'Эбертвиль и водопад на реке Белль-Ривьер у Кушпэгона (*Tremblay 1968:94*).

Добавление Трембли к семи волокам Амеля еще трех не вызывает больших сомнений, но наводят, тем не менее, на некоторые размышления. С одной стороны, оно в точности соответствует словам Де Кэна, который насчитал на своем пути именно десять волоков (*См. текст*). В то же время, как мне представляется, если исходить из текста Дэ Кэна, нельзя исключать того, что водораздел между озерами Викуи и Кенгамиш по Амелю как раз и есть волок между озерами Кеногами и Кеногамишиш по Трембли. В таком случае, первый добавленный Трембли волок оказывается лишним. Если же исходить из утверждений Трембли, то на пути из Шикутими на Озеро Сен-Жан получают два водораздельных волока, что противоречит описанию самого миссионера, который упомянул только один водораздел – между реками Кенугамиу и Кенугамишиш, а также многочисленным картографическим данным.

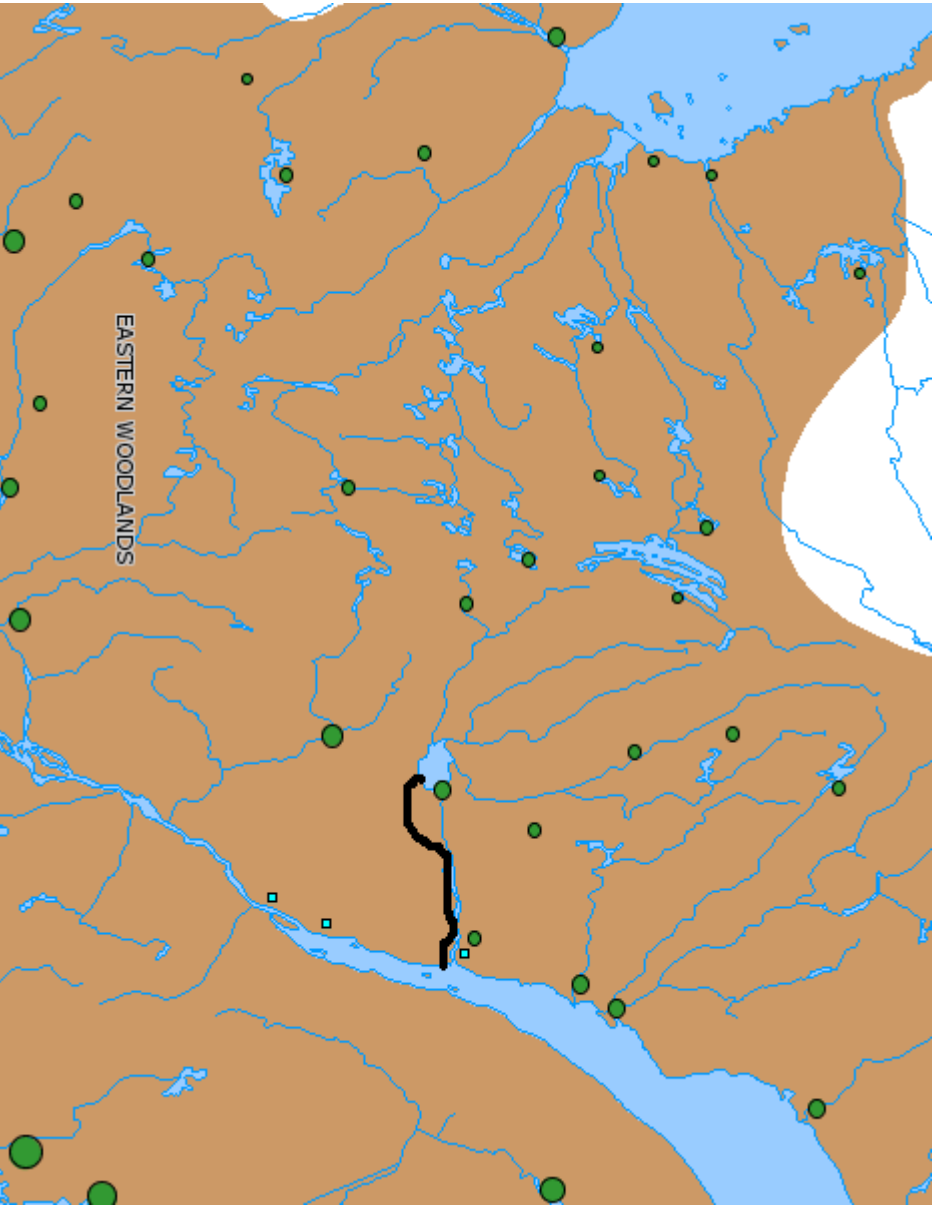
Маршрут Габриэля Друйета и Клода Даблона (Рис. 2)

Путешествие отцов Друйета и Даблона является первой документально зафиксированной попыткой французов достичь Гудзонова залива. Однако им в этот раз не удалось увидеть «Море Севера». Угроза столкновения с ирокезскими военными отрядами заставила их повернуть назад у озера Некуба.

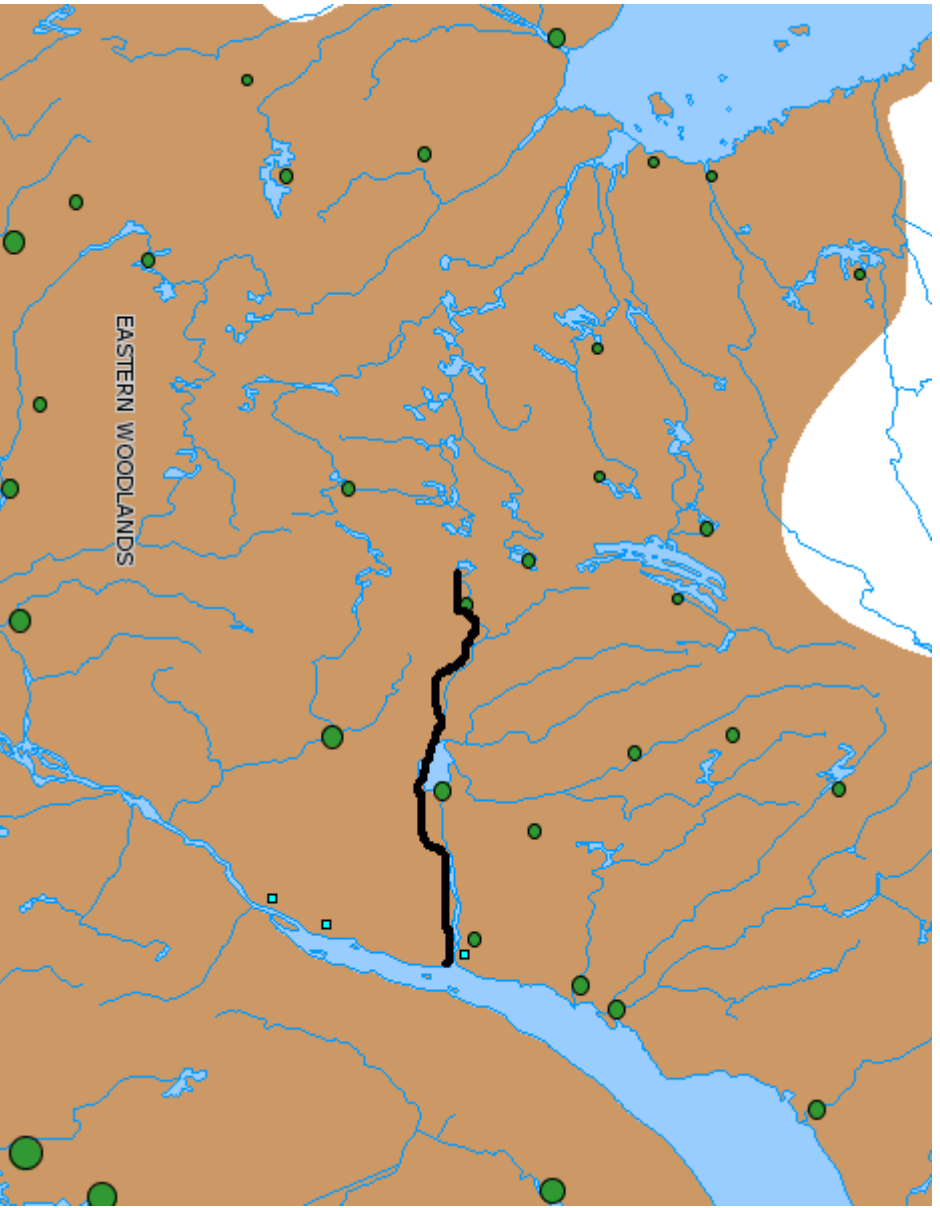
В реляции ничего не говорится о других участниках экспедиции, но известно, что тогдашний губернатор Канады Пьер де Войе д'Арженсон назначил руководителем этого предприятия сына губернатора Труа-Ривьера Мишеля де Нёфа де Вайера, который пригласил принять участие в нем знаменитых «лесных бродяг» Дени Гюйёна, Гийома Кутюра и Куйяра Деспре (*Tremblay 1968:122; Desrosier 1961:58-59; Lacoursière et Bizier 1979:207*). Письменный отчет об этом путешествии оставили после себя только иезуиты. В реляции за 1661 г. персональное авторство данного отчета не указано, но исследователи считают, что его автором был Клод Даблон (*D'Ars 1954:223*). Согласно словам самих миссионеров, они и их спутники были первыми

европейцами, появившимися севернее озера Сен-Жан (*См. текст*).

Спутниками французов, по словам Даблона (*См. текст*), были около двухсот индейцев (*Tremblay 1968:123*) – монтанье и ниписсингов, которые, согласно содержащимся в источниках данным, шли к Морю Севера на ежегодный торговый сбор разных алгонкинских групп. Исходя из содержания текста Даблона, можно заключить, что индейцы шли не налегке, а вместе со своими семьями. Это обстоятельство, несомненно, ограничивало мобильность экспедиции. Идущая по таежным рекам флотилия, о чем упомянуто в самом отчете, состояла из сорока каноэ (*См. текст*). Многие писавшие на эту тему исследователи также приводят цифру в сорок каноэ (*Tremblay 1968:122; Desrosier 1961:58*), но наряду с этим в литературе часто встречаются упоминания о восьмидесяти каноэ (*Lacoursière et Bizier 1979:207; D'Ars 1954:223*). Это расхождение, вероятней всего, следует объяснить тем, что в журнале иезуитов за 1661 г. упомянуто именно восемьдесят каноэ (*JR 1959, 46: 172*), тогда как Даблон – непосредственный участник экспедиции – говорит о сорока каноэ. По-видимому, авторы, писавшие о восьмидесяти каноэ, использовали данные этого журнала. Казалось бы, в первую очередь следует доверять непосредственному очевидцу и участнику событий, но, на мой взгляд, подсчеты не позволяют отдать абсолютный приоритет ни первому, ни второму источнику. Двести человек на сорок каноэ дают по пять человек на одно каноэ, а двести человек на восемьдесят каноэ – два с половиной человека на каноэ. Думается, если принять во внимание отсутствие данных о размерах каноэ, следует признать возможными оба варианта. Как известно, алгонкины Субарктики и Серного Вудлэнда использовали каноэ разных размеров, и грузовое, наряду с необходимым скарбом, вполне могло вместить более пяти человек. В то же время представляется сомнительным, чтобы в столь далекий поход индейцы отправились на двухместных охотничьих каноэ. Для сравнения приведу данные по путешествию Албанеля, в котором участвовало девятнадцать человек, и шли они на трех каноэ (*См. текст*). Таким образом,

Pnc.1

Pnc.2

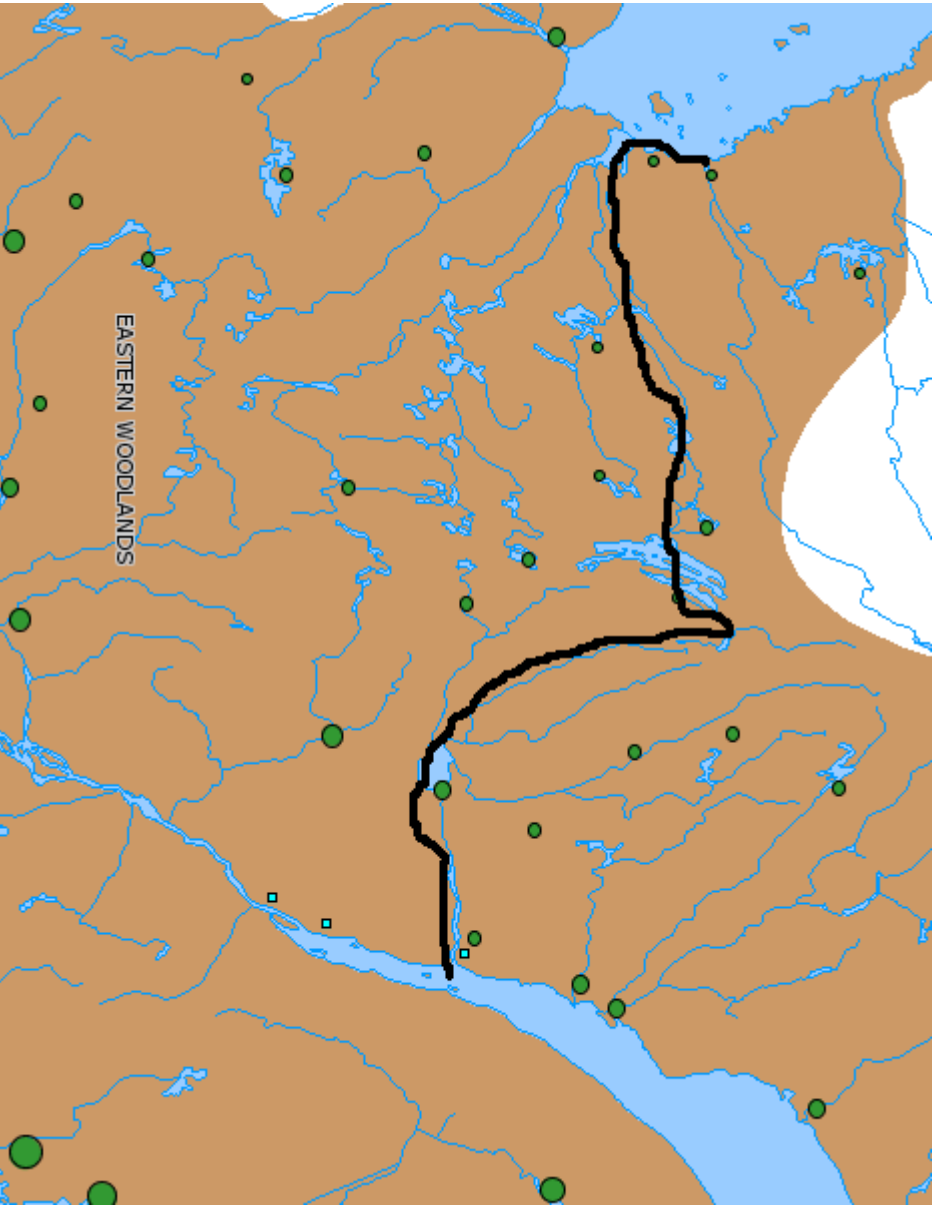

FIG. 3

упомянутые Даблоном сорок каноэ, по-видимому, все-таки более соответствуют истине. Как бы там ни было, большое количество участников является фактором, отличающим экспедицию Друйета и Даблона, от экспедиций Дэ Кэна и Албанеля, которых участвовали лишь несколько человек.

В отличие от вояжа Албанеля, описанию и идентификации которого посвящена относительно обширная литература, путешествие Друйета и Даблона, хотя и отраженное во многих работах, описывается в них лишь в виде кратких упоминаний (*Dawson 1905 :384; Roy 1897:211; Desrosier 1961:58-59; Lacoursière et Bizier 1979:207-208*). В некоторой степени исключительное положение занимает статья Мари де Сен-Жан Д'Ар (*D'Ars 1954*), в которой дано детальное описание маршрута экспедиции. Но эта исследовательница, по преимуществу, пересказывает отчет Даблона, сопоставляя его с текстом Дэ Кэна и с пятой главой Реляции за 1652 г. (*JR 1959, 37*), авторство которой она также приписывает Дэ Кэну, и лишь изредка прибегает к аналитическим заключениям. На мой взгляд, этот источник незаслуженно обойден вниманием исследователей. Возможно, это связано с тем, что маршрут Шарля Албанеля не совсем ясен и до последнего времени был предметом дискуссий, несмотря на то, что его отчет подробен и в нем указаны многие аборигенные топонимы. Маршрут же Габриэля Друйета и Клода Даблона, казалось бы, не вызывает никаких вопросов, даже невзирая на то, что Даблон в отличие о Албанеля не приводит в своем отчете аборигенных топонимов.

Многие авторы, в частности Д'Ар, сходятся во мнении, что начальный отрезок пути Даблона и Друйета (от Тадуссака до оз. Сен-Жан) четко совпадает с маршрутом Де Кэна (*D'Ars 1954:224*). Это утверждение вполне справедливо, подтверждением чему служат очень похожие описания этого отрезка самими миссионерами. Далее констатируется продолжение маршрута флотилии по реке Ашуапмушуан (Шамушуан), а затем по ее притоку реке Шегобиш до озера Некуба (*D'Ars 1954:229; JR 1959, 46: 304*). Это положение также вряд ли имеет смысл подвергать

сомнению, однако, используя статью Д'Ар, попытаюсь несколько конкретизировать маршрут Друйета и Даблона.

Продвигаясь по реке Ашуапмушуан с 19 июня, 24 июня флотилия достигла порогов, названных миссионерами пороги Иоанна Крестителя. Д'Ар отмечает, что в дальнейшем это название нигде не фигурирует и дает сноску на «Словарь рек и озер провинции Квебек», где на протяжении 20-22 миль до водопада Малый Котел упомянуты почти непрерывные пороги и стремнины (*D'Ars 1954:229*). Складывается впечатление, что водопад Малый Котел находится выше устья р. Шегобиш. По описанию географа О'Салливана, ниже места впадения р. Шегобиш в Ашуапмушуан идут чередой пороги Шляпа, Белая Ель и Ястреб (*Epervier*) (*O'Sullivan 1898:7*), возможно именно они соответствуют порогам Иоана Крестителя по отцу Даблону.

25 июня река разделилась на два русла, и флотилия двинулась вверх по левому. Даблон в своем журнале не приводит его название, но исследователями установлено, что это река Шегобиш – небольшой приток Ашуапмушуана, вытекающий из озера Шегобиш.

26 июня состоялся переход из озера Шегобиш (в тексте Даблона о нем не сказано) в озеро Ашуапмушуан. Д'Ар соотносит озеро Доброй Надежды Даблона и Друйета с озером Ашуапмушуан, и упоминает, что на карте Пьера Лора оно расположено к западу от озера Шегобиш (*D'Ars 1954:230*). Согласно современной карте (1967 г.), расстояние между озерами Шегобиш и Шамушуан (Ашуапмушуан) составляет около одиннадцати километров. Оз. Шамушуан расположено на основном русле р. Ашуапмушуан после большой излучины выше впадения в него р. Шегобиш. Вероятней всего, индейцы пошли по Шегобишу не только, чтобы избежать трудного пути, но и чтобы не идти по излучине и сократить путь. Даблон не упоминает о каком либо озере перед большим волоком 26 июня, но, исходя из его описания, события этого дня вполне можно интерпретировать как переход из одного озера в другое, возможно, относящееся к другой речной системе. Даблон говорит о трех днях частых волоков и переходов из одних рек и озер в другие (*См. текст*).

Д'Ар в своей статье вслед за Даблоном отмечает, что от оз. Доброй Надежды (Ашуапмушуан) до оз. Некуба надо идти три дня через озера реки и леса (*D'Ars 1954:230-231*). Однако на современной карте в этой местности изображена река, ведущая прямо в оз. Некуба. Д'Ар никак не комментирует это несоответствие.

За исключением данного несоответствия локализация озера Некуба не представляет собой проблемы, поскольку Даблон приводит его точные координаты. Д'Ар сравнивает его географическую широту, определенную Даблоном, с указанной на карте Пьера Лора (начало XVIII в.) и на современной карте (40-е гг. XX в.). По Даблону, широта оз. Некуба составляет сорок девять градусов двадцать минут с.ш., по Лору – оно расположено ровно на пятидесятой параллели, а точная авиационная карта дает для центра озера сорок девять градусов двадцать три минуты с.ш. Итак, Клод Даблон оказался более точен, нежели Лор, живший на семьдесят лет позже (*D'Ars 1954:231*). Исследовательница также обращает свое внимание на расхождения в журнале Даблона относительно расстояния от Тадуссака до оз. Некуба, которое в начале письма отцу Лаллеману определено в сто лье, а далее в тексте – в восемьдесят лье. Д'Ар объясняет это тем, что восемьдесят лье – это расстояние по прямой линии, а сто лье – с учетом непосредственно проделанного путешественниками пути со всеми излучинами рек и волоками (*D'Ars 1954:232*).

Маршрут Шарля Албанеля от озера Сен-Жан до озера Мистассини. (Рис. 3)

Иезуитский миссионер Шарль Албанель совершил два путешествия к заливу Джеймс: первое путешествие (1671-1672 гг.), перевод отчета о котором представлен в этой работе; и второе путешествие (1673-1674 г.), отчет о котором не сохранился, или вовсе не был написан. Сведения о нем можно почерпнуть только из разрозненных упоминаний в «Реляциях иезуитов» и архивах Компании Гудзонова залива (*Rousseau 1950:562*). Считается, что он и два его спутника француза были первыми европейцами, достигшими бассейна Гудзонова залива по суше.

Первое путешествие Шарля Албанеля очень широко известно исследователям, особенно представителям франко-канадской школы.

Начальный этап пути Албанеля от Тадуссака до озера Сен-Жан в точности совпадает с маршрутами, пройденными Де Кэном, а вслед за ним Друйетом и Даблоном (*Tremblay 1968:147*). В этом легко убедиться, если внимательно прочесть начало его отчета. Он упоминает все тот же длинный волок у Шикутими, озера Кеногами и Кенгамишиш (*См. текст*).

Далеко не все так однозначно обстоит с последующим этапом его пути от озера Сен-Жан до озера Мистассини. Идентификация маршрута экспедиции Албанеля на этом отрезке представляет собой отдельную проблему. Исходя из того, как описывает его сам миссионер, на первый взгляд складывается впечатление, что после зимовки путешественники продолжили путь по реке Ашуапмушун и, достигнув водораздела, перешли на какую-то другую реку, впадающую в озеро Мистассини. Не утруждая себя углубленным изучением вопроса, этого мнения придерживалось большинство авторов, писавших о путешествии Албанеля, а таковых наберется немало.

Данное мнение не оспаривалось ни кем до тех пор, пока Ж. Руссо не обратил внимание на то, что, базируясь на содержании дневника миссионера и упомянутых в нем топонимах, локализовать маршрут с абсолютной точностью, по-видимому, невозможно. Данных для этого явно недостаточно. Поднимался ли он по реке Ашуапмушун, как одиннадцатью годами ранее Друйет и Даблон, или по реке Мистассини – определить достаточно сложно. Руссо подробно проанализировал эту проблему в статье, посвященной непосредственно путешествиям Албанеля (*Rousseau 1950*).

По утверждению Руссо, все предшествовавшие ему авторы, за исключением аббата Виктора Трембли, полагали, что путь от озера Сен-Жан до озера Мистассини экспедиция Албанеля продела по реке Ашуапмушун (*Rousseau 1950:578*).

Действительно, это мнение было распространено очень широко. В статье Руссо дан обзор трудов, в которых оно

содержится (*Rousseau 1950:572-577*). Версии прохода по Ашуапмушуану придерживались издатель «Реляций иезуитов Р.Г. Твейт (*см. комментарий 64*), путешественники и исследователи Лабрадора конца XIX в. Дж. Бигнелл и А.П. Лоу, и ряд других авторов (Н.М. Краус, Е. Лепаж и **Dutilly**)

Отмечу, что сходного мнения придерживался С.Э. Доусон, который полагал, что Албанель, двинувшись в путь 1 июня 1672 г., поднялся по реке Шамушуан (Ашуапмушуан), до озера Некуба – конечного пункта экспедиции Друйета и Даблона, перешел волоком в озеро Палистаско (*Palistaskau*) и 18 июня достиг озера Мистассини. (*Dawson 1905:385*). Не совсем ясно, на чем базируется это автор, соотнося топоним Палистаско с озером. Албанель недвусмысленно указал, что Паслистаско – «Это небольшая полоса земли около арпана в ширину и двух арпанов в длину», являющаяся водоразделом (*См. текст*).

Несколько странным выглядит явно ошибочное мнение франко-канадского историка Н.-Э. Диона, который совсем не упоминает названия реки, по которой прошли путешественники, а лишь приводит упоминание Албанеля о двух реках, по которым можно достичь Гудзонова залива. Одна течет на восток и впадает в озеро Сен-Жан, а вторая направлена на северо-запад и впадает в Гудзонов залив, образуя на своем пути озеро Немиско. Далее начинается «самое интересное». Дион пишет, что оз. Немиско, расположенное в местности, называемой Паслистаско, на полпути между рекой Св. Лаврентия и Гудзоновым заливом, в реляции 1661 г. (сообщении Друйета и Даблона) названо Некуба (*Dionne 1891:187*). То есть, он, похоже, не видит разницы между озерами Некуба, расположенном в бассейне реки Ашуапмушуан, и являющимся конечным пунктом экспедиции Друйета и Даблона, и Немиско – проточным озером в среднем течении реки Немиско (Руперт), которая вытекает из озера Мистассини и впадает в залив Джеймс. В результате напрашивается заключение, что Албанель якобы назвал озеро Некуба Друйета и Даблона озером Немиско. Таким образом, Дион приписывает Албанелю то, чего он на самом деле не говорил. Следующий абзац окончательно вносит путаницу. Дион еще раз упоминает озеро Немиско, но теперь уже настоящее,

то, которое расположено на реке Руперт, и описывает его теперь уже существующей цитатой из Албанеля (*Dionne 1891:187*). Получается, Албанель прошел по двум озерам с названием Немиско? Дион никак не оговаривает это совпадение.

Албанель на деле писал о реке Некубо, протекающей юго-западнее реки, которую он и его спутники оставили 9 июня 1672 г. и после длинного и тяжелого волока, 10 июня пришли в Паслистаско – место, где проходил водораздел (*См. текст*). Об озере Немиско здесь он ничего не говорит.

Остается непонятным, допустил ли Дион досадную фактическую ошибку, назвав два разных озера одним и тем же именем, или он считал, что Албанель прошел по двум озерам с одинаковым названием. Ясно одно – этот запутанный отрывок позволяет в итоге приписать Диону версию пути Албанеля по Ашуапмушуану.

Однако, вопреки словам Руссо, не все его предшественники придерживались предположения о пути Албанеля из оз. Сен-Жан по реке Ашуапмушуан. Встречаются работы, где в данном контексте речь идет о реке Мистассини (*Pelland 1911:35*). Артур Бюйе, написавший во второй половине XIX века объемный труд по истории и географии бассейна Сагеня и озера Сен-Жан, предназначенный для колонизации региона в виде заселения его фермерами, прямо указывает, что в 1672 г. отец Албанель по рекам Мистассини и Руперт совершил путешествие к Гудзонову заливу (*Buies 1896:7*).

Ж.-Е. Руа пишет о некой Песчаной реке (впрочем, не исключено, что под этим названием скрывается Ашуапмушуан), о которой в отчете Албанеля не упоминается, и цепочке озер без названия (*Roy 1889:98*). В более поздней своей работе это автор прямо говорит о маршруте по Ашуапмушуану (*Roy 1897:211*).

Также не совсем правомерно Руссо назвал В. Трембли единственным автором, не разделявшим доминирующую точку зрения. На деле, этот автор, как раз, ее разделял. Согласно Трембли, Албанель из озера Сен-Жан поднялся на несколько миль по Ашуапмушуану, где проводники-индейцы решили зазимовать. Перезимовав, «Они продолжили подниматься по реке

Ашуапмушуан до места, где она разделяется на два рукава: один спускается к северу в направлении озера Мистассини, другой идет на запад. Именно по этому последнему пути они проследовали. Они прошли по озерам Некобо, Абатагама, Шибугамо и Укунипи, пересекли большое озеро Мистассини, затем вошли в реку Руперт, которая привела их к Гудзонову заливу» (*Tremblay 1968:140*). Недоразумение состоит в том, что эту же цитату приводит и Руссо (*Rousseau 1950:576*). Он ссылается при этом на работу «История Сагеня от начала до 1870 года», датированную 1938 г., и не упоминает ни в тексте, ни в ссылке, что ее автором является Трембли (я пользуюсь переизданием этой работы 1968 г., где указано авторство аббата Виктора Трембли). Говоря же о том, что Трембли не высказывал своего мнения о маршруте Албанеля в первом путешествии, а маршрут второго его путешествия провел по реке Шипшау, Руссо ссылается на другую работу Трембли (*Tremblay 1946:9; Rousseau 1950:577,578*).

Рассмотрев точки зрения предшественников, Руссо скрупулезно прослеживает возможный путь Албанеля и выдвигает свою гипотезу относительно этого вопроса, базируясь на анализе ранних источников и карт, сравнении дневника Албанеля с дневником Андре Мишо,* и опросе индейцев – знатоков местности. В итоге он приходит к выводу о более вероятном продвижении Албанеля по реке Мистассини, нежели по Ашуапмушуану.

Руссо приводит свидетельство спутника Албанеля Сен-Симона, датированное 1688 г., где тот утверждает, что в 1672 г. они прошли через Некуба, Мистассини и Немиско (*Rousseau 1950:564-565*). Однако Руссо считает вовсе не несомненным фактом, что они прошли эти озера последовательно. Он замечает, что путешественники зимой стояли «на краю озера (Сен-Жан – Д.В.)», т.е. недалеко от устья Ашуапмушуана, в бассейне которого находится и озеро Некуба. Зимой Албанель совершал свои посещения индейцев этого региона с миссионерскими целями.

* Андре Мишо – французский натуралист, совершивший путешествие на озеро Мистассини на сто двадцать лет позже Албанеля. Путь по маршруту Сен-Жан – Мистассини он проделал по реке Мистассини.

Было бы удивительным, полагает Руссо, если бы он не нанес визит в столь часто посещаемое индейцами место, как озеро Некобо. При этом он упоминает сообщение Друйета и Даблона, которые назвали Некуба местом, знаменитым своей ярмаркой, где собираются все окрестные индейцы (*Rousseau 1950:578*). Предположение, на мой взгляд, вполне резонное, но несколько вольное. Во-первых, ярмарка с плотной концентрацией индейцев на озере проходила летом, а не зимой. На зиму же, как известно, таежные охотники уходили в леса, разделившись на небольшие аморфные группы. В таком случае, Албанель, попросту, мог никого не встретить на озере Некуба. Во-вторых, Албанель в своем отчете только один раз говорит, что за время зимовки он посещал какие-либо стоянки индейцев. Речь идет о приходе зимовщиков на стоянку капитана Ускана в конце апреля. При этом миссионер часто упоминает о приходах самих кочевых групп индейцев к нему на стоянку (*См. текст*).

В своем исследовании Руссо выделяет три проблемы: 1) От озера Сен-Жан до озера Мистассини удобнее всего добраться двумя путями – два пути по Ауапмушуану и один по Мистассини; 2) Приведенные Албанелем индейские топонимы зачастую очень сложно или вообще невозможно сопоставить с современными; 3) Согласно миссионеру первой половины XVIII в. Пьеру Лору, Албанель был первым европейцем, прошедшим по озеру Албанель, которое поэтому и получило такое название. В таком случае он должен был идти по реке Мистассини. Но, отмечает Руссо, Албанель мог пройти по нему в 1674 году, во время своего второго путешествия к Гудзонову заливу (*Rousseau 1950:579*).

Руссо удалось дать точную географическую привязку только двум топонимам Албанеля. Это Паслистаско – место водораздела, и Пикуситесинакут – «Место, где изнашивают башмаки» (*Rousseau 1950:579*).

Относительно Паслистаско, который, как явствует из текста Албанеля, является водоразделом, отделяющим Гудзонов залив от залива Святого Лаврентия, Руссо использует данные Мишо и сведения, полученные от индейцев монтанье из поселка Пуант-Блэ (сейчас Маштеуиач) и мистассини. Мишо упоминает волок Монте-

а-пен, миновав который, он добрался до реки, текущей на север (речь идет о реке Нестоуканоу). Проведенный Руссо опрос его информантов-мистассини позволил соотнести это название с волоком Пастаскоу (Pastaskow) на водоразделе между реками Мистассини и Нестоуканоу. Монтанье назвали этот же самый волок Пасчестаган (Pastchestagan). Руссо считает топоним Паслистаско лингвистически почти идентичным этим наименованиям (*Rousseau 1950:579-580*) (*См. также прим. 64*).

Услышав название Пикуситесинакут, мистассини без колебаний соотнесли его с длинным волоком между озерами Албанель и Мистассини, носящим труднопроизносимое для не владеющего языком мистассини человека название Кароше-роуше-кочи-тэчи-нэнанэоуч, что в переводе означает «Волок, на котором продырявливают мокасины». И мистассини, и монтанье утверждали, что этот волок единственный, который носит такое название (*Rousseau 1950:580*).

Несомненно, все сложности возникают по причине упоминания Албанелем реки Некубо. Думаю, именно поэтому у исследователей не возникало сомнения в продвижении Албанеля именно по реке Ашуапмушуан. Руссо дает этому убедительное объяснение. Он также подметил совпадения в описании ландшафта «самого трудного волока» Албанелем (*См. текст*) и Монте-а-пен Мишо. Последний охарактеризовал день перехода по нему как самый тяжелый этап своего путешествия. Совпадают детали: и там и там путешественникам пришлось подниматься в гору, затем долго идти по заболоченной, изобилующей маленькими ручьями и озерами равнине. Пройдя этот путь, можно попасть на реку Нестоуканоу, которая является притоком Ашуапмушуана, а эту реку путешественники прошедших времен называли Некубо (*Rousseau 1950:582*). Это обстоятельство все ставит не свое место. Река Некубо Албанеля – это река Ашуапмушуан, которой можно достичь, двигаясь на юго-запад, но Албанель не говорит, что они это сделали.

Топография озера Мистассини, соотнесенная с описанием его Албанелем, также убеждает Руссо в правильности версии пути по реке Мистассини (*Rousseau 1950:585*). Идентификация

дальнейшего маршрута Албанеля, по мнению Руссо не представляет собой проблему (*Rousseau 1950:586*). Его путь от Мистассини до залива Джеймс пролегал по реке Рупрет, а затем он прошел вдоль побережья на север до устья реки Мискутенагасит (Истмейн).

Руссо ничего не говорит об обратном пути Албанеля, справедливо полагая, что возвращался он той же дорогой. При этом недавние исследования подтвердили правоту точки зрения Руссо по поводу пролегания маршрута Албанеля. Данное подтверждение базируется как раз на углубленном рассмотрении одного из отрезков его обратного пути. А именно, прохождения им района Мистассини. На обратном пути Албанель ничего не говорит об озере Мистассини, но пишет о прибытии 18-го июля на реку Минахигускат, где его ожидали двести индейцев мистассини (*См. текст*). Во время продвижения к заливу Джеймс Албанель не упомянул этот топоним. Современные исследователи Д. Дентон и Ж.-И. Пинталь отводят топониму Минахигускат (от *минахег* – белая ель) очень большое историческое значение, в том числе и из-за того, что его упоминание в тексте отчета доказывает присутствие Албанеля на реке Темисками в нижнем ее течении (*См. прим. 96*). Это свидетельство приводит авторов к выводу, что Албанель поднимался по реке Мистассини, затем по волоку перешел в реку Метавешиш – приток Темисками, а по ней спустился в озеро Албанель и Мистассини. Низовья реки Темисками прежде имели еще одно название – Минахег. Современные охотники-кри называют ее нижнее течение Каа Пишеминихиикускао (Каа Pischeminihiikuskaa) – «Со стороны места белых елей» (*Denton et Pintal 2002:31-32*). Попасть на эту реку, возвращаясь с залива Джеймс, удобнее всего через озеро Албанель, а затем наиболее оптимальный путь к озеру Сен-Жан пройдет по рекам Темискамии, Метавешиш и Мистассини. Албанель не дал подробного описания свое возвращение, но почти не вызывает сомнений, что оно пролегло по тому же самому маршруту.

Выводы Дентона и Пинталя подтверждают правоту точки зрения Руссо о пути Албанеля по реке Мистассини и несколько

корректируют местоположение волока Паслистанско. Вероятно, он располагался между реками Мистассини и Метавешиш, а не Мистассини и Нестоуканоу, как полагал Руссо.

Источники

JR. Vol. 31.

Сообщение о том, что произошло в Новой Франции, на великой реке Святого Лаврентия в 1647 году

Глава 12¹

О миссии Святого креста в Тадуссаке.²

.....

Пред тем как закончить эту главу, я скажу несколько слов о путешествии, которое предпринял отец де Кэн (de Quin)³ в страну нации⁴ дикобразов.⁵

Узнав, что некоторые христиане в тех местах были больны, он отправился туда в сопровождении двух дикарей, испытывая ужасные трудности. Вот, что он нам написал об этом: «Я отправился в путь 11-го июля в маленьком каноэ из коры. На протяжении пяти дней мы работали с раннего утра до захода солнца, продвигаясь на веслах против течения и стремнин, которые заставляли нас напрягать все нервы своих тел, чтобы их преодолеть. Во время этого путешествия мы повстречали десять водопадов или десять волоков. Нам приходилось десять раз выходить из каноэ, чтобы перейти из одной реки в другую, или из очень быстрого потока в другую часть реки, более удобную для плавания. На этих волоках, некоторые из которых были полтора лье⁶ в длину, другие в половину лье, а другие в четверть лье, нужно было нести на спине, или на голове лодку и все снаряжение по тропам, которые были протоптаны только дикими зверями. Столь они ужасны. Приходилось переваливать через горы,

проходить через глубокие ущелья, скрытые в чаще леса. Мы три раза меняли реки. Первая, по которой мы пустились в плавание, называется Санье (Sagné).⁷ Это глубокая река, и нет корабля, который бы не прошел по ней. В некоторых местах она достигает [в глубину] восьмидесяти сажень, а обычно поднимается или опускается от десяти до двадцати сажень. Она достаточно широка, ее берега представляют собой отвесные страшные горы, тянущиеся пятнадцать или двадцать лье от устья, где она принимает в свое лоно другую реку, более крупную, чем она сама, которая, кажется, течет с запада. Мы прошли десять лье от того места, где встречаются воды, которые образуют красивое озеро. Дующие над этой рекой ветры холодны даже в середине лета, потому что она обрамлена горами и не защищена от северо-западного и часто северного ветра.

Из этой реки мы перешли в другую, называемую Кинугамиу (Kin8gami8)⁸, которая низвергается в Санье стремнинами и ужасной пучиной. Мы прошли полтора лье, миновав одну гору и одну долину, чтобы найти удобное для плавания место. Она, будучи гораздо медленнее, чем Санье, петляет на запад, на юг и на северо-запад. Она образует озеро, которое более пятнадцати лье в длину и почти пол-лье в ширину.

Покинув эту реку, мы отправились через лес на другую, называемую дикарями Кинугамишиш (Kinougamichich).⁹ Ее русло проходит по земле, представляющей собой совершенно плоскую долину, которая смотрит на север. Ее воды очень глубоки, очень широки и совершенно спокойны. Местами ее берега поросли ольхой и кустарниками, которые доставляли нам неудобства на последнем отрезке [пути]. На двух предыдущих реках мы двигались против течения воды. Здесь мы начали спускаться к озеру Пиуагамик (Piouagamik),¹⁰ на берегах которого обитает нация дикобразов, которую мы искали. Это озеро такое большое, что едва видно его берега. Оно кажется круглой формы, глубокое и очень богато рыбой. Здесь ловят щук, окуней, лососей, форель, рыбу доре¹¹, белую рыбу¹², карпов и множество других разновидностей.

Окрестности озера являют собой ровную местность, заканчивающуюся высокими горами, удаленными на три, четыре, или пять лье от его берегов. Оно подпитывается водами пятнадцати рек, или около того, которые служат дорогами для маленьких наций, которые приходят на эти земли, чтобы рыбачить в этом озере, чтобы торговать и поддерживать дружеские отношения между собой. Некоторое время мы шли на веслах по этому озеру, и, наконец, мы достигли места, где были дикари нации дикобразов. Заметив нас, эти добрые люди вышли из своих хижин, чтобы посмотреть на первого француза, нога которого ступила на эти земли. Они удивились моему предпрятию, не веря, что у меня хватило отваги преодолеть столько трудностей из любви к ним. Они приняли меня у себя в хижинах, как человека сошедшего с небес. Один дал мне высушенную в дыму рыбу, другой немного копченого мяса. Капитан¹³ подарил мне бобровый *кастипитаган* (Castipitagan). Это шкура этого животного, вспоротая только у шеи таким образом, что бобр остается абсолютно целым.¹⁴ «Это, отец мой», сказал он мне, «чтобы облегчить трудности твоего пути. Мы не знаем, как выразить радость, которую мы испытываем от твоего прихода. Это повергает нас в грусть. Ты пришел в плохое время, у нас нет сетей (rets),¹⁵ чтобы ловить рыбу, и слишком большая вода для добычи бобров». Не стоит и говорить о том, что в этой стране вовсе нет ни хлеба, ни вина, ни молока, ни домов».

Отец пробыл у них три дня, исповедуя христиан, утешая больных, предрасполагая старейшин к крещению следующим летом, уверяя их, что если они не придут в Тадуссак, то он найдет их здесь, в их хижинах, что их в высшей степени обрадовало. «Мы тебе сделаем», сказали они ему, «маленькую часовню, или дом для молитв, чтобы служить там мессу и отправлять таинства.¹⁶ Эта часовня будет построена за два часа. Это сооружение будет состоять из десяти-двенадцати шестов и четырех-пяти рулонов коры».

Одна вещь вызвала у отца удивление. У входа в озеро он обнаружил большой крест, который христиане воздвигли здесь, чтобы молиться и вспоминать о смерти нашего спасителя.

Наконец, дав этой немногочисленной пастве настолько полное утешение, насколько он мог, он вновь пустился в плавание со своими двумя кормчими. За три дня они прошли столько, сколько проходили за пять, но это были насыщенные дни. Они гребли с трех часов утра до девяти-десяти часов вечера. Их пища состояла из небольшого количества копченого мяса и небольшого количества маиса, без какой либо другой поддержки, кроме простой воды. Если стремительное течение очень трудно преодолевать во время подъема, то во время спуска оно слишком опасно, так как достаточно пропустить только один взмах весла, чтобы расстаться с жизнью. Наш господь хранил их от опасностей, которые им повстречались, и они вернулись в Тадуссак измученные и выбившиеся из сил, но крайне довольные тем, что оказали посильную помощь этим несчастным покинутым.

JR. Vol. 46.

Сообщение о том, что произошло в миссиях отцов иезуитов в странах Новой Франции с лета 1660 года по лето 1661 года.

Глава 3.

Новая миссия у килистинон (Kilistinon), именуемая Сен-Франсуа-Ксавье, направленная к Морю Севера.

Один древний образно сказал, что солнце рождается и умирает каждый день, и что неизбежность его смерти почти сразу же сменяющаяся неизбежностью его рождения, не делает его ход более медлительным. Напротив, оно всегда ровным шагом продвигается к ночной могиле, хорошо зная, что оно не может воскреснуть, не умерев, и что его восход всегда должен предшествовать его закату.

Миссионер в этих краях, который, как солнце на землю, несет лучи веры в эту варварскую страну, должен следовать образу действий этого владыки звезд, не приходя в уныние, если ему придется увидеть одновременно рождение и смерть миссии.

Прошло пять лет с тех пор, как мы предприняли попытку основания миссии у ирокезов. Было легко предвидеть, что те, кто видел ее восход, увидят также ее закат, и что она вполне может стать могилой тем, кто дал ей рождение. Однако это обстоятельство не сделало их более бездеятельными в их трудах, и множество ирокезских детей не стали бы теперь райскими ангелами, будь они слишком боязливы в этом предприятии, или слишком тщательны в правилах человеческой осторожности.

Когда эти народы, обитающие по берегам озера Верхнее в четырехстах лье отсюда, в прошлом году пригласили к себе миссионеров, отец Менар,¹⁷ которому выпала эта счастливая участь, предвидел там такие трудности, что посчитал свою жизнь очень короткой, а свое здоровье очень ослабленным для такого длинного и тяжелого путешествия. Но он, тем не менее, пошел, и вот уже второй год, как он отправился в этот путь, от него нет никаких новостей. Мы не сомневаемся, что он испытывает достаточно страданий, чтобы умирать каждый день чаще, чем солнце. Но также мы уверены, что обращение душ стоит этих тягот и опасностей и этих возобновляющихся смертей.

Миссия, о которой идет речь в этой главе, по своей природе относится к таковым, успех которых не определен, потому что это начинание во многом делалось наудачу. Но какая бы неопределенность, какой бы риск и какие бы смерти не встали на пути, достаточно того, что есть души, которые нужно завоевать, чтобы не прийти в уныние от всех этих препятствий, которые обычно делают завоевания более заслуженными и более славными.

Мы знаем, что уже долгое время мы имеем за спиной Море Севера, населенное множеством дикарей, которые никогда не соприкасались с европейцами. И что это море соединяется с Китайским морем и только там можно найти проход туда. Что именно там расположен этот знаменитый залив шириной в семьдесят лье и глубиной (profonde) (длиной?) в двести

шестьдесят¹⁸, впервые открытый Гудзоном,¹⁹ который назвал его своим именем. За это он не получил другой славы, кроме славы первооткрывателя пути, который заканчивается неизвестными империями. Именно у этого залива в определенное время года находится множество окрестных наций, известных под общим названием килистинон.²⁰

Всю последнюю зиму один капитан ниписсиньен (Nipissirinién) (ниписсингов)²¹ пространно рассказывал нам о численности этих народов, о расположении и нравах страны и, в особенности, о главной ярмарке, которая должна там состояться следующим летом, на которую были приглашены наши дикари²² из Квебека и Тадуссака. Это был прекрасный случай, самим отправиться разузнать [эти земли], о которых мы прежде знали только из достаточно ненадежных рассказов дикарей. Получить важные и примечательные знания, такие как выяснение точной долготы и широты этих новых земель, от которых частично зависит открытие прохода к Японскому морю, а также разузнать места и эффективные средства для работы по обращению этих народов.

Итак, для этого отцы Габриэль Друйет²³ и Клод Даблон²⁴ вышли отсюда в прошлом мае с большинством наших дикарей, один с намерением зимовать в этой стране и не торопясь ознакомиться со всеми необходимыми вещами для успешного основания этой миссии, а другой, чтобы поведать нам об этих новых открытиях и обрисовать нам современное состояние этих областей и не щадить наших усилий (*ne pas épargner nos sueurs*) во имя душ, за которые Иисус Христос пролил всю свою кровь.

Но так как ирокезы, являющиеся большим бедствием для христианства, заняли все реки, по которым удобно добраться до этих наций, нужно было искать пути, расположенные в стороне, столь трудные и опасные, что их считают недоступными этим пиратам.

Посмотрим, что пишут об этом отцы из Некубы²⁵ – места, которого они достигли спустя два месяца после своего отбытия отсюда.

Письмо, написанное преподобному отцу Жерому Лаллеману²⁶ – главному настоятелю миссий ордена иезуитов в Новой Франции *из Некуба, что в ста лье от Тадуссака, в лесах на пути к Морю Севера. Второе июля 1661 год.*

Мой Преподобный Отец,

Pax Christi

Transivimus per egerum terribilem et maximam можем сказать мы вслед за Моисеем. Мы прошли леса, способные испугать и самых опытных путешественников либо огромным пространством этой великой пустоты, где мы нашли одного только Бога, либо суровостью трудного и опасного пути, потому что продвигаться там нужно над пропастями и плыть над бездной, доверяя свою жизнь хрупкой коре на водоворотах, способных поглотить большие суда. Наконец, с божьей помощью, мы прошли почти половину пути к Морю Севера и достигли места, где находится центр между этими двумя морями – того, которое мы оставили и того, которое мы ищем. Так как, идя из Тадуссака сюда, мы постоянно поднимались, и так много, что наши дикари, желая объяснить нам причину исключительной жары, которая выжгла эти места, говорили, что это происходит от близости солнца, к которому мы подошли очень близко, преодолев такие высокие водопады и в таком большом количестве. Теперь, начиная с этого места, нам предстояло только спускаться. Все реки, по которым нам предстояло плыть, впадали в Море Севера, тогда как все те, что мы прошли, текут к Тадуссаку.

Вот краткий журнал всех наших дорог, писавшийся то на вершине скалы под шум водопада, то у подножья большого дерева, способного защитить нас своей тенью от лучей солнца, которое было здесь невыносимым. Здесь вы увидите несколько весьма заметных проявлений Провидения в испытании, которому оно подвергло своих учеников очень дружественным и удивительным руководством.

Секция 1. Журнал первого путешествия, совершенного к Морю Севера.

По причине заразной и до этого момента неизвестной болезни мы задержались в Тадуссаке на три недели. От этой болезни умерла большая часть тех, кого она охватила. Но это было только от яростных конвульсий, в которых они бились странным образом, испуская дух почти как безнадежные, или, по крайней мере, от судорог членов, которые делали их сильнее, чем совместно трое или четверо мужчин, даже, несмотря на то, что их души были вот-вот готовы покинуть тело (*ils avoient l'ame sur le bord des levres*). Это было первое из выпавших [нам] испытаний милосердия, но которое не стало для нас столь тягостным, чтобы остановить нас в начале нашего пути.

Наконец болезнь немного утихла, и 1-го июня 1661 года мы отправились в путь в количестве сорока каноэ. Мы оставили Тадуссак, но так и не смогли оставить болезнь, которая преследовала нас, вновь поразив некоторых из наших дикарей, и поставила под сомнение наше путешествие уже в самом его начале, замедлив работу наших весел, несмотря на волю наших желаний. Поэтому мы были вынуждены потратить пять дней, чтобы достичь места на расстоянии одного лье от Шигутими (Шикутими) (*Chigoutimi*).²⁷ Мы расположились на скальном островке и на это время отправились на поиски пропитания в соседние леса. С вершины этой скалы открывается часть [реки] Сагене (*Saguené*),²⁸ позволяющая любоваться двумя наиболее примечательными особенностями этой красивой реки. Первая заключается в том, что на расстоянии более чем в двадцать лье, от своего устья у реки Святого Лаврентия она всегда течет вниз, даже при приливе, хотя выше этих двадцати лье есть свои прилив и отлив, соответствующие морскому приливу и отливу. Поэтому в одно и то же время ее воды поднимаются с одной стороны и опускаются с другой. Такое же явление отмечается на большой реке Святого Лаврентия. Когда море во время прилива входит в реку, она сильно разливается, но не перестает всегда при этом течь

вниз, до определенного предела, когда мы видим прилив и отлив с шести до шести часов. Это происходит, потому что он [Сагене] более быстр и яростен в своем устье, чем в более высоких и удаленных местах. Поэтому прилив или фло (flot) (как говорят матросы) не может преодолеть в этом месте силу течения. Второе чудо состоит в том, что хотя мы и находимся примерно в тридцати лье выше Тадуссака, тем не менее, вода здесь также высока и такой же прилив, как и в Тадуссаке. Такого не бывает на других реках, которые последовательно наполняются морским приливом, сначала в местах, близких к морю, а затем уже в более удаленных от него, уходящих вглубь земель.

Шестого [июня] мы успешно прибыли в Шегутини (Chegoutinis) – место, примечательное тем, что здесь заканчивается удобная навигация, и начинаются волоки. Так мы называем места, где быстрота [течения] и водопады принуждают перевозчиков выходить на землю и нести на своих плечах каноэ и всю поклажу, чтобы преодолеть водопад. Итак, мы начали от этого места носить наши маленькие суда взаимно [поменявшись с ними местами], поскольку до этого они несли нас. А это около одного лье пути. После чего мы обнаружили одну реку, по которой мы прошли некоторое время, но на следующий день надо было нагружаться своей ношей четыре раза и два раза днем позже. Потом мы вошли в очень узкое озеро около девяти лье длиной. Дикари называют его Длинное Озеро.²⁹ Один из его берегов дал нам приют на ночь девятого дня. Пристанище, которое здесь можно найти здесь повсюду, создано руками природы. Оно обычно общее для людей, оленей и лосей.

Следующий день мы бодро шли по этому озеру, так как дорога была хорошей. Но скоро она закончилась. Нам снова пришлось выгрузить наш багаж, который мы погрузили обратно в наши каноэ в половине лье от озера, чтобы плыть в тени по одному ручью. Поскольку ветви деревьев по обоим берегам, переплетаясь между собой, образовывали естественную колыбель, они доставляли нам больше труда своими препятствиями, чем удовольствия своей тенью. Мы не огорчились тем, что нам пришлось покинуть эту водную сеть, которая имела труд нас

нести, и которая нам также доставила много забот. Это было сделано, чтобы войти в несколько более полноводную реку, где мы во всех отношениях не испытали недостатка в воде, так как сильный ливень, падавший на наши головы, предоставил нам ее больше, чем мы ее желали. Этот дождь преследовал нас почти постоянно до озера Сен-Жан, которое является конечным пунктом продвижения французов. Никто еще не осмелился пройти дальше, либо из-за того, что путь отныне будет слишком труден, либо поскольку он был неизведан до настоящего времени.

Возле устья этого озера, имеющего красивый вид, раскинулось несколько островов, после которых оно медленно простирает свои воды на превосходный песок, который обрамляет его по всему кругу, вытягивающемся в овал. Его диаметр составляет семь-восемь лье. Оно появляется как корона прекрасного леса, который бросает тень на его берега, и с какой стороны на него не посмотреть, оно будет как зеленеющая сцена и как прекрасный естественный театр в двадцать лье окружности. Оно не очень глубокое, хотя в него впадает множество рек, которые должны бы его увеличивать дальше, потому что опорожняет его только одна – река Сагене, истоком которой оно является.

Наши дикари, очарованные красотой этого места, захотели наслаждаться ей семь-восемь дней, то ли, чтобы немного передохнуть после пройденных трудностей, то ли, чтобы подготовиться к будущим, которые будут несравнимо более сильными, такими, что они даже начали сомневаться, сможем ли мы их преодолеть. Именно поэтому они нам советовали не идти дальше, уверяя нас, что пути будут совсем ужасны. Они нам сказали нам, что это сплошные пучины, где французов должно вскоре ожидать кораблекрушение, потому что сами они, привыкшие с детства к подобным плаваниям, не избегают участи порой сгинуть в них. Это, говорили они, не обыкновенные пороги, а водовороты, перегороженные с двух сторон высокими скалами, отвесно торчащими над рекой, среди которых, стоит пропустить всего лишь один взмах весла, как разобьешься о подводный камень или низвергнешься в бездну. Самые отважные среди них

признаются, что отворачивают головы, когда они проходят эти пороги, и что от этого весь день пребывают в ошеломлении. Я очень хотел верить, что в их рассказе есть преувеличение, но те из них, что мы увидели, безусловно, превзошли все, что можно себе представить. Мы им возразили, что мы уже слишком далеко продвинулись, чтобы отступать, и что цена спасения одной души намного больше цены тысячи жизней.

Еще нам доставила огорчение новость, которую мы узнали перед входом в озеро. Нам стало известно, что посланники нашего проводника, которые должны были созвать нации Моря Севера и назначить им место встречи для ожидания нас, были таинственным образом убиты прошлой зимой. Эти бедные люди были поражены (как нам сказали) неизвестной нам болезнью, но которая не является очень необычной среди народов, которых мы искали. Они не страдают ни лунатизмом, ни ипохондрией, ни бешенством, но они подвержены смешению всех этих видов болезней, поражающему их разум. Причиной тому является голод, больше, чем собачий, делающий их настолько жаждущими человеческой плоти, что они бросаются на женщин, детей и даже на мужчин, словно настоящие волки-оборотни. С ожесточением их пожирают и, не имея возможности насытиться, постоянно ищут новую добычу, и чем больше они их съели, тем с большей жадностью. Именно эта болезнь поразила этих посланников: и так как смерть есть единственное средство среди этих добрых людей, чтобы остановить эти убийства, они были убиты, чтобы остановить продолжение их мании.³⁰ Эта новость была бы способна прервать наше путешествие, если бы мы не были столь подкреплены верой, которая делала нас непоколебимыми.

Итак, мы по прежнему следовали по своему пути, продвигаясь к краю озера, где в него впадает река, которая должна послужить нам входом в страну, до сих пор неизвестную французам. Но прежде чем направить нас туда, Богу стало угодно, чтобы мы от его имени вступили во владение этими новыми землями, окрестив восемь человек, которых он послал в наши руки силой Провидения. Это были чужие дикари, происходившие из той страны, куда мы направлялись, среди которых одни зимовали в

Квебеке, другие были бродягами среди лесов и озер этих мест, не имевшими этой зимой никакой постоянной резиденции. Бог очень своевременно объединил их вместе и сделал так, чтобы мы их встретили здесь, чтобы привлечь их в лоно церкви, как бедных бродячих овец. Четверо из них были торжественно крещены на песке этого озера со всеми церемониями, которые смогли позволить время и место. Другие были или больными, или детьми, которых не смогли принести в эту полевую (*champestre*) церковь, которую мы воздвигли. Я представил себе, что небесные ангелы не сводили глаз с этого зрелища, и что им доставляло больше удовольствия смотреть на эти святые церемонии, отправляемые в церкви из листьев и на алтаре из коры, чем на те, что поведятся с помпезностью под мрамором и порфиром больших базилик Европы. Первый, кого мы окрестили, получил имя Сен-Франсуа-Ксавье – покровителя этой миссии; второй – Сент-Игнаса. Это были два брата от десяти до двенадцати лет, хорошо подготовленные, которые прекрасно знали свой маленький катехизис. Так как они были приучены декламировать в хижине утром и вечером все молитвы, которые они знали, они воодушевили этим примером свою мать и вызвали у нее желание попросить крещения, чего она добилась вместе с ними. Таким образом, жизнью своей души она обязана тем, кому она дала телесную жизнь. Мать счастливо стала последовательницей своих детей. Это восхитительно для дикарей, дети которых живут не менее свободно, чем птицы и бобры.

После этих счастливых начинаний и после небесного благословения за отслуженную мессу, в воскресенье девятнадцатого в восьмидневный праздник Святого Причастия, мы отправились в путь, чтобы с добром войти в земли Сатаны.³¹

Итак, мы вышли из озера в реку, которой мы дали имя Святого Причастия³². Она красивая, широкая, с островами и лугами. Она тихо текла и несла нас к нашему удовольствию на протяжении чуть более трех лье. Мы и не предполагали, что такие спокойные воды могли так быстро взбунтоваться перед скалами, преграждавшими им проход. Но вскоре сильный шум вывел нас из заблуждения, уведомив нас, что неподалеку отсюда нам предстоит

работа. Действительно, мы встретили идущие сразу друг за другом четыре водопада, которые четыре раза заставляли нас выходить на сушу. И пока наши каноэ пришлось нести над этими порогами, у нас было много времени, чтобы рассмотреть эти природные каскады, которые скорее вызовут ужас, чем удовольствие у тех, кто их увидит. Видится только пена, которая падает на скалы, перегораживающие русло. Они расположены одна на другой, то в форме ступеней, которые кажутся очень искусно сработанными, то в виде кучи небольших горок, нагроможденных одна на другую. Их пики, торчащие из воды, угрожают крушением тем, кто [здесь] проходит.

После мы продвинулись на два лье по этой же реке, которая обрела свою былую красоту и текла настолько спокойно, что, казалось, она никогда не должна больше вновь стать бурной. Но вскоре мы наткнулись на пятый волок, затем на шестой, который настолько утомил нас, что вынудил искать здесь пристанище, чтобы переночевать. Соседний лес прекрасно предоставил нам его в виде больших деревьев, под которыми отдых был намного более приятным, чем под позолоченными и ажурными лепнинами, где беспокойство и бессонница появляются намного чаще, чем в тиши лесов.

На двадцатый день после нашего отъезда из Тадуссака с рассвета мы держали в руках оружие, чтобы встретить каноэ, которое было замечено прошедшим днем, и которое, мы предположили, могло быть ирокезским каноэ. Мы сделали краткую остановку из боязни, что эти враги застанут нас врасплох на волоке во время перехода. Но у нас появился другой враг, следовавший за нами по пятам. Это смертельная болезнь, которая, атаковав нас сначала в Тадуссаке, прошла все водопады вместе с нами. После того, как она отняла у нас первую дочь капитана ниписсиньен (Nipissirinién) (ниписсингов) – нашего проводника, она столь яростно поразила вторую, что менее чем через два дня она последовала в мир иной за своей старшей сестрой. Горе отца было таким сильным, что мы сомневались, сможет ли он довести нас до Моря. Это несчастье стоило нам трех дней задержки, чтобы уделить время, согласно обычаю, плачам и похоронам.

Мы начали двадцать третий день с трех достаточно тяжелых волоков, а потом обнаружили спокойную по своему обыкновению реку. Это чередование являет собой нечто прекрасное, когда после больших битв, которые приходилось вести с надоевшими водоворотами, мы плыли по спокойной воде, хотя и смешанной с нашим потом, капающим с наших тел из-за жаркой погоды и работы веслами. Едва мы проделали два лье в этом чередовании удовольствия и трудностей (*dans cette douce amertume*), как нам пришлось оставить весла и взять в руки длинные шесты, чтобы преодолеть эти знаменитые стремнины, рассказами о которых нас хотели напугать. Правда, что если бы высота воды была бы такой, какой она должна была быть, мы бы совсем отчаялись дойти до цели. Так как, если бы помимо неистового течения было бы глубоко, берега, которые почти повсюду были обрывистыми с перпендикулярно стоящими отвесными скалами, были бы совершенно недоступными. Но вода этого большого порога опустилась ниже, чем обычно, сделав нам этот путь менее опасным и более легким. Итак, мы отчалили незадолго до четырех часов утра и без отдыха и еды, не переставая, сражались с течением, со скалами и со смертью до пяти часов вечера. И за этот полный день работы мы едва-едва продвинулись на каких-то три лье.

Двадцать четвертого [июня] мы встали еще раньше, чем в предыдущий день. Нам пришлось намного больше работать, чтобы преодолеть оставшиеся стремнины. Мы назвали их пороги Святого Иоанна Крестителя (*S. Jean Baptiste*), потому что мы поднимались по ним накануне и в день этого святого.

Двадцать пятого [июня] мы оказались в месте, где река разветвляется на два русла. Одно, более широкое, течет с правой стороны, другое, более узкое – с левой стороны. Мы не пошли по первому, потому что оно намного более сложное, чем второе, которое не замедлило подвергнуть нас испытаниям, вынудив за короткий отрезок времени пять раз выходить на землю и вновь погружаться в лодку.

Двадцать шестого [июня] выдался трудный переход, так как нужно было нести каноэ и поклажу на высокие горы и больше приходилось передвигаться по земле, чем по воде. Было бы

удовольствием продвигаться в тени больших деревьев и в густом лесу, если бы мы не были так сильно нагружены, а пешие переходы не были бы такими длинными. Также большим удовольствием было бы идти по реке, если бы мы больше плыли, а не шли по суше, потому что в ней больше скал, чем воды. Один из этих переходов показался особенно длинным, так как постоянно приходилось заниматься ремеслом то моряка, то грузчика. Но вечер поэтому показался особенно приятным, и мы очень легко заснули, не имея в качестве матраца ничего кроме скалы, которая была здесь для нас завершением трудов и опасностей, и началом озера, которое мы называли озеро Доброй Надежды, потому что когда мы сюда прибыли, самые большие трудности закончились вместе с опасностями.

Три следующих дня ушли на переходы по озерам, затем на поиски в лесу рек, ведущих в другие озера и в другие реки, которые вывели, наконец, нас в [озеро] Некуба, которое, как я говорил, является серединой [пути] между двумя морями – Морем Севера и морем у Тадуссака. Мы определили его в широту сорок девять градусов двадцать минут и долготу в триста семь градусов десять минут,³³ потому что из Тадуссака в направлении на Северо-запад на четверть Запад после тридцати пяти лье самого короткого пути мы встречаем озеро Сен-Жан; и это озеро расположено на широте в сорок восемь градусов тридцать минут и долготе в триста семь градусов пятьдесят минут. В направлении на Северо-запад на четверть Запад мы находимся сейчас, проделав около сорока пяти лье по прямой линии.³⁴

Более того, Некуба – это место, знаменитое своей ярмаркой, которая проходит там каждый год, и на которую для своей небольшой торговли собираются все окрестные дикари. Вот какой прием нам оказали шестьдесят человек, которые нас здесь ждали и которые оказали нам такой прием, какой принят в этой стране. Они стали петь и испускать радостные крики, эхо от которых разносилось по всему берегу. Это в своей простоте было высшим проявлением их радости нашему появлению, чего они не смогли бы сделать хорошо заученными концертами и королевской музыкой. Затем последовали торжественные речи. Так как мы

находились еще в каноэ, готовясь высадиться, оратор, говоривший от имени всех, разместился на пне, который находился совсем рядом с кромкой воды, и произнес оттуда в наш адрес первое приветствие. Словно стоя на золоченой кафедре, он воодушевленно ораторствовал в нашу честь некоторое время, пока грохот главного ружейного залпа, которым нас приветствовали, не заглушил его голос и не привел к концу его речь. Когда этот маленький салют (*petit tonnerre*) завершился, песни усилились вдвойне, и начался танец, в котором вперемешку участвовали и старики, и дети, но настолько ритмично, что их бал нашел бы одобрение во Франции. Наши дикари, которые находились еще в каноэ, отвечали на эти игры сходными церемониями, хвастаясь тем, кто лучше поет или скорее, кто громче кричит. Это увеселение заставило нас забыть все пройденное, и мы с радостью ступили на землю после многократных обоюдных приветствий.

Мы приветствовали эту новую землю, куда по своей воле Бога мы пришли по дорогам, переполненным крестами, а также, чтобы установить их среди этих лесов, где они еще никогда не появлялись. Здесь не видно ничего красивого и ничего привлекательного. Это сухая, бесплодная песчаная почва. Горы покрыты только скалами и небольшим количеством деревьев, которые находят достаточно влаги для роста в скальных трещинах, в которых они родились. Здесь не встретить ни красивых лесов, ни хорошей земли. Люди этой местности не знают, что такое возделывать землю. Они живут, как птицы, только добычей охоты и рыбной ловли. Зимой, при частой нехватке и того и другого, они сами становятся добычей голода. Лоси и другие звери встречаются здесь редко, потому что здесь так мало леса, в котором они могли бы найти себе укрытие. Птиц здесь заметно так мало, что, кажется, будто они улетели из этой глуши. Мы убедились в правдивости слов наших дикарей, которые говорили нам, что, достигнув этих мест, мы минуем страну мошкары и комаров, которые не могут найти здесь себе пропитание. Единственное благо этой пустыни состоит в том, что здесь не имеют возможности прокормиться даже эти маленькие насекомые, очень досаждающие человеку. Воздух здесь почти всегда затемнен дымом, причиной которого

являются пожары в окрестных лесах, которые, вспыхнув в пятнадцати-двадцати лье по окружности, отбрасывали в нас свои угли на расстояние больше, чем в десять лье. Из-за этого мы редко могли насладиться красотой солнца. Оно все время показывалось нам, затянутое облаками дыма, временами настолько чрезмерно, что самые большие солнечные затмения не приводят воздух, землю и травы в более печальное и мрачное состояние. Лесные пожары, которые являют собой здесь вполне обычное явление на протяжении одного или двух летних месяцев, и по причине которых мы видели много леса, полностью состоящего из потухших головешек, наполняли воздух такой сильной жарой и делали его столь душным, что там с трудом можно было существовать. Причина этих бедствий, возможно, послужило то, что местные леса состоят только из маленьких сосен, тсуги и ели – смолистых деревьев, сок которых, выходя наружу, обволакивает их липкой и вязкой смолой, что делает лес целиком таким же восприимчивым к огню, как корабль, обмазанный варом и гудроном для защиты от воды. Из-за этого в этих странах, где почти никогда не идет дождь, солнечные лучи, падающие на эти высокие скальные горы, так сильно нагревают все это легко воспламеняемое вещество, что стоит огню только чуть появиться либо от молнии, либо по небрежности или по умыслу какого-нибудь дикаря, моментально возникает вихрь пламени, который охватывает лес и набрасывается на это древесное меню с такой жадностью, что однажды, помимо всего прочего, мы не смогли спасти от него одно из наших каноэ, которое было поглощено огнем.

И что особенно удивительно, это то, что за этой чрезмерной жарой следуют такие жгучие холода, что еще в июне здесь пользуются снегоступами для передвижения по снегу. Чтобы не вести об этом речь дальше, заметим, что фиалки появляются здесь на пять месяцев позже, чем во Франции.

Однако в этой столь мало благодатной по природе стране есть жители. Они, являясь такой же, как и мы, частью искупления Иисуса Христа, очень заслуживают того, чтобы мы сделали так,

чтобы они смогли наслаждаться вечным покоем после стольких тягот, которые они испытывают в своей несчастной жизни.

Впрочем, мы увидели людей восьми или девяти наций, одни из которых никогда не видели французов и не слышали о Боге. Другие, которые были прежде крещены в Тадуссаке или на озере Сен-Жан, страдали на протяжении нескольких лет после ухода от своих пасторов. Таким образом, мы получили утешение, впервые донеся Евангелие до различных наций, некоторые дети из которых были окрещены, некоторые взрослые получили наставления, некоторые кающиеся прошли через таинство исповеди, а вся эта бедная бродячая церковь получила сильное воодушевление к сохранению веры. Среди остальных этим особенно был обрадован один несчастный молодой человек, находящийся почти при смерти. Одна нога его уже вся сгнила. Он провел зиму совсем один в таком состоянии, в обществе одной только жены и маленьких детей посреди лесов. Он не переставал думать, что ему не хватает какого-нибудь святого отца. По явно божественному наитию, он принял твердое решение увидеть его хоть на короткое время, хотя он никогда не показывался в этих краях. Бог даровал ему отвагу и силы дотащить до Некубы, где он не думал встретить свое счастье, найдя здесь нас. Поскольку он уже был последователем Святого Духа, ему было легко постичь все необходимое для участия в наших таинствах. Итак, он был крещен вместе со всей своей семьей. Обрадованный этой счастливой встречей он вернулся к себе в лес продолжать и совершенствовать в невинности христианства ту жизнь, которую он вел до этого. Он, без сомнения, коснулся сердца Бога, который наставил на путь спасения этого бедного калеку своей милостью.

Секция 2. Опасности на пути к Морю Севера

Не вознаграждает ли с лихвой этот божий промысел (продолжают отцы в своем журнале) трудности столь далекого пути для завоевания душ? Один единственный разговор на небесные темы с бедным дикарем в лесной глуши, или на краю какой-нибудь скалы, одна душа, обратившаяся к Богу, один крещеный ребенок, один варвар, оплакивающий у ваших ног грехи

прошлых лет, хотя они зачастую были годами невинности, дают больше радости, чем все эти трудности долгих и тягостных путешествий дают неприятностей. Когда имеется только это утешение – восславлять Бога святой мессой, на землях, где прежде его божественное величие восхвалялось только пением птиц и шумом водопадов, которые несут свой голос с бурным потоком и которые удерживают его в середине водоворотов – то, безусловно, это есть большое вознаграждение для нас. Нужно туда пройти, чтобы представить себе удовлетворение, возникающее, когда можно наблюдать, как Иисус-Христос впервые властвует над алтарем, украшенным корой, и подверженным малейшим природным воздействиям. Увидеть, как ему поклоняются в странах, где во все времена полновластно царил демон.

Эта радость, без сомнения, велика, но также милость и еще больше природа взывают к этому облегчению, чтобы не упасть от изнеможения в пути, повсюду окаймленном крестами и наполненным самыми разными опасностями. При этом мы не говорим об этой неизвестной болезни и об этой губительной порче, от которых мы не смогли защититься посреди нашей бездны. Мы ничего не говорим о подводных камнях, которые на каждом шагу угрожали нам крушением, не упоминаем о голоде, с которым нам очень нелегко было справиться, будучи в количестве примерно двухсот душ, из которых большая часть не имела и половины необходимой провизии, в стране, которая не может дать никаких других блюд, кроме мха и листьев. И мы бы нашли ее еще меньше, если бы Провидение, которое поставило среди пустынь столы для мошкеры, не позаботилось бы о нас так, как оно заботится о пташках.³⁵ Мы не описываем наши другие трудности. Достаточно того, что ирокезы постоянно были перед нами и за нами, и с правой, и с левой стороны, и в середине от нас. Справа они уничтожили нацию белок, о чем мы скажем в конце этой главы. Слева они разорвали в клочья французов и дикарей из Труа-Ривьера,³⁶ которые, как мы сказали в первой главе, шли к Некубе так же как мы.³⁷ Позади нас – это когда едва мы вышли из Тадуссака, как враги появились там.³⁸ То, что, убив нескольких французов, они не пошли за нами – это заслуга Бога, их

ослепившего, и лишившего их разума. Перед нами – это когда в конечный пункт нашего путешествия – Море Севера, ирокезы намеревались прийти тогда же, когда и мы. С этой целью они вышли из своей страны, не имея возможности найти других границ для своих опустошений, как Море, наиболее удаленное от их страны, куда ни французы, ни здешние дикари еще не смогли проникнуть.

Это не все. Они были и в середине от нас. Сто восемьдесят из этих разбойников устроили нам засады на озере Сен-Жан, где мы остановились на достаточно долгое время, чтобы посетить и утешить тех, кто остался от этой уединенной церкви. Не встретившись с нами, они изменили путь. Если бы они шли за нами и заметили бы нас, они смогли бы легко нас разгромить, особенно, когда мы сражались с бурлящей водой, или в середине какого-нибудь волока, когда каждый идет, неся каноэ или поклажу, без оружия и без защиты; когда обессиленные женщины с большим трудом пробираются через кустарник; когда дети, не в силах следовать за ними, наполняют лес своими криками.

Там мужчины кажутся карабкающимися на склоны холмов при помощи ног и рук, или балансируют на скалах, нагруженные всем, что у них есть, когда один неверный шаг ведет их в пропасть. Одним словом, один бежит, другой останавливается – один поет, другой плачет; при этом все обливаются потом, все сгибаются под тяжестью ноши. В процессе этих хождений вперед-назад, повторенных более ста шестидесяти раз на шестидесяти четырех волоках, все делалось торопливо, беспорядочно, в невообразимой суматохе, что, тем не менее, необходимо в такого рода выгрузках и погрузках [в каноэ]. Кто же при этом помешает ирокезу догнать и захватить нас, или одного за другим, или всех вместе, по его усмотрению? Конечно, это им достаточно легко, как охотнику брать в руки бедных птиц, которые безуспешно бьются в сетях. Только тот единственный нас сохранил, кто заставил нас говорить с пророком: *Qui sperant in Domimo current et non laborabunt, ambulabunt et non deficient*. Мы обрели уверенность в опасностях и спокойствие посреди нашего пути, потому что все наши надежды были обращены только к Богу. Только он единственный смог не

дать нам попасть в руки наших врагов, которые залили кровью все земли за исключением тех, по которым мы продвигались. Они кружили рядом со всеми теми местами, где мы прошли.

Укрепила нас в этой истине та печальная новость, которую мы узнали, и которая побудила нас изменить все наши планы. Нам сообщили, что ирокезы нас опередили, и что, застав врасплох в нескольких днях пути отсюда нацию белок,³⁹ разгромили ее полностью и повергли в такой ужас все окрестные народы, что они все рассеялись, ища другие более удаленные горы и самые труднодоступные скалы, чтобы сохранить свою жизнь. Говорили, что страх разнесся до моря, куда мы шли, и куда эти варвары намереваются с этого года нести свою жестокость, чтобы распространить свое завоевание также и на север, как в предыдущие годы они сделали в южном направлении.

От новости об этой нации, уничтоженной так близко от того места, где мы находились, наши дикари думали только о том, чтобы пойти назад по своим стопам, потому что народы, к которым они шли, рассеялись. Нам ничего больше не оставалось, как составить им компанию, сожалея о вреде, который ирокезы причинили вере, помешав выходу Евангелия и замедлив его распространение.

Если бы была только эта единственная причина взяться за уничтожение одного народа, который повсюду разрушает христианство, не будет ли это священной войной и праведным крестовым походом против этих маленьких турков Новой Франции, который смог бы проявить набожность и увековечить отвагу французов? Без них [ирокезов] мы возлагаем большие надежды на эту миссию. Не только из-за того, что она открывает нам дверь в большие страны и к многочисленным нациям, названий которых мы еще не знаем, но также, потому что монсеньер епископ Де Петре (de Petrée), стараниями которого, после прохождения через моря, она проникла в самую глубь наших лесов, настолько сильно взрастил в своем сердце это намерение, что первым заложил ее основы своей щедростью. Он дал этой миссии доброе имя Сен-Франсуа-Ксавье для того, чтобы этот святой апостол Восточных Индий стал также [апостолом]

Западных [Индий] рядом с нашими килистинон и по соседству нашего Моря Севера с Японским морем. Но ирокезы хуже, чем бонзы и брахманы. С ними борются не пером, а оружием. В Китайском море не найдется таких опасных пиратов, чинимые которыми разорения были бы равным образом всеобъемлющими. Мы полагаем, что нам лучше всего избежать встречи с ними – это проделать такой неприятный обходной путь через Тадуссак. Но несчастье других, как французов, так и дикарей, попавших к ним в руки на том же пути, где шли мы, уничтожение одной из наций, которое мы описывали, и засады, которые они нам устраивали со всех сторон, воистину заставляют нас сказать: *Misericordiae Domini, quia non sumus consumpti.*

Два святых отца ничего не говорят о своем возвращении, потому что, проходя по тому же пути, они встречали те же подводные камни, преодолевали те же водопады, испытывали такие же трудности. Если временами водные потоки, по которым они спускались, облегчали им работу, то это вовсе не уменьшало опасность, поскольку очень трудно было стремительно проходить возле самых скал, не задевая их, и идти по краю пропасти, не сделав неверного шага. Быстрота вредна в таких обстоятельствах. Нам очень бы хотелось подольше оставаться по середине бездны, на которую, однако, мы взираем исключительно с ужасом. Стремнины проносили легкое каноэ с такой быстротой, что они отсчитывали бездонные пучины мгновениями дней и взмахами своих весел. Едва кто-то имеет полную возможность познать опасности, которых они избежали.

Но после всего большое удовольствие проплывать там, где среди всех этих водопадов, видится поддерживающая рука божьего Провидения, которая показывает пристанище, даже если произошло кораблекрушение. Это то, что воодушевляет наших миссионеров, которые не теряют надежды вскоре возобновить эту миссию, потому что мы никогда так сильно не надеялись на разорение тех, кто помешает курсу, который поддерживается нами. Бог дарует нашему доброму королю тысячи и тысячи благословений именно за его набожность и великодушие.

JR. Vol.56.

Сообщение о том, что произошло в Новой Франции 1671 и 1672 годах.

Часть вторая. О миссиях у народов монтанье и алгонкинов в Тадуссаке, у Оттава, и у Моря Севера. 1671 и 1672 годы.

Глава 6.

Сухопутное путешествие к Северному морю и открытие Гудзонова залива. Миссия Сен-Франсуа-Ксавье 1671-1672гг.

Море, расположенное к северу от нас, – это знаменитый залив, которому Гудзон дал свое имя. Он долгое время разжигал любопытство наших французов, и они пытались достичь его по суше, выяснить его местоположение по отношению к нам и расстояние [до него], а также разузнать, какие народы там живут. Желание больше узнать об этом море увеличилось после того, как наши дикари сообщили нам, что какие-то корабли совсем недавно появились там и даже начали торговлю с местными нациями, которые, как нам всегда говорили, многочисленны и богаты пушниной.

Именно поэтому наш интендант монсеньер Талон решил, что не следует пренебрегать ничем из того, что находится в его власти для совершения этого открытия. Так как он знал намерение короля, состоящее в том, чтобы все народы Канады были обращены в христианство, он решил, что кто-нибудь из наших отцов [иезуитов] сможет открыть путь к этому заливу нашим французам, и одновременно понесет туда Евангелие.

Выбор пал на старого миссионера из Тадуссака отца Шарля Албанеля,⁴⁰ потому что он на протяжении многих лет часто посещал тех дикарей, которые знали это море. Только они одни могли быть проводниками в этом до сих пор неизвестном пути.

Для этого путешествия были избраны монсеньер де Сен-Симон и еще один француз. Монсеньер интендант основательно снабдил их всем необходимым для того, чтобы путешествие оказалось удачным. Святой отец выехал из Квебека 6-го августа 1671 года. Он назначил им встречу в Тадуссаке, где ему нужно было найти ловкого и умного дикаря в проводники на срок всего этого путешествия.

Мы последуем за ним шаг за шагом и узнаем обо всем, что происходило в этой экспедиции, представив здесь его журнал таким, каким он составил его за время своего путешествия.

Я прибыл в Тадуссак 8-го августа, пишет он. Здесь мне пришлось выдержать много схваток, чтобы преодолеть все препятствия, стоявшие на пути привлечения дикарей к этому предприятию.

Здесьшний капитан⁴¹ умер несколько дней назад, и мне пришлось обратиться к дяде покойного, который пользовался у нас наибольшим доверием. Этот дикарь, относящийся с большим уважением и любовью к нам и ко всем французам вообще, захотел оказать мне добрую услугу. Он собрал всех своих людей, поговорил с ними некоторое время и, повернувшись ко мне, сказал: «У моих молодых людей совсем нет ума. Если бы не умер мой племянник, я бы сопровождал тебя сам. Сопровождать миссионера, который первым жертвует собой для открытия нового пути распространения веры, большая честь для нас. Обязательство, которое мы перед тобой имеем, состоит в оказании помощи делу несения милосердия нашим братьям, и мы пойдем, чтобы их наставлять. Вот двое из моих людей – это мои зятья, а другой, который будет третьим – мой собственный племянник. Я даю их тебе. Их обязанностью будет вести тебя, а ты поделишься с ними благами, которые ты совершишь в деле обращения стольких неверных наций». Затем, обратившись к этим молодым людям, он сказал: «Племянники мои, помните, что я способствую успеху

этого путешествия, и, относясь к нему с большой преданностью, я выбрал именно вас, чтобы избавить себя от обязанности совершить его лично».

Расположение этого доброго человека этим не ограничилась. Он отправил нас вместе со снаряжением на своей лодке, которая была удобней наших каноэ, и сопровождал нас со своими людьми на протяжении сорока лье.

Мы прошли уже пятнадцать лье, продвигаясь по реке Сагены (Saguenay),⁴² когда встретили два каноэ, спускавшиеся вниз. В одном из них находился человек, которого все считали знающим путь к морю, потому что прошло не более восьми лет, как он оттуда вернулся. После того, как мы рассказали ему о наших намерениях, я попросил его быть у нас проводником. Однако опыт прошлого [путешествия] пугал его. Он долго извинялся, ссылаясь на сложность пути, но в итоге все-таки уступил настоятельным просьбам нашего сопровождающего.

Таким образом, 22-го августа мы отправились все вместе. По причине встречного ветра нам пришлось добираться до Шикутими (Шегутими, Chegoutimit)⁴³ четыре дня. Там мы остановились на три дня. Первые два дня ушли на исповедание и причастие [индейцев из Шикутими], к чему они отнеслись с большим благоговением, чтобы добиться от небес счастливого нам путешествия. На третий день они на протяжении пяти четвертей лье несли на своих спинах наши каноэ и все наше снаряжение.⁴⁴

29-го августа, сделав богатый подарок этим добрым дикарям, которые доставили нас сюда в своей лодке,⁴⁵ и, поблагодарив их за все добрые услуги, что они нам милосердно оказали, мы сели в каноэ. Нам пришлось преодолеть первые пороги, которые протянулись до озера Кинугами (Kinougami)⁴⁶, куда мы прибыли на следующий день. Здесь я обнаружил две хижины дикарей из Силлери (Sillery),⁴⁷ которые были очень обрадованы представившимся им случаем проявить свою набожность, исповедаться и причаститься.

1-го сентября мы заночевали у небольшого озера, называемого Кинугамишис (Kinougamichis).⁴⁸ Оно примечательно благодаря множеству обитающих в нем лягушек с длинными

хвостами, которые непрерывно квакают (qui y font un croacement continuel). Существует мнение, что они очень ядовиты⁴⁹, хотя в этих странах жабы, змеи и гадюки не водятся.

2-го сентября мы расположились возле входа в озеро Сен-Жан, которое называют Пингагами (Pingagami). Оно раскинулось на тридцать лье в длину и на десять лье в ширину. В это озеро впадает двенадцать рек, а вытекает только одна. Это и есть большая и прекрасная река Сагений. Это место красиво. Земли здесь ровные и производят впечатление плодородных. Есть хорошие луга. Это страна выдр, лосей, бобров и особенно дикобразов. Именно поэтому дикари, которые устроили себе здесь резиденцию, называются какушак (Kakouchac).⁵⁰ Они и взяли свое наименование от слова Каку (Kakou), что на их языке означает дикобраз. В прежние времена это было место, где все нации, живущие между Восточным морем и Морем Севера, собирались для торговли. Я обнаружил здесь собравшимися более двадцати наций. Местное население было до крайних пределов сокращено последними войнами с ирокезами и оспой,⁵¹ которая является для дикарей настоящим бичом. Теперь их численность стала восстанавливаться за счет людей из чужих наций, которые прибывают сюда с разных сторон со времени установления мира.⁵² Мы остановились здесь на три дня, чтобы пополнить запасы провизии, которые начали у нас уже подходить к концу.

7-го сентября мы достигли конца озера. Проведению было угодно, чтобы я встретил двух дикарей, которые снабдили нас двумя своими собственными ружьями для охоты, поскольку четыре наших ружья пришли в негодность.

17-го сентября к нам подошли аттикамек (Аттикамек, Attikamegues)⁵³ или белые рыбы и мистассини (Мистассирини, Mistassirinis)⁵⁴ на пяти каноэ. Они сообщили нам, что корабли встали на якорь в Гудзоновом заливе и устроили большой торг с дикарями. Они показали нам топор и табак, который они получили от одного папинаши (Papinachois),⁵⁵ который сам принимал участие в торговле на Море Севера этим летом. Они добавили, что там абсолютно не существует никаких гарантий нашей безопасности, потому что там произошли жаркие столкновения, и

в этой распре один дикарь был убит и один взят в плен. Они рассказали нам это, чтобы наполнить ужасом умы всех наших людей, но поскольку из-за наступающей зимы не было времени продолжать путь, эти рассказы не произвели на меня никакого впечатления.

Тем не менее, понимая, что у меня нет никакого разрешения, я решил без инструкций ничего предпринимать, а принял решение послать в Квебек, чтобы заручиться разрешением и одновременно сообщить обо всем, что я услышал, а так же, чтобы выяснить какие меры я должен предпринять в сложившихся обстоятельствах.

19-го сентября два дикаря и один француз отправились с моими письмами, а я тем временем занялся наставлением этой маленькой группы. Бог послал меня сюда очень кстати. Я окрестил одного маленького ребенка и двух взрослых, дав им необходимые наставления. Я старался успеть сделать их христианами до 10-го октября, так как именно в этот день вернулось наше каноэ с патентом монсеньера нашего епископа и с разрешениями монсеньера де Курселя – нашего губернатора и мсье Талона – нашего интенданта. Я также получил от них инструкции, как мне следует действовать в таком стечении обстоятельств.

Время года было уже слишком позднее, чтобы достичь моря до выпадения снега и установления льда, которыми мы были остановлены в последний день октября, и наши дикари выбрали это место для зимовки, так как оно изобиловало [дичью] для охоты.

Я не ставлю перед собой задачу подробно описывать эту зимовку и сопровождавшие ее трудности и заботы. Мне достаточно лишь сказать в общих чертах, что такой образ жизни являл собой непрерывную жертву нашими жизнями во славу божью и во спасение душ. Он также поставил нас перед необходимостью упрочнять свою веру и отдать наше беспомощное состояние на волю божьего Провидения. Нам следовало служить ему с величайшим рвением.

Правильно говорят, что прошлое легко забывается и не существует ничего кроме настоящего, когда речь идет о страданиях. Я смог убедиться в этом, когда понял, что из десяти

зимовок, проведенных мной в лесах с дикарями, первые девять не были сопряжены для меня с такими трудностями, как эта последняя.

Это было не из-за недостатка продуктов. В местах, где мы зимовали, было достаточно лосей и карibu. Число бобров и дикобразов значительно увеличилось, так как в последние семь-восемь лет никто не охотился в этих бескрайних лесах.⁵⁶ Снега здесь действительно очень суровы, но наши охотники были ловкими и имели быстрые ноги, твердую руку и верный глаз. Добавим, что свинец и порох, топоры и ножи, копья (*espées*) и ружья были у нас в достатке. Монсеньер Талон снабдил нас всем необходимым.

Таким образом, источником всех наших бед явилось только плохое обхождение, которое мы испытали от самих наших проводников. Они, не будучи уверенными в том, что им следует делать, были решительно настроены на то, чтобы прекратить наше путешествие и вернуться обратно. Но они опасались быть за это плохо принятыми в Квебеке, и чтобы показать свою мнимую непричастность к этому, они, испытывая мое терпение разными гнусностями и обидами, хотели вынудить меня сдать первым и прекратить всякие помышления о дальнейшем продолжении пути. Должен ли в таких условиях бедный миссионер решиться на страдания от постоянных оскорблений дикарей, с которыми он вынужден путешествовать, которые значительно преобладают по численности и к тому же служат ему проводниками? Тем не менее, в эти плохие времена выдавались и хорошие мгновения. Эти страдания не касались религиозных дел.

Святое и великодушное решение одного доброго старика, которому было около семидесяти лет, доставило мне большое утешение. Узнав, что во время набегов ирокезов его дети укрылись в Квебеке, и что там они были крещены, он преодолел расстояние в четыреста лье, чтобы получить наставления и насладиться этим счастьем.

То, что этот добрый человек со своей семьей, состоявшей из девяти персон, 26-го декабря посетил место нашей зимовки, явилось для меня особым утешением. В вечер его прихода, желая

вместе с ним насладиться святым побуждением, которое привело его сюда, я сделал ему подарок. Особенно я хотел поблагодарить его за то одолжение, которым был ему обязан в лице моих гостей, его племянников или маленьких сыновей, которые и побудили меня совершить это путешествие и открытие [Моря] Севера.

Этот добрый старик, в знак того, что очень удовлетворен моим подарком, долго повторял звук о, о, о, а затем обратился ко мне с ответом. «Черное платье, сказал он мне, я не человек Совета и не умею говорить красноречиво. Ты страдаешь от того, будто я затеваю прежние интриги.⁵⁷ Поверь мне. Теперь я пришел сюда только для того, чтобы поговорить с тобой о моем спасении и спасении моей семьи. Вот эта маленькая девочка давно больна. Окрести ее заблаговременно, а мы все будем ждать до тех пор, пока не окажемся в состоянии получить такую же милость. Все мы желаем этого всем сердцем. Не обращай внимания, что я уже стар и не так умен, и поэтому мне будет трудно понять все твои наставления. Мой сын, которого ты здесь видишь, (показывает на младшего) молод. Его разум жив, а память хороша. Учи его, он легко запомнит все, что ты захочешь. Потом он точно перескажет нам в нашей хижине все то, чему ты его научил».

Этот молодой человек двадцати-двадцати пяти лет был добр от природы, послушен, почитателен и невинен. Быстрее чем за четыре-пять дней он выучил «Отче наш», «Аве», «Кредо», божьи заповеди и принципы наших таинств. Он постоянно повторял их в своей хижине с приятной настойчивостью.

Я, однако, не стал торопиться и на протяжении месяца продолжал объяснять им все наши таинства, старался как можно глубже информировать их о вещах, необходимых для спасения, и направлять к святому крещению. Они принимали все с таким почтением и благоговением, что я не мог не любоваться этим стремлением к Богу.

Частые визиты другого капитана нации матауириу (Mataouiriou)⁵⁸ по имени Ускан (Ouskan) – Кость вызывали у меня много радости и одновременно много боли. Первые беседы с ним, казалось, обещали мне многое. Он проявлял такое сильное стремление к просвещению, что не давал мне отдыха ни днем, ни

ночью. Он послал ко мне своего зятя, чтобы тот пригласил меня прийти к нему 16-го апреля. Но я был занят приготовлением наших гостей к причастию на праздник пасхи и смог посетить его стоянку со своими двумя французами только 28-го апреля. Он принял меня с большой нежностью, которая удвоилась, когда я сделал ему подарок. Наши люди присоединились к ним 22-го апреля,⁵⁹ и мы пробыли там все вместе около шести недель. Весь свой досуг в этом месте я потратил на крещение и преподавание основ веры семнадцати членам его семьи. Однако сам он проявил себя недостойным, совершенно не желая прекращать греховные отношения, которые он имел с племянницей своей жены.⁶⁰ Несмотря на послушание, которое он выказал в своем желании быть обращенным, и на проявленное мной усердие, направленное на преодоление отвращения, которое он испытывал к тому, чтобы измениться, я так и не смог достигнуть своей цели. Это не потому, что его непокорный разум не был глубоко проникнут [христианской верой], в приверженности к которой он мне часто признавался. Он сопротивлялся не из-за того, что его мало убеждали и не из-за того, что убеждения не были истинными, а по причине тайного противодействия своего сердца, которое, к несчастью, было поражено этой безнравственной привязанностью. Вот вам наглядный пример, свидетельствующий о том, что обращение дикаря – это дело рук божьих. Только ему одному надлежит касаться сердец в наставлениях его миссионера.

Настало время продолжать наше путешествие. Суровая зима уже сменилась весной, льды миновали, и реки были свободны. Но нам пришлось вступить в спор с нашими проводниками по поводу нашего предприятия. Этот злодейский разум,⁶¹ о котором я здесь говорил, крайне раздраженный моим отказом его окрестить, решил закрыть нам проход по реке, над которой он не имел никакой власти. Желая скрыть свои интриги, он обрисовал нам эту дорогу как изобилующую многочисленными и трудными волоками, порогами и водопадами. Его слова были направлены только на устрашение моих людей. Преследуя свои интересы, он легко смог их убедить, что, забыв дорогу, они не смогут идти дальше, не имея хорошего проводника. С этого момента у меня возникло

подозрение, что они все сговорились, и что этот лукавый разум предпринял эти уловки, чтобы остановить нас.

Чтобы разрушить его намерения, я обратился к одному доброму старику из нации Мистассини, который, имея большую семью, впал в крайнюю нужду. Поскольку он долгое время находился в плохих отношениях с этим злодейским разумом, он легко дал уговорить себя, получив богатый подарок.

Сверх того, если он и его сын согласятся сесть в каноэ и сопровождать нас в Мискутенагасит (Miskoutenagasit),⁶² который расположен в двадцати лье на Гудзоновом заливе, я пообещал ему столько табаку, сколько можно выкурить за все путешествие, а после нашего возвращения другой значительный подарок. Он радостно засмеялся и сказал своему сыну: «Пойдем, и у нас не будет недостатка в табаке этим летом».

1-го июня 1672 года мы вышли из Наташегамиу (Nataschegamiou)⁶³ и продолжили наш путь на трех каноэ в количестве девятнадцати человек, среди которых было шестнадцать дикарей и три француза. На протяжении шести дней нам постоянно встречались пороги. Поднимаясь на каноэ против течения, мы часто были вынуждены выходить на сушу и передвигаться по лесу, взбираться на скалы и спускаться в ямы, затем вновь подниматься на крутые бугры, пробираясь сквозь заросли деревьев, ветви которых разрывали наши одежды. Помимо этого мы были сильно нагружены. Затем дождь остановил нас на два дня.

9-го июня наша выдержка подверглась суровому испытанию. Волок, встретившийся нам в тот день, оказался очень тяжелым как из-за своей длины, составлявшей четыре лье, так и по причине плохого состояния пути. Нам приходилось продвигаться по колено, а иногда по пояс в воде, снова и снова переправляясь через ручьи, протекающие по этой обширной равнине, которую надо было пересечь, чтобы попасть в реку Некубо (Nekoubau). Эта река расположена к юго-западу от реки, которую мы оставили.⁶⁴ Даже дикари назвали этот день полным трудностей и опасностей.

10-го июня к шести часам утра мы прибыли в Паслистано (Paslistaskau),⁶⁵ где проходит граница между землями Севера и

Юга. Это небольшая полоса земли около арпана⁶⁶ в ширину и двух арпанов в длину. Два края этой полосы земли заканчиваются двумя маленькими озерами, из которых вытекают две реки. Одна из них впадает в море через Сагеней возле Тадуссака, другая в Гудзонов залив через Немеско (Nemeskau).⁶⁷ Здесь находится середина пути между двумя морями. Вечером мы встретили трех мистассини в каноэ, которое было в очень хорошем состоянии. Они подошли к нам, заметив большой столб дыма, который мы, приближаясь к этой нации, разводили, чтобы дать сигнал о нашем прибытии. На подходе ночи они распрощались с нами, притворившись, будто двинулись дальше. Но, обогнув остров, на котором мы расположились, это каноэ в тот же вечер вновь подошло к нам с еще одним человеком на борту, который выглядел старше трех [своих спутников]. Его звали Мукутаган (Moukoutagan), что в переводе означает Изогнутый Нож. Поскольку он не захотел, чтобы мы заплатили⁶⁸ (*il ne nous voulu faire achepter*) за проход, у меня возникли некоторые подозрения. Но, заметив мое недоверие, он попытался скрыть свои намерения. Утром перед отходом он объяснился со мной по этому поводу, сказав мне: «Черное Платье, оставайся здесь. Нужно, чтобы наш старик, хозяин этой страны, узнал о твоём прибытии. Я отправляюсь известить его».

Это далеко не первый случай, когда дикари, по правилам своей политики, или из-за своей скупости, чинят всяческие препятствия проходу по рекам иностранцам, которые хотят посетить удаленные нации. Реки для них являются тем, чем являются поля для французов. Они живут за счет своих рек, которые им необходимы как для рыболовства и охоты, так и для торговли. Я сделал вид, что меня оскорбили его слова, и ответил ему немного резко: «Это ты меня останавливаешь? Нет, со мной так нельзя!». «Где Старик Сесибаурат (Sesibaourat)?», спросил я его. «Очень далеко отсюда», ответил он мне. «Ладно. Сегодня ты скажешь ему, что я устал и хочу отдохнуть, но передай своему старику, что я тороплюсь, и если он завтра не появится, я продолжу свой путь». Он вскоре отплыл, а я был очень удивлен, когда вечером появились четыре каноэ. Мне передали, что Старик

просит извинения, что не приехал сам. Встречный ветер остановил его до завтрашнего дня.

13-го июня прибыли восемнадцать каноэ. У большинства [тех, кто в них находился] были раскрашены лица, а сами они были обряжены во все ценное, что у них было: повязки вокруг головы, ожерелья, пояса, браслеты из фарфоровых бусин (*brasselets de porcellaine*).⁶⁹ Все они высадились перед нами. Когда капитан ступил на землю, я велел салютовать ему выстрелами из десяти ружей в знак приветствия. В тот вечер я пригласил его и остальных главных, чтобы поведать им о двух подарках.

“Сесибатура (*Sesibahoura*), я хочу вручить тебе два подарка не для того, чтобы купить проход по этой реке и по твоему озеру. Француз избавил эту страну от набегов ваших врагов ирокезов. Тем самым он заслужил хотя бы то, что бы ему дали право свободно ходить по этой земле, которую он отвоевал силой оружия.⁷⁰ Более того, Бог, являющийся владыкой всего сущего, потому что именно он создал все и управляет всем, послал меня открыть для него все эти края и дал мне право свободно проходить повсюду. Ни *Annie* (аннье – моговки), *Oneiout* (онейут – онейда) и *Onontagoueronon* (ононтагуеронон – онондага), ни *Oiogouen* (Уаогуен – кайюга), *Sonnontouan* (соннонтуан – сенека), *Nipissirinin* (ниписсиринин – ниписсинги) и *Outaouac* (Утаоуак – оттава), ни все остальные нации никогда ничего не требовали с моих братьев, когда они проходили по их землям, неся просвещение и распространяя евангельский закон.

Как ваш друг, союзник и родственник я вручаю вам этот подарок. Он являет собой циновку, которой вы накроете могилы ваших погибших, которые были убиты вашим врагом ирокезом. А вам, избежавшим его костров и жестокостей, этот подарок говорит, что вы будете жить в будущем. *Ононсио* (*Onontio*)⁷¹ вырвал из его рук боевой топор. Ваша страна была мертва, он вернул ее к жизни. Он выкорчевал деревья и скалы, которые перегораживали ваши реки и мешали течению вод.⁷² Ловите рыбу, охотьтесь, торгуйте и не бойтесь, что враги обнаружат вас по лязгу вашего оружия, запаху табака, или дыму ваших костров. Мир царит повсюду.

Второй подарок говорит вам, что ирокез обратился к Богу с того момента, как француз дал ему разум, и что теперь он [француз] также желает, чтобы вы последовали его примеру сейчас, когда он [француз] вернул вам свободу. Я люблю Бога, говорит вам француз, и больше не хочу иметь союзников, которые признают демона своим господином и обращаются к нему со своими нуждами. Наша дружба и наш союз ни в коем случае не должны существовать только на этой земле и в этом мире. Я хочу, чтобы они имели продолжение в ином мире после нашей смерти. Я хочу, чтобы они продолжались на небесах.

Поэтому оставьте намерения завязать торговые отношения с не признающими Бога европейцами, которые торгуют на Северном море, и вновь вернитесь на вашу старую тропу, ведущую к озеру Сен-Жан.⁷³ Там вы всегда найдете несколько Черных Платьев, готовых наставить вас на истинный путь и окрестить».

Они приняли нас хорошо. Большое пиршество длилось весь вечер. Согласно своему обычаю, они дали нам все самое лучшее, что у них было. Ночью, после клича, изданного капитаном, они собрались вместе, чтобы засвидетельствовать нам свою радость, устроили публичный танец. Они провели всю ночь в увеселениях, соединяя свои голоса со звуками барабана.

На следующий день после празднества капитан обратился к нам с речью в свойственной им манере:

«Отец мой, сегодня солнце светит для нас, и мы благодетельствованы твоим присутствием. Ты подарил нам самые лучшие дни, какие только видела эта земля. Ни наши отцы, ни наши деды никогда не имели такой благодати. Мы счастливы быть рожденными в это время и наслаждаться всеми благами, которые ты нам предоставил! Мы обязаны французам многим. Он дал нам мир и сделал нас всех вновь живыми.

Еще больше мы обязаны ему его стремлением сделать нас христианами. Мы смотрим на него как на средство, с помощью которого мы можем избежать вечных страданий после нашей смерти». Он завершил свою речь подарком. Вручив его мне, он сказал: «Отец мой, мы оставляем тебя здесь, чтобы ты проповедовал среди нас и окрестил нас всех. А когда ты

вернешься, ты скажешь *Ононцио*, что все мы молимся Богу, и что все мы слышали его слово».

Мне трудно выразить, какова была наша радость увидеть в этой стране столь крепкую предрасположенность к вере, и каким было нашу усердие в деле укрепления той привязанности, которую они проявляли к христианству. После слов благодарности, которые приняты здесь во всех случаях, я сказал им, что детей я буду крестить здесь, потому что было бы очень неудобно нести их на озеро Сен-Жан. Что же касается взрослых, то, будучи обремененным необходимостью отправляться в дорогу, я не смогу их полностью информировать обо всех наших таинствах, но те, кто отправится торговать на озеро Сен-Жан, могли бы меня там подождать. Вернувшись туда, я удовлетворю все их запросы. Они на это согласились.

15-го июня нас, согласно обычаю, хорошо угостили, и я продолжил исполнение своих обязанностей по их просвещению.

16-го июня, проведя святую мессу, мы отправились в путь и прибыли в Кимаганусис (Kimaganusis), а 17-го июня в Пикуситесинакут (Pikousitesinacut) или Место, где изнашивают башмаки. Это место называли так из-за трудной дороги.⁷⁴

18-го июня мы вошли в большое озеро Мистассини (Mistassirinins),⁷⁵ которое считают столь огромным, что может понадобиться двадцать дней при хорошей погоде, чтобы обойти его вокруг. Это громадное озеро получило свое название благодаря скалам, которыми оно переполнено. Здесь расположено много красивых островов, а также обитает множество рыб и дичи всех видов. Лоси, медведи, карибу, дикобразы и бобры встречаются здесь в изобилии. Мы уже прошли около шести лье мимо островов, перерезающих озеро, когда я заметил вдали земляной выступ. Я спросил наших людей, то ли это место, куда нам нужно идти. «Замолчи», – ответил мне наш проводник – «и, вообще, не смотри туда, если не хочешь погибнуть». Дикари всех этих провинций полагают, что каждый, кто пересекает это озеро, обязан тщательно скрывать свое любопытство и поменьше рассматривать дорогу, особенно то место, куда нужно причалить. Единственный взгляд

на него, говорят они, вызывает волнение вод и образует бури, заставляющие цепенеть от ужаса самых больших смельчаков.⁷⁶

19-го июня мы прибыли в Макуамитикак (Макоуамитикак), что в переводе означает Медведи на рыбалке. Это ровное низменное место с очень тихой водой, и к тому же изобилующее рыбой.⁷⁷ Там водятся небольшие осетры, щука, белая рыба, налим. Большим удовольствием было наблюдать медведей, расхаживающих по берегу и с замечательной ловкостью выхватывавших лапой то одну рыбу, то другую.

22-го июня мы подошли к Уетатаскуамиу (Ouetataskouamiou).⁷⁸ Этот день выдался для нас тяжелым. Так как пороги и водопады отличались неистовостью, мы покинули большую реку и продолжили путь среди маленьких озерков. Прежде чем вновь войти в саму реку, нам пришлось миновать семнадцать волоков. Здесь наш проводник два раза сбивался с пути. Это обстоятельство вынудило нас на протяжении двух лье пробираться по горам, крутым спускам, затопленным равнинам и ручьям, через которые приходилось переправляться по пояс в воде.

23-го и 24-го июня мы проходили по местности, которая была не столь гориста. Воздух здесь очень свеж, а равнины красивы. Земли очень плодородны и, если их обрабатывать, способны прокормить множество людей. Эта страна, которая оказалась самой красивой из всех, что мы видели в пути, продолжалась до Немиско (Nemiskau),⁷⁹ куда мы прибыли 25-го июня в полдень.

Немиско – это большое озеро. Понадобится десять дней, чтобы обойти его вокруг. Оно окружено большими горами, протянувшимися с юга на север и образующими полукруг. В устье большой реки, которая распростерлась в направлении на восток - северо-восток, у самого подножья гор, образующих полукруг, царят обширные равнины. Все эти равнины таким чудесным образом испещрены водами, что образуется такое огромное количество островов, о котором трудно даже рассказать. На всех этих островах мы заметили много следов лосей, бобров, оленей, которые протоптали здесь свои постоянные тропы. Пять больших рек впадают в это озеро. Поэтому рыба водится там в таком

изобилии, что прежде она являлась основной пищей для большой нации дикарей, которая населяла его берега еще каких-нибудь восемь-десять лет назад. Здесь еще сохранились печальные следы их обитания в виде большого укрепления, сделанного ирокезами из толстых бревен. Оно было расположено на скалистом острове, откуда они следили за всеми тропами и где часто совершали убийства. Семь лет назад они убили и увели отсюда в плен восемьдесят человек. В результате это место полностью обезлюдело, так как жители разбежались.⁸⁰ Поскольку эта река обладает значительными размерами и соседствует с морем, в прежние времена здесь велась большая торговля, и сюда причаливали [каное] из разных мест. Эта река делает большой изгиб, ведущий на северо-восток. Нам понадобилось перевалить через четыре волока, продвигаясь по очень плохой дороге, изобилующей маленькими озерами, чтобы срезать путь на северо-восток. Мы заночевали в Натауатикуан (Nataouatikouan).

26-го июня мы прошли Техепимонт (Tehepimont) – страну очень гористую. 27-го июня волоки закончились. Надоедливые мошки, которых называют москиты и комары (maringouins), принесли нам множество неудобств, каких прежде мы не испытывали вовсе. Эти маленькие существа, число которых казалось бесконечным, объявили нам жестокую войну. Было совершенно невозможно заснуть, и мы спасались исключительно дымом, которым окружали себя со всех сторон.

28-го июня, с трудом пройдя четверть лье, мы обнаружили в небольшом ручье с левой стороны баржу с десяти-двенадцатитонной оснасткой, на которой были установлены английский флаг и латинский парус. Мы вошли в два пустых дома, стараясь держаться вне предела досягаемости ружейного выстрела. Мы обнаружили, что незадолго до этого поблизости зимовали дикари, и что они ушли совсем недавно. Мы дошли до места, на шесть лье удаленного от дома европейцев. Так как был отлив и встречный ветер, тина и грязь доходили до пояса, и мы прошли в маленькую речку с правой стороны, текущую с северо-востока. Развернувшись и осмотревшись, мы нашли здесь две-три хижины и оставленную собаку и определили, что дикари находятся

поблизости, и что прошло не более двух дней, как они покинули это место. Весь вечер мы оставались там, стреляя из ружей, чтобы дать о себе знать, и радовались, полагая, что обнаруженное нами море и есть знаменитый Гудзонов залив, о котором мы говорили прежде.

29-го июня одно из наших каноэ отправилось в Мискутенагашит (Miskoutenagachit),⁸¹ где, как полагали наши люди, должны были быть дикари. 30-го июня мой спутник впал в плохое настроение и потерял всякое желание двигаться дальше. Мечтая исключительно о возвращении, он говорил, что тоскует по своей четырехмесячной дочери, которую он оставил. Мы вновь повернули к дому англичан, и мне пришлось приложить большие усилия, чтобы снисходительно отнестись к столь внезапно возникшему плохому настроению и скрыть свою озлобленность.

Утром 1-го июля, отслужив мессу, я постарался разъяснить ему, что наше каноэ не вернулось, а, следовательно, оно повстречало дикарей, и они ожидают нас.

Сначала он сослался на огромные опасности перехода в двадцать лье на каноэ по морю, и я уже, было, подумал, что он победил. Но, тем не менее, чтобы вынудить его объясняться дальше, я ответил ему: «Во имя твоей собственной чести и во имя тех, кто тебя направил [в путешествие], ты вообще не должен останавливаться, находясь так близко [от цели]. После стольких пройденных трудностей не существует уже ничего столь тяжкого, чего бы ты с божьей помощью не смог бы преодолеть. Нет ничего более благородного и великого, чем распространять веру среди неверных и расширять царство божье. Ты должен чувствовать себя счастливым, способствуя спасению [души] какого-либо человека, который будет вспоминать о тебе после твоей смерти, и молиться за тебя Богу, или, напротив, у тебя появится верный повод бояться смертного часа из-за укоров, которыми будут тебя осыпать, если кто-нибудь погиб по причине твоего малодушия». Этими словами он был полностью побежден. Из-за боязни божьего суда он решил продолжать путь. Я постоянно убеждался на собственном опыте в том, что дикари очень восприимчивы и впечатлительны по отношению к адским мукам и к прелестям небесных благ.

Внезапно он ответил мне: «Поторопись. Мы отчаливаем». Мы пустились в путь в тот же день в шесть часов и, проделав десять лье, в два часа повстречали каноэ, которое капитан, узнавший о нашем прибытии, выслал нам для сопровождения.

Задолго до того, как мы приблизились, все они вышли из своих хижин и собрались на берегу. Приветствуя нас, капитан закричал в полный голос: «К нам пришел Черное Платье! К нам пришел Черное Платье!». Вдруг несколько молодых людей отделились от основной группы и подбежали к нам, зайдя в воду по пояс. Одни перенесли нас на землю, другие взяли наши каноэ с оставшимся в них снаряжением. Капитан одной рукой обхватил меня, другой схватил мое весло, и повел напрямик в свое жилище, а также велел принести все наши вещи. Двух французов он разместил по обе стороны от меня. Мы оставались там до тех пор, пока для нас устанавливали хижину. Пока женщины над ней работали, я вытащил красивый *калюме* (calumet)⁸² и три фунта табаку и дал их капитану для курения и угощения своих людей. Самое большое удовольствие и самая большая почеть, которую только можно доставить дикарю – это дать ему курить, особенно в этой стране и во время, когда табак является очень большой редкостью.⁸³

Когда нас разместили, капитан устроил великолепное пиршество. Каждый старался оказать нам уважение, неся все самое лучшее, что у него было. Все они, один за другим, приходили к нам с визитом. Женщины приводили детей посмотреть на Черное Платье, которого они прежде никогда не видели.

Тем не менее, я не был полностью удовлетворен этими крайними проявлениями радушия. Одна вещь угнетала мне сердце. Поскольку наши намерения были плохо им известны, во время переговоров с людьми, находившимися в подошедшем к нам каноэ, у меня появилась мысль, что под предлогом сохранения каких-то интересов нации, с которой они торгуют, эти люди опасаются нашего визита и наших претензий.

Чтобы показать им справедливость наших действий, я решил их убедить в том, что я совершенно не заинтересован в этом визите, и что я прибыл не торговать и обогатить себя за их счет,

или нанести ущерб народу, с которым они торгуют, а чтобы обогатить их, щедро раздав все то, что мы привезли издалека и с таким трудом.

Я собрал всех капитанов и главных людей и обратился к ним со следующими словами.

1-ый подарок. «Киаску (Kiaskou)», это имя капитана, что на их языке означает Плохой, «мы часто наслаждаемся добрыми делами, даже не зная, кто и по какой причине их сделал. Это касается и блага мира с ирокезами, которое ты теперь вкусил. Ты не знаешь ни того, кто дал тебе этот мир, ни того, что он предпринял, чтобы тебе его дать.

Смотри на этот подарок, который открыл тебе глаза, чтобы ты мог увидеть своего благодетеля. Я, к твоему сведению, тот, кто установил мир, говорит тебе *Ононсио*. Ирокезы не беспокоят вас уже на протяжении пяти лет. Они больше не совершают набеги на ваши земли. Я отнял у него его *пакамаган* (Pakamagan) – его боевой топор,⁸⁴ и тем самым я спас от огня твоих дочерей и твоих родственников. В добрый час! Живите в мире и спокойствии. Я возвращаю тебе твою страну, откуда ирокез изгнал тебя. Лови рыбу, охоться, торгуй, где захочешь, и ничего больше не бойся.

2-ой подарок. Меня привело сюда вовсе не стремление завязать вести с тобой обмен и торговлю. Я преодолел трудности столь долгого путешествия, миновал столько случайных опасностей только с одной целью – осветить вас светом веры и открыть вам путь на небо, чтобы вернуть вам добро и счастье после этой жизни. Таковы мои мысли. Таковы мысли всех французов, которые послали меня сюда сказать тебе этим подарком, что они принесли тебе мир с ирокезами именно для того, чтобы обязать вас усердно молиться Богу. Ваше обращение в христианство и есть это великое благо. Это второй подарок».

Я прекрасно знаю, что только одному Богу дозволено касаться сердец и приводить в действие слова его служителей, которые объявляют их от его имени и во славу его. Но эти подарки произвели столь сильное впечатление на их разум, что под воздействием святого духа, которое их коснулось, все они тот час же захотели присоединиться к христианской вере и принять

крещение. Именно их вождь проложил этот путь для всех остальных, ни при каких условиях не желая отпускать меня, пока я его не окрестил.

Мне доставляло удовольствие спорить с этим добрым стариком, который обрушился на меня в стремлении получить крещение, и оказывать ему все большее сопротивление, чтобы еще больше укрепить его в этом правильном решении. «Вы очень неустойчивы и мало прочны в вере *в единого высшего духа* (d'un Souverain esprit), который управляет всеми вещами, делает все, и от которого все зависит», - сказал я ему. «При малейшей опасности для жизни и здоровья, или из-за какой-либо неудачи в делах, которые зависят только от воли этого высшего духа, ты сразу же обратишься к злему духу и впадешь в свои старые заблуждения. Тогда то благородное намерение, которое сейчас воодушевляет тебя на молитву, при малейшей надвинувшейся на тебя напасти, рассеется как дым».

«Если бы я был ребенком», - ответил он, «тогда у тебя бы был повод бояться, что я не буду твердым в принятом мной решении искренне молиться. Тот, который дает мне теперь эти добрые чувства, своей милостью сохранит их во мне и в будущем. Если он был так добр, что зажег во мне огонь этих добрых намерений, то он их уже не погасит, хотя и может это сделать, потому что он один делает все и управляет всем».

«Подожди», - остановил я его, «я приложу все усилия, чтобы вернуться сюда в следующий раз. Мне понадобится много времени, чтобы подробно объяснить тебе суть нашей веры. В следующем году либо я, либо кто-нибудь другой придет сюда и будет жить здесь, чтобы учить вас тому, во что надо верить, что нужно делать и чего нужно избегать, чтобы попасть на небо». «Это все так», - ответил он, «но кто уверил тебя в том, что ты будешь живым в следующем году, или тот, кто отправится из Квебека, прибудет сюда? И кто сказал тебе, что он застанет меня самого в живых? Я уже стар и болен на протяжении двух лун.⁸⁵ Ты хочешь, чтобы я горел, умерев без крещения? Я скажу тому, кто делает все, что я хочу принять крещение, но ты отказываешься предоставить мне эту милость».

Этот добрый человек произнес эти слова с такой сердечностью, что у меня на глазах выступили слезы. Он непрерывно следовал за мной и просил его окрестить. Под различными предлогами он задерживал меня уже на протяжении трех дней. Вечером я решительно ему заявил, что отправляюсь завтра. «Ха!», - ответил он мне – «Я не крещен». «Ну, хорошо. Завтра перед отъездом я тебя окрещу». «Вот и отлично», - сказал он, «ты не лгун».

Когда вечером мы собрались вместе, он сказал следующие слова: «Я откладывал созыв этого совета не из-за того, что не умею говорить, а из-за того, что рапорт, который ты должен предоставить французам, ставит меня перед большими трудностями. Подарки служат у нас словами для выражения наших чувств. Как ты хочешь объяснить в Квебеке то, что я тебе сказал, если ты не можешь довезти туда то, что я хочу тебе дать? В Квебеке скажут, что у меня нет рта, и что я ребенок, не умеющий говорить. Ты исчерпал все свои силы и прикладываешь большие старания, чтобы поскорее вернуться. Если я нагружу тебя множеством связок [мехов], тяготы пути окончательно подорвут здоровье, которое у тебя еще осталось. Прощай. Ты можешь уйти, когда захочешь, но только возьми с собой этих выдр, чтобы сказать французам, что я, желаю сберечь оставшиеся у тебя силы, и засвидетельствовать свое уважение к ним, за твои богатые подарки.⁸⁶ Мои молодые люди принесут мое слово и мою благодарность на озеро Сен-Жан в следующем году».

4-го июля его справедливая просьба была удовлетворена. Я окрестил его под именем Игнас. Встречный ветер остановил нас на весь этот день. Это обстоятельство дало ему повод полагать, что в нем есть что-то необычайное и что он получил крещение не напрасно. Он собрал всех своих людей в нашем присутствии и предстал перед всеми восхищенным сокровенным действием небес.

«Внуки мои» (mes neveux), - сказал он, «вы все знаете ту благодать, что снизошла на меня этим утром. Я был крещен. Теперь я молюсь Богу. Я христианин. Ясное осознание того, что я хочу избежать вечных мук и испытывать небесные радости,

воистину коснулось меня. Я больше не тот, каким был прежде. Я отрекаюсь от всего зла, которое я сделал. Всем своим сердцем я люблю того, кто все сотворил. Только в него одного я хочу верить, только на него одного я хочу надеяться. Таковы мои слова. Каждый сам себе хозяин и знает, что ему делать».

Он произнес эту речь с таким благоговейным видом, и все люди были так сильно проникнуты и растроганы ей, что если бы я решил склониться к их сильному желанию, я бы позволил принять им крещение после нескольких дней наставлений. Но, к сожалению, нам надо было ехать.

5-го июля мне пришлось испытать сильную душевную боль, которая была вызвана необходимостью покинуть это прекрасное для миссии место. Однако, ощутив эти первые ростки веры, я подумал, что не покидаю его навсегда, оставляя их в ожидании моего скорого возвращения. Для дикарей это расставание было не менее тяжким. Некоторые из них, прощаясь со мной, пролили слезы. У них тоже было тяжело на сердце. Они проводили нас до берега и долго следовали на виду у нашего каное. Бог дал нам попутный ветер, мы подняли парус и двинулись к постройке англичан. Там мы заночевали.

Прежде чем покинуть Гудзонов залив, не лишним будет дать вам его план. Но в виду краткости моего пребывания в Мескутенагасит (Meskoutenagasit) я не смог посетить его на досуге и более глубоко изучить особенности этого залива и соседних земель. Кроме того, я был вынужден использовать большую часть времени на просвещение и крещение шестидесяти двух человек детей и взрослых. Поэтому я не даю здесь его точного описания, какое можно найти на картах, где он изображен.

Я скажу только, что река, по которой мы проникли в залив, называется Немискосипиу (Nemiskausipiou).⁸⁷ Она вытекает из озера Немиско, в честь которого она и получила свое название. Это очень красивая река в половину лье шириной, а в некоторых местах и больше. Но она не очень глубокая и протянулась в длину примерно на сорок лье с юго-востока на северо-запад. Она очень быстрая и насчитывает восемнадцать водопадов. Поэтому, каное несут через леса вместе со всем снаряжением, иначе возникает

риск разбить их и при этом все потерять. Все эти волокнистые очень длинные и тяжелые. Два или три из них протянулись приблизительно на три лье. Длина остальных составляет от одного до двух - двух с половиной лье.

Зона регулярно случающегося здесь прилива и отлива протянулась на четыре лье вверх по реке до тех пор, пока ее не останавливает водопад. Благодаря этому водопаду вода остается пресной не только во время самого высокого прилива, но и опресняет воду в заливе на расстоянии четырех лье.

Невероятно, насколько далеко море уходит во время отлива. Судя по словам дикарей, на двадцать лье. Все это обширное пространство необозримо и являет собой большей частью только ил, тину и скалы. Оно настолько высыхает, что текущая туда река теряется в иле, и воды недостаточно даже для прохода на каноэ.

Мы установили, что устье реки находится на пятидесятой параллели и обнаружили, что при впадении ее в залив она разрезает его множеством излучин, образующих островки, пригодные для заселения.

На его западной окраине живут Кинистиноны (Kinistinons), а на самом заливе Матауакиринюек (Mataoüakirinöek)⁸⁸ и Монсуник (Monsounik).⁸⁹ Каждая нация отделена от другой большой рекой. Люди моря живут на северо-восточной стороне, на реке Мискутенагасит (Miskoutenagasit), выдающейся на двадцать лье в море, где мы были. Это длинный скалистый выступ, расположенный на 51-й параллели, где дикари всегда собираются для торговли. Дальше на северо-восток расселены Пичибутунибуек (Pitchiboutounibuek),⁹⁰ Куакуикуесиуек (Коïакоïкоïесиюек) и много других наций.⁹¹ В трех днях пути по заливу на северо-запад есть большая река, которую одни дикари называют Кишесипиу (Kichesiou) – Большая река, а другие Мусусипиу (Mousousiou) – Лосиная река,⁹² на которой живет много наций. По пути туда, с левой стороны, остается примечательный остров Уабаску (Oüabaskou), насчитывающий сорок лье в длину и двадцать лье в ширину. На этом острове обитает много разнообразных животных, из которых особое внимание заслуживают белые медведи.⁹³ Говорят, что есть

небольшая бухта, где вода никогда не замерзает, и корабли могут там зимовать с удобствами.

Я ничего не говорю об изобилии дичи в этой стране. На острове Уабаскук (Ouabaskouk), если верить дикарям, ее так много, что в местах, где птицы во время линьки роняют свои перья, дикари и хищные звери, которые туда заходят, часто теряются среди множества перьев, летающих у них над головами, и не могут вернуться обратно.

Я ничего не говорю об изобилии и разнообразии произрастающих здесь ягод. Особенно здесь распространены мелкие ягоды, которые из-за их цвета называют блюе (bluet),⁹⁴ маленькие красные яблоки и мелкие черные груши. Множество крыжовника (groiselles) обычно для всех этих холодных земель.

Я видел там в разных местах много деревьев, с которых была содрана кора, и спросил своего проводника, не означает ли это какие-то знаки или письма, которыми они пользуются. Он ответил мне, что дикари от голода ободрали эти деревья, чтобы насытиться их корой.⁹⁵ Для жарких стран Бог создал прохладительные напитки, но в этих холодных странах медведи, лоси, бобры и дикобразы представляют собой намного более ценную для поддержания сил пищу, чем фиги и апельсины.

Ошибаются те, кто полагает, что климат этой страны непригоден для жизни, либо из-за сильных холодов, льдов и снегов, либо по причине недостатка деревьев для строительства и отопления. Они не видели этих бескрайних густых лесов, этих прекрасных равнин и обширных лугов, тянувшихся вдоль берегов рек в некоторых местах. Эти луга покрыты разнообразными травами, способными прокормить скот. Я могу с уверенностью сказать, что 15-го июля дикие розы были здесь такие же красивые и душистые, как в Квебеке. Само время года показалось мне более долгим. Воздух был очень свежим. В ту пору, когда я был в этих местах, здесь совершенно не было ночей. Сумерки еще не успевали погаснуть, а утренний рассвет уже показывался восходящим солнцем.

6-го мы вновь пошли по нашей реке. Продвижение было сопряжено с большими трудностями из-за быстроты течения и

частых водопадов, перекрывавших реку. Поэтому дикарям приходилось входить в воду и тащить каноэ за счет силы своих рук. Одни тянули при помощи веревок, а другие отталкивались длинными шестами. Так как преодолеть стремительность воды, которая текла мимо скал с невероятной быстротой, часто оказывалось невозможно, нужно было нести их и все снаряжение на себе через лес, как по обширным равнинам, так и среди высоких и страшных гор, по очень плохим дорогам.

9-го июля мы достигли Немиско. Нам понадобилось на это четыре дня. Здесь, на косе находящегося в этом озере острова, мы водрузили королевский герб.

14-го июля мы встретили дикарей в двух каноэ. Они нам оказали радушный прием. На переговорах, которые мы с ними вели, они сообщили нам, что поблизости находится группа из ста пятидесяти мистассини, и они попросили нас их посетить, уверив меня, что те будут очень рады нас увидеть и получить информацию о христианстве. Воодушевленный этим рассказом я ответил им, что мне доставит особую радость посетить этих людей, потому что мы могли бы сделать там что-нибудь полезное. Так как я был готов отправляться в путь, наш проводник, который все это время притворялся спящим, вдруг вскричал: «Ты хочешь туда идти, Черное платье! Мы торопимся! Так продолжим же наш путь!». Мне надо было его слушаться. Неприятно было зависеть от настроения дикаря, но мы не всегда можем делать то, что желаем. И, тем не менее, я был склонен верить, что Бог остался доволен проявлением моей доброй воли.

Эта встреча оказалась очень благоприятной для двух маленьких детей, которые были крещены на нашем пути по настоятельной просьбе их родителей.

18-го [июля] мы прибыли на реку Минахигускат (Minahigouskat),⁹⁶ где нас ожидало две сотни других дикарей. Поприветствовав нас, они, согласно тому, как принято в этой стране, каждый в свою очередь, угостили нас. Здесь не надо было искать случай прославить нашу нацию и святую веру. Он представился сам. Они выслушали меня с огромным удовольствием, и пообещали мне вернуться на озеро Сен-Жан

ближайшей весной, чтобы получить там наставления и принять там крещение. Меня утешало то, что я видел прибавление славы и паствы Иисуса Христа в лице тридцати трех невинных младенцев, которым я даровал крещение перед отъездом.

19-го [июля] в два часа после полудни я установил на этой реке герб, символизирующий наше владычество и нашу непобедимую монархию. Он послужит всем этим народам защитой от всех ирокезских наций.

23-го [июля], преодолев большие трудности, мы вернулись на озеро Сен-Жан. Я был очень удивлен, узнав, что мистассини ожидают меня здесь уже месяц. Это была первая группа, которую я встретил на своем пути в их страну, и для которой я отложил таинство крещения до моего возвращения, отчасти, чтобы испытать их решимость, а отчасти, чтобы больше им рассказать о Боге в свободное время после возвращения.

Крещение тридцати взрослых послужило мне полной компенсацией всех трудностей, которым я подвергся в этом длинном путешествии. После того, как они были достаточно информированы, у меня появилось мысль, что им было бы неплохо провести на озере всю зиму и лучше укрепиться в христианской вере.

Я надеюсь, что это путешествие пойдет им на пользу, потому что люди, живущие на этом озере – более старые христиане и более крепки в вере. Они послужат хорошим примером для этой нации в понимании истинной идеи нашей религии.

29-го [июля] мы вышли из озера и отправились в Шикутими (Chegoutimik), где нас ожидал капитан Тадуссака монсеньер де Сен Дени, чтобы взять нас на борт своего корабля. Мы прибыли туда 1-го августа.

Прибыв в Квебек, я сразу же последовательно изложил все события нашего путешествия людям, которые мне поручили его совершить. Я их информировал о причинах моего столь быстрого возвращения, о местах, которые я видел, о том, что я сделал для спасения всех этих народов, для распространения Евангелия, обоснования нашей веры и для славы нашей великой монархии

среди всех этих наций. А также обо всем том, что мы предприняли, чтобы предоставить им пространный и верный отчет.

До сих пор такое путешествие считалось невозможным для французов, которые предпринимали его уже три раза, но не смогли преодолеть всех препятствий и оставили эту затею, потеряв надежду на успех. То, что кажется невозможным, оказывается простым, когда это угодно Богу. Я получил руководство этим путешествием после восемнадцати лет попыток, которые я предпринимал, чтобы мне его поручили. Мои доводы были достаточно действенны, и желаемое свершилось благодаря выдающемуся божьему покровительству, выразившемуся во внезапном, можно даже сказать чудесном исцелении, которое постигло меня, когда мне, была поручена эта миссия. Я открыл путь туда в обществе двух французов и шести дикарей.

Правда, что это путешествие крайне трудное, и все, что я о нем написал – это только малая часть того, что нам пришлось выстрадать. В пути нам встретилось двести порогов и водопадов, а стало быть, и двести волоков, где каноэ и снаряжение надо нести на собственной спине. Нам также пришлось преодолеть четыреста стремнин. Чтобы подниматься по ним и преодолевать их, необходимо иметь длинный шест в руках. Я ничего не хочу говорить о трудностях пути. Нужно испытать их на себе, чтобы понять. Но когда думаешь о том, сколько душ можно привлечь к Иисусу Христу, появляется отвага. Чтобы отправиться в это путешествие и вернуться обратно, надо проделать восемьсот лье. Из них мы прошли более шестисот лье менее чем за сорок дней. Мы взяли себе за правило выходить рано утром и останавливаться на ночлег очень поздно. Как только появлялась возможность видеть скалы на реке, мы пускались в путь, и продолжали его до тех пор, пока из-за темноты не могли их больше различать.

Успех, который я имел в деле распространения Евангелия, был удивительным. В умах всех этих наций я встречал столь восприимчивые настроения, что мне доставляло больше труда отказывать тем, кто желал креститься, чем привлекать их к Богу и подчинять господству нашей веры. Все капитаны и главные вожди

обратились к Богу. Это окажет большую помощь в деле обращения остальных.

Я не без повода возлагаю на них большие надежды.

Брачные обычаи и суеверия представляют собой два главных порока и наиболее тяжелых для преодоления препятствия у всех дикарских наций. И все-таки они кажутся близкими к царству божьему, так как они абсолютно непривычны к сладострастной жизни, и поэтому мало предрасположены к этим порокам и не столь упорны в своих суевериях. Их легко разубедить в их заблуждениях и направить к евангельскому закону и чистоте христианской религии.

Мне вовсе не составило труда объяснять им как мало власти имеют демоны в том, чтобы помогать тем, кто им служит, потому что они сами никак не могут освободиться от адского пламени. Я рассказал им о муках, которые они претерпевают, о силе их зависти, о страшной злобе, которую они испытывают, желая иметь товарищей по несчастью.

Полигамия не является среди них распространенным обычаем. Я сам заметил, что вторая жена того, у кого их две, почти всегда является ближайшей родственницей [первой]. Мне объяснили причину этого обычая, ответив, что если женщина потеряла мужа, [его] ближайший родственник берет на себя заботу о ней, обеспечивает ее и держит не в качестве рабыни, а в качестве жены.⁹⁷

Я завершаю рассказ о нашем путешествии числом крещеных, которое увеличилось после моего отъезда на двести человек взрослых и детей. Что не позволяет нам воодушевиться после таких хороших начинаний? В особенности если принять во внимание огромное желание быть крещеными, которое мне выказали эти народы. Трудности, с которыми они столкнулись, позволив мне уйти. Их настоятельные просьбы к нам поскорее обосноваться на их земле. Настойчивые заботы, которые они оказывают всем французам, чтобы пригласить их торговать с ними.

Разве нужно желать чего-либо большего, чем божье благословение наших трудов? Это божье дело и его интерес.

Литература

Акимов Ю.Г. Большой Ононсио: Восприятие образа монарха индейцами в эпоху французского колониального господства в Канаде // Человек. Природа. Общество: Актуальные проблемы. Материалы 14-ой международной конференции молодых ученых 26-30 декабря 2005 г. В двух частях. СПб., 2006. Часть 1.

Воробьев Д.В. Ирокезы ((XV-XVIII вв.) // Цивилизационные модели политогенеза. Серия «Цивилизационное измерение». М., 2002. Т. 1.

Воробьев Д.В. Этнические наименования алгонкинов Лабрадора // Этнографическое обозрение. М., 2003. №2.

Воробьев Д.В. Охотники или рыболовы? К вопросу о природопользовании северных алгонкинов в доколониальный период // Этноэкологические исследования. Сборник статей к 80-летию со дня рождения В.И. Козлова. М., 2004.

Воробьев Д.В. Лидерство в конфликте: Военные походы ирокезов на алгонкинов Лабрадора в XVII веке // Власть в аборигенной Америке. Проблемы индеанистики. М., 2006.

Файнберг Л.А. Охотники Американского Севера (индейцы и эскимосы). М., 1991.

Картье Ж. Краткий рассказ о плавании, совершенном к островам Канады, Хошелаге, Сагенею и другим, с описанием нравов, языка и обычаев их жителей. Тверь, 1999.

Bousquet M.-P. Les Algonquins ont-ils toujours besoin des animaux indiens? Réflexion sur le bestiaire contemporain // Théologiques. 2002. Vol. 10. N. 1.

Buies A. Le Saguenay et le bassin du lac Saint-Jean. Ouvrage historique et descriptif. Troisième édition. Québec, 1896.

Caron D. Les postes de traite de fourrure sur la Côte-Nord et dans l'Outaouais. Dossiers de Ministère des Affaires culturelles. Québec, 1984. N. 56.

Chaffray S. Le scalp: un objet interculturel dans le contexte colonial nord-américain (1701-1763) // Recherches amérindiennes au Québec. La culture matérielle. Archéologie de l'échange interculturel. Québec, 2005. Vol. XXXV. N. 2.

Chamberland R., Leroux J., Audet S. Bouillé S. et Lopez M. Terra Incognita des Kotakoutouemis. L'Algonquinie orientale au XVIIe siècle. Les Presses de l'Université Laval et le Musée canadien des civilisations. Sainte-Foy et Hull, 2004.

Chapdelain C. Le cite de Chicoutimi. Un campement préhistorique au pays des Kakouchaks. Dossiers soixante et un. Québec, 1984.

Clermont N. Ma femme, ma hache et mon couteau croche. Deux siècles d'histoire à Weymontachie. Série cultures amérindiennes. Ministère des Affaires culturelles. Québec, 1977.

Cuoq J.-A. Lexique de la langue algonquine. Montréal, 1886.

D'Ars M. de S.-J. «À la recherche de la Mer du Nord: 1661» // Revue d'Histoire de l'Amérique française. Montréal, 1954. Vol. 8. N. 2.

Dawson S.E. The Saint Lawrence basin and its border lands. Being the story of their discovery, exploration and occupation. Toronto, 1905.

Delanglez J. Louis Jolliet. Vie et voyages (1645-1700). Les Etudes de l'Institut d'histoire de l'Amérique française. Montréal, 1950.

Denton D. et Pintal J-Y. L'Antre du Lièvre et l'histoire des *Mistassins*. Bilan des connaissances archéologiques et présentation des zones d'intérêt archéologique et historique. Rapport présenté à la Société faune et parc du Québec dans le cadre du projet de parc Albanel-Témiskamie-Otish. Administration régional cri, juillet 2002.

Desrosier L.-P. Les années terribles // Les Cahiers des Dix. Montréal, 1961. N. 26.

Dionne N.E. La Nouvelle France de Cartier à Champlain 1540-1603. Québec, 1891.

Dobyns H.F. Estimating aboriginal American population: An appraisal of techniques with a new hemispheric estimate // Current Anthropology. 1966. Vol. 7. N. 4.

Duhaime G. Le Nord. Habitants et mutation. (Collection Atlas historique du Québec, dirigée par Serge Courville et Normand Séguen). Québec, 2001.

Edmonds J.B. Eastmain Journal 1973. Toronto, 1974

Francis D. and Morantz T. Partners in Furs. A History of the Fur Trade in Eastern James Bay. 1600-1870. Kingston, 1983. Vol. 11. N.4.

Grassmann T. The Mohawks Indians and their valley being a chronological documentary record to the end of 1693. New-York, 1969.

Handbook of American Indians North of Mexico. Ed. Hodge F.W. Washington, 1912. Vol. 2.

Heidenreich C.E. and Ray A.J. The Early Fur Trades: A Study in Cultural Interaction. Toronto, 1976.

Hunt G.T. The Wars of the Iroquois. A Study in Intertribal Trade Relations. Madison, 1960.

Jacques Cartier et “la grosse maladie”/ XIX Congrès International de Physiologie. Montreal, 1958.

Keener C. S. An Ethnohistorical Analysis of Iroquois Assault Tactics Used against Fortified Settlements of the Northeast in the Seventeenth Century // Ethnohistory. 1999. Vol. 46. N. 4.

La toponymie des Attikameks. Dossiers toponymiques. Québec, 1987. N. 21.

La toponymie des Cris. Dossiers toponymiques. Québec, 2003. N. 29.

La toponymie des Algonquins. Dossiers toponymiques. Québec, 1999. N. 26.

Lacombe A. Dictionnaire de la langue des Cris. Montréal, 1874.

Lacoursière J. et Bizier H.-A. Nos racines. L’histoire vivante des Québécois. Québec, 1979. N. 1.

Lafiteau J.F. Mœurs des sauvages amercains comparées aux mœurs des premiers temps. P., 1983. Vol. 1.

Lafleur N. La vie traditionnelle du Coureur de Bois aux XIX-e et XX-e siècles. Québec, 1973.

Lapointe C. Le site de Chicoutimi. Un établissement commercial sur la route des fourrures de Saguenay – Lac-Saint-Jean. Dossiers soixante-deux. Québec, 1985.

Mackenzie A. Tableau historique et politique du commerce des pelletries dans le Canada, depuis 1608 jusqu'à nos jours. Contenant

beaucoup de détails sur les nations sauvages qui l'habitent, et sur les vastes contrées qui y sont contigues; Avec un Vocabulaire de la langue de plusieurs peuples de ces vastes contrées. Paris, 1807.

Malchelosse G. Peuples sauvages de la Nouvelle France (1600-1670) // Les Cahiers des Dix. Montréal, 1963. N. 28.

McNulty G.E., Gibbert L. Atticamek (Tête de Boule) // Handbook of North American Indians: Subarctic. Washington, 1981. Vol. 6.

Mailhot J. La disparition des Oumamiois et des Kichestigaux: une histoire cousue de fil blanc // Recherches amérindiennes au Québec. Présence autochtones de l'âge glaciaire à aujourd'hui. Québec, 2004. Vol. XXXIV. N. 1.

Maurault J.A. Histoire des Abenakis depuis 1605 jusqu'à nos jours. Sorel, 1866.

Morantz T. The Ethnohistory of Bruce Trigger // The Archaeology of Bruce Trigger. Theoretical Empiricism. Montreal and Kingston, 2006.

O'Sullivan H. Rapport préliminaire sur l'exploration de l'étendue de pays comprise entre le Lac St-Jean et la Baie de James faites en vertu d'instruction de département de la colonisation et des mines de la province de Québec. Québec, 1898.

Oeuvres de Champlain publiées sous le patronage de l'Université Laval. Seconde édition. Ed. par Laverdière C.-H. Québec, 1870. 6 vols.

Parker S. The Witiiko Psychosis in the Context of Ojibwa Personality and Culture // American Anthropologist. Menasha, 1960. Vol. 62. N. 4.

Parent R. L'effritement de la Civilisation Amérindienne // Histoire du Québec publiée sous la direction de Jean Hamelin. Québec-Toulouse, 1976.

Pelland A. Le Lac Saint-Jean, ses ressources, ses progrès et son avenir. Québec, 1911.

Petitot E. Traditions indiennes du Canada nord-ouest par Émile Petitot ancien missionnaire. Les littératures populaires de toutes les nations. Traditions, légendes, contes, chansons, proverbes, devinettes, superstitions. Paris, 1886. Vol. XXIII.

Population indienne inscrite selon le sexe et la résidence 2005. Publié avec l'autorisation du ministre d'Affaires indiennes et du Nord Canada. Ottawa, 2006.

Projet du parc Albnel-Témiskamie-Otish. E'weewach (Là d'où originent les eaux). État des connaissances 2005. Québec, 2006.

Puyjalon, H. de. Histoire naturelle à l'usage des chasseurs canadiens et des éleveurs d'animaux à fourrure. Québec, 1900.

Rogers E.S. and Leacock E.B. Montagnais-Naskapi // Handbook of North American Indians: Subarctic. Washington, 1981. Vol. 6.

Rousseau J. La crainte des Iroquois chez les Mistassins // Revue d'Histoire de l'Amérique française. Montréal, 1948. Vol. 2. N. 1.

Rousseau J. Les voyages du Père Albnel au lac Mistassini et à la Baie James // Revue d'Histoire de l'Amérique française. Montréal, 1950. Vol. 3. N. 4.

Rousseau J. Astam mitchoun! Essai sur la gastronomie amérindienne // Les Cahiers des Dix. Montréal, 1957. N. 22.

Rousseau J. L'Indien de la forêt boréale, élément de la formation écologique // *Studia varia*. Société Royale du Canada. Ottawa, 1958.

Rousseau J. Ces gens qu'on dit sauvages // *Les Cahiers des Dix*. Montréal, 1958a. N. 23.

Rousseau, Madeline et Jacques. Le dualisme religieux des peuplades de la forêt boréal // *Proceedings and Selected Papers of the XXIX th International Congress of Americanists*. Chicago, 1952.

Roy J-E. Guillaume Couture première colone de la Pointe-Lévy (Lauzon). Lévis, 1884.

Roy J-E. Au royaume du Saguenay. Voyage au Tadoussac. Québec, 1889.

Roy J-E. Histoire de la seigneurie de Lauzon. Lévis, 1897. Vol. 1.

Roy J-E. La famille Godefroy de Tonnancour. Lévis, 1904.

Sagard G.T. Le grand voyage du pays des Hurons. Québec, 1976.

Savard R. La forêt vive: récits fondateurs du peuple innu. Montréal-Québec, 2004.

Scott H.-A. Une paroisse historique de la Nouvelle France. Notre-Dame de Sainte-Foy. Histoire civile et religieuse d'après les sources. 1541-1670. Québec, 1902. Vol. 1.

Speck F.G. Montagnais-Naskapi Bands and Early Eskimo distribution in the Labrador Peninsula // *Amer. Anthropologist*. 1931. Vol. 30. N. 4.

Tanner A. Bringing Home Animals: Religious Ideology and Mode of Production of the Mistassini Cree Hunters. St.John's, 1979.

The First Peoples of Quebec. A reference work on the history, environment, economic and legal position of the Indians and Inuit of Quebec. (Native North American studies Institute, and Indians of Quebec Association). Montreal-Quebec, 1973. Vol. 1. History, Culture, Geography, Population.

The Jesuit Relations and allied documents. Travels and explorations the Jesuit Missionaries in New France. 1610-1791. Thwaites R.G. ed. New-York, 1959. 73. Vols. (JR)

Tremblay V. L'Évangélisation du Saguenay par les Jésuites 1641-1782. Publication de la Société Historique du Saguenay. Chicoutimi, 1968. N.11

Tremblay V. Histoire du Saguenay d'origine jusqu'à 1870. Publication de la Société Historique du Saguenay. Chicoutimi, 1946. N. 21.

¹ Здесь дана не вся глава, а только та ее часть, где речь непосредственно идет о путешествии Жана Де Кэна.

² Тадуссак – населенный пункт у впадения реки Сагены в залив Св. Лаврентия. Согласно наиболее распространенной версии это название происходит из языка инну (монтанье) и означает в переводе «соски» или «груди». Причиной этому явились окружающие селение холмы похожей формы.

Ко времени регулярного появления в этих местах французов, Тадуссак уже был летним стойбищем групп монтанье, живших в лесах Лаврентийской возвышенности (культура именно этих групп подробно описана миссионером Полем Ле Женом). Он также являлся крупным центром торговли, где собирались представители некоторых племен бассейна реки Святого Лаврентия в ожидании европейских кораблей (главным образом, баскских и бретонских). При этом не следует рассматривать Тадуссак как стационарный

индейский поселок с постоянным населением. Временное летнее стойбище монтанье, где охотники останавливались летом на относительно непродолжительный период времени, благодаря своему выгодному географическому положению и все более частому появлению здесь европейцев, скупавших меха, стало со временем (начиная с середины XVI в.) крупным торговым центром. Однако индейцы не жили здесь постоянно. Пробыв здесь относительно недолго, одни люди возвращались в леса, а на смену им приходили другие.

В 1603 г. здесь высадился Самуэль Шамплен – будущий губернатор Новой Франции. Он сделал первое и очень интересное описание обычаев и образа жизни монтанье и заключил здесь с ними (в частности, с вождем Анадабижу) первый договор. (*Oeuvres de Champlain 1870, 2: 6 - 20*). До основания в 1608 г. Квебека Тадуссак был оплотом французской колонизации. В 1628 г. пост Тадуссак был захвачен англичанами, но вскоре вновь отошел к французам. Летом 1661 г. поселение атаковал отряд из шестидесяти-семидесяти могавков. Три француза убиты и один ранен. Ночью все французы и индейцы оставили Тадуссак и укрылись в Квебеке (*Grassman 1969:219*). На протяжении XVII в. это был важный торговый и миссионерский центр.

Французский торговый пост основал здесь в 1599 г. (по другим данным в 1600 г.) Пьер Шовен. Он представлял собой строение на восточном берегу ручья Тадуссак. Во времена Новой Франции управление постом сначала принадлежало различным компаниям или частным лицам. К моменту создания Королевского Домена (сети торговых постов, принадлежавших только королю Франции) Тадуссак являлся самой главной факторией на Северном Побережье залива Св. Лаврентия. В период английского правления, в частности, с 1765 по 1831 гг. состояние поста стало менее стабильным. В 1831 г. он отошел к Компании Гудзонова залива, а 1859 г. был закрыт (*Caron 1984:63*).

Впоследствии основными занятиями в этом населенном пункте стали лесное хозяйство, а затем туризм.

³ Жан Де Кэн – (1603 Амьен (Франция) – 1659 Квебек) миссионер-иезуит, основатель миссий на Сагение, главный настоятель иезуитских миссий Новой Франции.

Прибыл в Квебек 17 августа 1635 г. и вскоре принял деятельное участие в создании постоянной стационарной миссии Силлери.

В 1640 г. был послан в Труа-Ривьер, где вел миссионерскую деятельность. В 1641 г. вернулся в резиденцию Силлери и руководил этой миссией до 1649 г. В этот период Де Кэн также вел миссионерскую работу среди монтанье бассейна реки Сагений, язык которых он выучил. В том же 1641 г. им была организована миссия у монтанье, получившая название Сент-Круа де Тадуссак. Де Кэн прослужил здесь одиннадцать лет (1640-1651 г.). Каждый год ко времени прихода индейцев из леса на летние стойбища он спускался по реке Св. Лаврентия из Квебека в Тадуссак и оставался с ними до тех пор, пока они осенью не откочевывали обратно. В силу кочевого образа жизни своей паствы Де Кэн старался адаптировать работу миссии Тадуссак вызванным таким образом жизни условиям и даже добился в этом некоторых успехов.

В 1647 г. Де Кэн узнает об эпидемии среди групп какушак на озере Сен-Жан, представители которой были крещены несколько лет назад в Тадуссак, и совершает к ним поездку, отчет о которой представлен в настоящем издании.

В. Трембли полагает, что в 1650 и 1652 г. именно Де Кэн организовал миссионерские поездки на озеро Сен-Жан в устье впадающей в него реки Метабечуан, тогда как М. Гитар, указывая на отсутствие точных сведений, считает эти утверждения слишком смелыми (*Guitard 1984:14*). Согласно Трембли, Де Кэн в 1651 и 1652 гг. также посетил группу папинаши на реке Троицы (*rivière Pentecôte*) (*Tremblay 1946:8*).

В 1656 г. Де Кэн был назначен главным настоятелем миссий Новой Франции и находился на этом посту до 8 сентября 1659 г. – даты своей смерти.

⁴ В «Реляциях иезуитов», как и во многих других письменных источниках по истории Новой Франции, самые разные этнические общности и подразделения именуется нациями (nation). Под этим наименованием могут скрываться как достаточно крупные племенные объединения и народы, такие как гуроны, микмак или абенаки (*JR 1959, 52: 224-226*), так и значительно более мелкие подразделения таежного алгонкинского населения, которые можно назвать локальными группами (*Воробьев 2003:105*). В отчете Жана Де Кена содержится упоминание о нации дикобразов (какушак). У Габриэля Друйета и Клода Даблона мы узнаём об уничтоженной ирокезами нации белок – возможно временном объединении нескольких семей, принадлежность которого к каким-либо локальным группам мне выяснить так и не удалось. Эти же авторы упоминают о килистинон (кри), включающих в себя множество наций (локальных групп). Для обозначения тех же понятий в источниках значительно реже используется термин «народ» (people), тогда как «племя» (tribu) почти не встречается.

Таким образом, терминами «нация» и «народ» авторы источников могли выразить самые разные уровни этнической градации аборигенного населения. Поэтому трактовки некоторых исследователей второй половины XX в., согласно которым алгонкины востока Канады подразделялись на нации, которые в свою очередь подразделялись на племена, а те на кланы (*Parent 1976:30*), не выдерживают никакой критики и попросту не соответствуют действительности.

В процессе перевода я всегда оставлял авторскую трактовку терминов, обозначающих этнические общности. На мой взгляд, перевод оригинала на английский язык, где фраза «О миссиях у народов монтанье и алгонкинов...» («Des Missions aux Peuples Montagnais et Algonquins...») переведена как «О миссиях у племен монтанье и алгонкинов...» («Of the Missions to the Montagnais and Algonquin Tribes...») (*JR 1959, 56: 70-71*), вряд ли можно признать удачным и правомерным. Монтанье и алгонкины представляли собой разрозненные локальные группы, не имеющие племенной организации и единого этнического самосознания. Более того, в

XVII в. этноним монтанье, европейцы распространяли, в основном, на группы, обитавшие между Квебеком и Тадуссаком, и не всегда включали в него остальное алгонкинское население юга Лабрадора. (*Воробьев 2003:98*).

⁵ Нация дикобразов или какушак (*Kakouchas, Casouchaqui*), также назывались пьекуагами, пикуагами – «люди плоского озера» или «люди мутного озера» – группа монтанье, населявшая берега озера Сен-Жан и прилегающие к нему территории. Такое наименование было дано живущим здесь людям соседними группами по причине изобилия дикобразов в этой местности (*Rogers and Leacock 1981:186*). Под этим названием в источниках и литературе также могли быть объединены все группы монтанье оз. Сен-Жан, Сагеня и Тадуссака. Однако большинство исследователей, в частности археолог К. Шапделэн, выражают сомнение в справедливости такой трактовки. Этот автор полагает, что следует отличать группы Тадуссака от каушак, даже, несмотря на тот факт, что последние каждое лето спускались в устье Сагеня «чтобы пополнить штат монтанье» (*Chapdelain 1984:160*), то есть, этого было достаточно, чтобы французы стали называть их монтанье. В XVIII в. этот этноним перестает встречаться в источниках, на смену ему приходит наименование пьекуагами (*Picouagamien*). Попытки объяснить это тем, что в данную эпоху французы лучше узнали местное алгонкинское население, поняли, что оно подразделяется на локальные группы, и прекратили называть его обобщающим этнонимом монтанье, а стали употреблять наименования многочисленных групп: пьекуагами, шикутими, некубанисте и т. д. (*Duhaime 2001:57*), представляются неубедительными. В XVII в., как свидетельствуют источники, в том числе и опубликованные в этом издании тексты, мозаика этнонимов была не менее богата.

Ряд историков (М.-Н. Доусон, Р. Бушар, Р. Парэн) объясняют данное изменение этнонимов тем, что какушак исчезли в результате эпидемий, набегов ирокезов и межэтнических браков, и их место заняли другие группы. В результате в историографии появляются

утверждения об исчезновении монтанье бассейна Сагена и оз. Сен-Жан, в частности какушак. Это, в свою очередь, стало причиной дискуссии между историками и социальными антропологами (П. Шарэ, Ж. Мэло), опровергающими этот тезис. Не вдаваясь в подробности дискуссии, отмечу, что, согласно мнению последних, на мой взгляд, более убедительному, чем построения историков, речь здесь идет не столько о локализованной этничности, зафиксированной в конкретных этнонимах, сколько о достаточно аморфных группах северных алгонкинов, которые, в зависимости от контекста, могли фигурировать под различными наименованиями. Канадский исследователь Реми Савар обратил внимание, что границы территорий групп могли изменяться от поколения к поколению под воздействием брачных соглашений между кочевыми охотничьими группами (*Savard 2004:15*). Браки между представителями разных локальных групп алгонкинов Лабрадора всегда были повсеместным явлением. Даже существует мнение, что эти группы были экзогамны (*Savard 2004:16*). Думаю, данное обстоятельство никак не может быть причиной исчезновения одной группы и появления новой. Шарль Албанель в представленном в настоящем издании отчете упоминает о существенном сокращении численности некогда многочисленного населения оз. Сен-Жан в 1670-е гг. из-за набегов ирокезов в 1660-е гг. и эпидемии оспы, но этого явно недостаточно для вывода об исчезновении жившей здесь группы и прихода на ее место новой.

Современные монтанье (илну) оз. Сен-Жан, среди которых несомненно есть потомки какушак, сосредоточены в поселке Маштеуиач и насчитывают 4783 чел. (*Population indienne... 2006:6*).

⁶ Лье – старинная французская мера длины. Различают морское или географическое лье (5,556 км.), общинное лье (4,445 км.), почтовое лье (3,898 км.), километровое лье (4 км.). Современное канадское лье насчитывает 3 мили. Тем не менее, в каких лье измеряется расстояние в приведенных источниках, определить трудно.

⁷ Санье – редко встречающаяся (видимо, в это время еще не устоявшаяся) форма написания названия реки Сагены, соединяющей оз. Сен-Жан с заливом Св. Лаврентия. Санье у Де Кэна, Сагене у Друйета и Даблона, у Албанеля название принимает современную форму Сагены. Интересно, что в источниках XVI в. употребляется форма Сагены (*Jaques Cartier et "la grosse maladie 1953 :21*).

Река Сагены сыграла существенную роль в истории Канады, поскольку являлась наиболее удобным путем в богатые пушниной внутренние области Лабрадора и в итоге вывела французов к заливу Джеймс. В 30-е гг. XIX в. она стала «базовой артерией» колонизации региона Сагены, которая выразилась в его хозяйственном освоении.

Сама река подразделяется на фьорд Сагены и собственно реку. Первый протянулся на 65 миль от устья и около мили в ширину. Глубина местами доходит до 320 метров. Берега гористые и обрывистые. Вода соленая на протяжении 60 миль. Вторая (собственно река) насчитывает 25 миль, вытекает из оз. Сен-Жан и разделяется на два рукава. Она представляет собой непрерывную цепь порогов и водопадов (*Tremblay 1968:6-7*). Вероятно, именно по этой причине, индейцы, идя на озеро, предпочитали после Шикутими переходить в реку Кеногами. Этим же путем прошли и все авторы опубликованных в этом издании отчетов.

По утверждению В. Трембли, слово Сагены переводится с языка монтанье как «вода, которая выходит», или «там, где выходит вода». Однако сами монтанье так эту реку не называли, а именовали ее Пичитауиче (*Pitchitaouitchez*) (*Tremblay 1968:2*). Название Сагены дал этой реке Жак Картье, которому два его индейских спутника сказали, что она ведет в «Королевство Сагены» (*Tremblay 1968:46*). В отчете о втором путешествии Картье спутники капитана действительно говорят о «королевстве Сагены» (*Jaques Cartier et "la grosse maladie 1953 :21; Картье 1999:9*), что представляет большой интерес, поскольку Тэньоаньи и Домагауа – спутники Картье – были лаврентийскими ирокезами, а слово Сагены имеет алгонкинское происхождение.

⁸ Река Кинугамиу, Кеногами (Kin8gami8), современное название – река Шикутими. Впадает в Сагней с южной стороны. В месте впадения сейчас расположен город Шикутими. Река образует озеро Кеногами – Длинное озеро. На языке кри Киногимау (Kinogimaw) означает Длинное озеро, где окончание gimaw указывает на водное пространство (*Lacombe 1874:180*). Протяженность озера составляет двадцать одну милю в длину и около полутора километров в ширину. Оно расположено в глубоком желобе в девяти милях к югу от Сагенея.

По реке и озеру пролегал старый маршрут индейцев от устья Сагенея к оз. Сен-Жан, так как путь дальше напрямую по Сагенею из-за изобилия водопадов и отвесных скал и был неудобен и труднопроходим. Кроме того, последний отрезок пути после нескольких волоков пролегал по реке, впадающей в оз. Сен-Жан. Следовательно, путешественникам предстояло спускаться вниз по течению, а не бороться с ним, что существенно облегчало задачу. Впоследствии этим маршрутом, благодаря проводникам индейцам, стали пользоваться и европейские путешественники, торговцы и миссионеры. Не случайно во всех трех приведенных здесь текстах пути путешественников пролегают именно по этому маршруту.

Маршрут просуществовал до 1924 г. когда повышение уровня озера, вызванное строительством плотины, привело к его изменению.

⁹ Кинугамишиш – Маленькое длинное озеро (река). Сходное название некоего озера зафиксировано у алгонкинов – Киногамишик (Kinogamishik) – Маленькое длинное озеро (*La toponimie des Algonquins 1999 :82*). Это озеро представляло собой следующий этап пути к оз. Сен-Жан. Волок между озерами Кеногами и Кеногамишиш, являлся водоразделом. Из реки Шикутими (оз. Кеногами), впадающей в реку Сагней, путешественники переходили в оз. Кеногамишиш. Далее им предстояло спускаться вниз по течению в оз. Сен Жан. Озеро Кеногамишиш является истоком Ольховой реки, притока реки Белль-Ривьер, впадающей в

оз. Сен-Жан (*Tremblay 1968:94*). Этот последний отрезок пути (озеро Кеногамишиш – Ольховая река – река Белль-Ривьер) Дэ Кэн называет рекой Кинугамишиш.

¹⁰ Пьекуагами, Пикуагами, Пиуагамик – (Плоское озеро, Ровное озеро, Неглубокое озеро) – озеро Сен-Жан. Названо так индейцами из-за больших размеров, небольшой глубины у берегов, ровного рельефа близлежащих территорий, и обрамляющих его отлогих песчаных пляжей (*Tremblay 1968:9*). Это большое озеро овальной формы, поверхность его занимает четыреста двенадцать квадратных миль, а само оно насчитывает двадцать восемь миль в длину и двадцать одну милю в ширину. Самое глубокое место (206 футов) расположено в юго-восточном секторе озера. В озеро впадает много рек, наиболее крупные из которых Ашуапмушун, Мистассини, Перибонка, Метабечуан, вытекает река Сагней.

Озеро сыграло большую роль в ранней истории Канады, в особенности Квебека. Оно было важным центром летнего сбора нескольких групп инну (монтанье), а также ряда других этнических общностей, собиравшихся здесь для торговли.

Считается, что первым европейцем, увидевшим озеро в 1647 г., был миссионер Жан Де Кэн. В 1652 г. французы уже называли это озеро Сен-Жан, но неизвестны обстоятельства, при которых оно получило это название (*Guitard 1984:14*). В 1676 г. на южном берегу французскими торговцами был основан пост Метабечуан, а миссионером-иезуитом Франсуа Де Крепельем миссия Метабечуан. В первой половине XIX в. окрестности озера подверглись широкомасштабному хозяйственному освоению канадцами. Это процесс получил название «колонизация». На берегах озера было основано большое количество постоянных селений, многие из которых впоследствии стали городами.

¹¹ Доре (от фр. doré – золотистый) – рыба семейства окуневых, близкий родственник судака. Здесь может идти речь о доре желтом (*Stizostedion vitreum*), обитающем в реках и озерах южного и

центрального Квебека и о доре черном (*Stizostedion canadense*), который распространен, главным образом, на юге Квебека, особенно в реке Св. Лаврентия.

¹² Белая рыба (аттикамек) или большой сиг (*Coregonus clupeaformis*) – рыба семейства сиговых, один из многочисленных подвидов собственно сига. Широко распространена в реках и озерах Канады и Аляски. Являлась важным объектом промысла у алгонкинских и атапаскских групп Канадского кристаллического щита. В дальнейшем лов белой рыбы приобрел коммерческое значение. Количество рыбы, добываемой с начала осени у поста Метабечуан на озере Сен-Жан, позволяло экспортировать ее в США (*Buies 1896:218*). Название аттикамек (белая рыба) также носит алгонкинская группа, населяющая бассейн реки Сент-Морис (см. прим. 52.)

¹³ Европейцы XVII века для наименования самых разных по статусу и значимости индейских лидеров и вождей часто независимо от истинных масштабов их власти обычно употребляли термин «капитан». Применительно к внутренним группам инну, у которых не существовало официально выбранных вождей, капитанами могли быть названы лидеры, пользовавшиеся уважением и авторитетом в силу своих личных качеств и способностей, а также главы кочевых единиц или отдельных семей (*Воробьев 2006:457-458*). Когда речь заходила о группах инну, тяготевших к реке Св. Лаврентия, у которых общественно-политическая структура стала усложняться в результате тесных контактов с французами и набегов ирокезов, капитанами могли быть названы любые вожди, от ситуативных лидеров до общепризнанных вождей и крупных исторических фигур, сыгравших существенную роль в истории Новой Франции. В качестве примера последних можно привести «капитана Силлери» Ноэля Негабамата (Текуеримата) (*Воробьев 2006:451-452*).

¹⁴ Кастипитаган – сумка, изготовленная из цельной шкуры небольшого животного, кисет, а также шкура, снятая чулком.

Упоминание шкуры бобра, снятой чулком, в данном контексте представляет большой интерес. Охотники часто предпочитают снимать шкуру с некрупных пушных зверей таким способом. Это удобно, и легче сушить и производить первичную обработку шкуры, надев ее на деревянную пялку. Однако более-менее крупных животных, в том числе и бобра, обдирали, как правило, начиная с продольного разреза на животе. Квебекский натуралист А. де Пюижалон отмечал, что канадские охотники обдирают бобра также как и медведя, то есть делают продольный надрез на животе (*Puyjalon 1900:213*). Если учесть, что многое из охотничьей практики канадцы заимствовали у индейцев, то можно предположить преобладание такого же способа снятия шкуры с бобра и у них. По данным канадской исследовательницы М.-П. Буке, современные алгонкинские охотники из региона Абитибидобычно растягивают бобровую шкуру на специальных рамах, но иногда закрепляют на дощечках (*Bousquet 2002:79*). Возможно, во втором случае речь идет о шкуре, снятой чулком.

Данный факт заставляет задуматься над этим упоминанием Дэ Кэна. Если для названия снятой чулком шкуры существует специальный термин (кастипитаган), то, вероятней всего, индейцы это широко практиковали.

Всё проясняет монументальный труд Поля Ле Жена. По словам этого автора, «Почти все дикари имеют маленький Кастипитаган, или сумку для табака. Одни сделаны из шкуры мускусной крысы таким образом, что животное кажется абсолютно целым. Есть только маленькое отверстие на голове, через которое они его ободрали. Другие сделаны из других животных. Есть и сделанные из кисти руки какого-нибудь убитого ими ирокеза, столь хорошо выделанной, что все ногти остаются целыми» (*JR 1959, 5: 130*). Итак, кастипитаган – это, в первую очередь, кисет или сумочка из цельной шкуры небольшого животного, а также сама цельная шкура. Естественно, кисет и сумку целесообразнее изготавливать из цельной шкуры. Кисет из шкуры бобра был бы

слишком большим. Думаю, в данном случае речь может идти как просто о цельной шкуре, так и о заготовке для большой сумки.

В кри-французском словаре А. Лакомба (1874 г.) слово каскипитаган дано в значении – сумка для хранения магических предметов, изготавливаемая из шкуры медведя или других животных, которых, по словам Лакомба, «дикари используют для своего колдовства». Второе значение слова каскипитаган – железная коробочка, в которой хранят табак (*Lacombe 1874:373*).

¹⁵ Не совсем ясно идет ли речь о ставных сетях или неводах. Употребленное Де Кэном слово *le gets* обычно переводится как «невод», которым таежные алгонкины, наверняка не пользовались, но его также можно перевести и как ставная сеть. Н. Ляфлер определяет *le gets* и *le seines* как «устанавливаемые на дне прямоугольные сети от сорока до ста футов в длину и от трех до шести футов в высоту» (*Lafleur 1973:139*). Однако в работе этого автора анализируется промысловое хозяйство «лесных бродяг» XIX века, которое, несмотря на многочисленные заимствования из культуры жизнеобеспечения индейцев, все-таки будет неправомерно рассматривать как ее аналог XVII века. Большинство исследователей придерживается точки зрения, согласно которой у таежных охотников Канадского щита различные рыболовные приспособления сетного типа появляются вследствие европейского воздействия (*Rousseau 1958:44; Rogers 1966:111; Файнберг 1991:81*). Это обстоятельство послужило существенной причиной преобладания охоты над рыболовством в их традиционной системе жизнеобеспечения (*Воробьев 2004:213*). Поэтому, возможно, сети в этот период попадали к каушак от французов обменным путем через посредничество монтанье Тадуссака или напрямую. Слова «капитана» каушак свидетельствуют, что они являлись ценным предметом и были редкостью.

В то же время в ранних французских источниках содержатся упоминания о том, как гуруны в начале XVII в. поставляли сети группам Восточной Субарктики. Так, в свидетельстве С. Шамплена, датированном 1616 годом сообщается, что гуруны шкуры для

шитья одежды «выменивают на свой маис, муку, вампум (roucelines) и рыболовные сети у алгоммекинов (алгонкинов - Д.В.), писерини (ниписсингов - Д.В.) и других охотничьих наций, не имеющих постоянных мест жительства» (*Oeuvres de Champlain 1870, 5: 293*). Упомянутые Шампленом ниписсинги накануне европейской колонизации совершали достаточно далекие торговые экспедиции в район залива Джеймс, а сами гуроны доходили до озер Некуба и Маттагами (*Hunt 1960:7-8*). Таким образом, северные группы алгонкинов Лабрадора, теоретически могли эпизодически получать гуронские сети, но массовое проникновение сетей в отдаленные районы севера и северо-востока Лабрадора представляется мне сомнительным.

¹⁶ Здесь возникает вопрос, знали и понимали ли эти индейцы, мало контактировавшие с французами, слово «таинство»? В тексте оригинала эта фраза идет без кавычек (видимо, дело в не устоявшейся еще окончательно в этот период французской орфографии), но характер его содержания не вызывает сомнений, что данная фраза была произнесена индейцами. Поэтому в переводе она идет как прямая речь. Не исключено также, что Де Кэн адаптировал слова «капитана» какушак таким образом, чтобы они были понятны для европейца.

¹⁷ Рене Менар (René Menard) (1604 Париж – 10 августа 1661 территория современного штата Висконсин) – миссионер-иезуит. Прибыл в Канаду в 1640 г. Вел миссионерскую деятельность среди гуронов и ниписсингов. После разгрома гуронов ирокезами в 1649 г. перебрался в Труа-Ривьер. С 1651 по 1659 гг. настоятель иезуитов в Труа-Ривьере. Предпринимал попытки основания миссий у ирокезов (кайюга), но безуспешно. В 1659 г. с тремястами индейцами оттава отправился на запад. Вероятно, достиг Кевенау, что на сто лье западнее Со-Сент-Мари. В письме, датированном июлем 1661 г. он написал, что пойдет к индейцам дакота. В пути по лесу он и его спутник-француз разделились. Назад отец Менар не вернулся.

¹⁸ Возможно, ошибка в тексте оригинала. В английском варианте это слово переведено как «длина», что соответствует смыслу фразы.

¹⁹ Генри Гудзон (ок. 1550-1611) – английский мореплаватель. В 1607-1611 гг. совершил четыре плавания в поисках Северо-западного прохода из Атлантического океана в Тихий. Открыл пролив и залив, которые носят сейчас его имя.

²⁰ Килистинон (Kilistinons Kinistininos, Christinaux) – раннее французское название индейцев кри, имеющее алгонкинское происхождение.

В тексте реляции о путешествии Друйета и Даблона дана четкая дефиниция этнонима килистинон: «У залива в определенное время года находится множество окрестных наций, известных под общим названием килистинон». Уже в середине XVII в. так назывались связанные тесным языковым и культурным родством многочисленные алгонкинские группы, населявшие бассейн залива Джеймс и внутренние районы запада и северо-запада Квебека и севера Онтарио.

Согласно наиболее широко распространенной версии, название килистинон происходит от алгонкинского *кенистеноаг* (Kenistenoag). Канадский исследователь Жерар Мальшелосс полагал, что «алгонкинские группы, бродившие на равном расстоянии от залива Джеймс, от озер Верхнее и Ниписсинг», назывались Gens des Terres «люди земель» (кенистеноаг). Прежде они именовались килистино или кристино, сейчас кри (*Malchelosse 1963:68*). Термином *жан де терр*, как известно, могли именоваться самые разные группы, обладавшие одной общей чертой, а именно, локализацией во внутренних районах, удаленных от центров колонизации (*McNulty and Gibbert 1981:209*). Группы залива Джеймс вполне подходят под это наименование, но их связь с этнонимом *кенистеноаг*, постулируемая Мальшелоссом без какой-либо аргументации, не выглядит убедительной. Иногда этноним

кенистеноаг рассматривают как самоназвание некоторых групп кри. Другая, на мой взгляд, более близкая к истине версия приписывает его оджибве, называвших так кри. **(Спросить?)**

²¹ Ниписсинги (Nipissirini, Nebicerini, Epicerinys) – «маленькая вода», или «маленькое озеро», «народ маленькой воды». В ранних источниках также часто упоминаются как «нация колдунов».

Алгонкинская группа, населявшая район озера Ниписсинг. В лингвистическом плане близкие родственники собственно алгонкинов, оджибве и оттава. Французы впервые узнали о ниписсингах в 1613 г., в ходе четвертого путешествия Шамплена, но не смогли их посетить из-за противодействия этому алгонкинов (*Oeuvres de Champlain 1870, 3: 311-316*).

В источниках первой половины XVII в. они всегда предстают в качестве соседей, союзников и торговых партнеров гуронов. В 1623 г. по пути к гуронам францисканский миссионер Г.Т. Сагар встретил «народ эписерини (Epicerinys), называемый также колдуны из-за большого количества таковых среди них, и магов, профессия которых состоит в том, чтобы говорить с дьяволом ...» (*Sagard 1976:50*). Уже находясь среди гуронов, Сагар упоминает эписерини, которые «встали лагерем в стране наших гуронов ... они часто приходили в нашу хижину, навестить нас ... они хорошие люди и знают два языка – гуронский и свой, тогда как гуроны не знают никакого языка кроме своего собственного, либо из пренебрежения, либо потому что они менее нуждаются в своих соседях, чем их соседи в них» (*Sagard 1976:71-72*).

Ниписсинги были в первую очередь охотниками и рыболовами, но им, также как алгонкинам реки Оттава было известно земледелие. В первой половине XVII в. ниписсинги являлись важнейшим звеном межплеменной и гурино-французской торговли. Большинство ниписсингов проводили зиму в Гуронии, а летом, выменяв на меха и лосиные шкуры у гуронов маис, вампум, рыболовные сети и т. п., отправлялись в дальние экспедиции на север – к кри залива Джеймс и прочим северным алгонкинским

группам (*Heidenreich and Ray 1976:13*). Показательно, что даже в 1660 г. проводниками Друйета и Даблона были ниписсинги, хорошо знавшие кри залива Джеймс, и, что шли они именно на ярмарку.

Разгромив гуронов в 1649 г., на следующий год ирокезы атаковали их друзей ниписсингов. В результате часть их откочевала к озеру Нипигон, а другие отступили к французам в Труа-Ривьер. Именно эти последние и были проводниками у Друйета и Даблона. В дальнейшем эта часть ниписсингов вместе с перешедшими на сторону французов могавками поселилась в резервации Лак де Дё Монтань (Канестаке, ранее называлась Ока). Ниписсинги, ушедшие на озеро Нипигон, впоследствии вернулись на озеро Ниписсинг. В конце XVIII – начале XIX в., согласно Александру Макензи, район этого озера населяли «остатки многочисленного племени ниписсингов» (*Mackenzie 1807:88*). В дальнейшем население озера Ниписсинг стало классифицироваться как оджибве. В настоящий момент в провинции Онтарио зарегистрирована община Первый Нации Ниписсингов, где проживает 2078 чел. (*Population indienne... 2006:11*).

²² Слово дикарь во франко-канадской традиции не носило негативного оттенка. Оно, будучи синонимом слову индеец, до недавнего времени употреблялось намного чаще последнего. По-видимому, это в значительной степени пошло от первых миссионеров (впрочем, как и остальных выходцев из Европы), для которых все коренные жители Америки, безусловно, были дикарями, души которых необходимо спасти. Индейцы Новой Франции, в особенности принявшие христианство, становились их верными друзьями и союзниками. Миссионеры вполне могли испытывать по отношению к «своим дорогим дикарям» искреннюю любовь и привязанность, но в силу особенностей их образа жизни они оставались для них дикарями. В дальнейшем, когда образ жизни многих индейцев стал мало отличаться от франко-канадского, этноним дикарь продолжал оставаться.

Слово дикарь (*sauvage*) еще в 60-х гг. XX в. широко применялось во франко-канадской научной литературе для обозначения автохтонного населения Америки. Так, статья франко-канадского исследователя Жерара Мальшелосса, посвященная изучению этнического состава индейцев Новой Франции, называется не иначе как «*Peuples sauvages de la Nouvelle France*» - В переводе «Дикие (даже точнее дикарские – *Д.В.*) народы Новой Франции» (*Malchelosse 1963:63*). Начиная, приблизительно, только с 70-х гг. XX в. термин «дикари» перестает употребляться в научных изданиях. На смену ему приходит термин «американцы» (*Amerindiens*). Канадский исследователь Жак Руссо, понимая, как бы там не было, уничижительное значение наименования «дикарь», стремился заменить его на «американцы» еще в 50-е гг. XX в. (*Rousseau 1958a:54*).

²³ Габриэль Друйет – миссионер-иезуит (1610 Кара, диоцез Лимож, Франция – 1681 Квебек).

Прибыл в Канаду в 1643 г. Ему предстояло вместе с отцом Бребёфом отправиться к гуронам, но из-за возросшей ирокезской опасности он остался в Квебеке и начал изучать язык монтанье в миссии Силлери. Уже в 1644 г. индейцы попросили его идти с ними в леса. Затем были зимние кочевания 1647–1648, 1649–1650 и 1664–1665 годов, возможно, были и другие. Вместе с индейцами он побывал к северу от Тадуссака и, возможно, на озере Сен-Жан, на южном берегу реки Св. Лаврентия (в районе Матана и в горах Нотр-Дам). Летом он регулярно посещал миссию Тадуссак.

Помимо этого важный этап миссионерской деятельности Друйета связан с племенем абенаки. В 1646 году он вместе с несколькими монтанье совершил путешествие к абенаки реки Кеннебек. Перед этим ему за три месяца пришлось выучить их язык. Поднявшись по реке Шодьер и перейдя водораздел, они оказались в верховьях Кеннебика. Среди абенаки он пробыл до лета 1647 г. За это время он побывал в Новой Англии, посетив форт

Таканнок (*Maurault 1866:119-127*). Таким образом, он совмещал миссионерство с дипломатическими задачами.

Второе путешествие к абенаки отец Друйет (1650-1651 г.) совершил с Нозлем Негабаматом, знаменитым вождем из миссии Силлери. Сразу же после прибытия к абенаки они спустились в форт Таканнок, а оттуда отправились в Бостон. Друйет пытался договориться с англичанами о заключении договора, чтобы защитить абенаки и алгонкинов от набегов ирокезов. Затем они вернулись на реку Кеннебек, а оттуда в Квебек (*Maurault 1866:130-134*).

Пробыв в Квебеке только пятнадцать дней, Друйет вместе с Негабаматом, еще несколькими индейцами и французским послом Жаном Гереном вновь ушел к абенаки. Они сбились с пути и вышли в верховья реки Сент-Джон. Только через двадцать три или двадцать четыре дня им удалось достичь вершины Кеннебика. Друйерт доставил в Бостон письмо из Квебека, но англичане отказались заключить договор, не желая портить отношения с ирокезами. Весной 1652 г., претерпев в пути много трудностей, они вернулись в Квебек (*Maurault 1866:146-155*).

Далее Друйет инициирует проект создания миссии на западе. В 1656 г. он и Леонард Гарро отправляются к алгонкинам. Но в пути Гарро был смертельно ранен ирокезами, и Друйету пришлось вернуться.

В 1661 г. он вместе с отцом Клодом Даблоном совершает попытку достичь Гудзонова залива. Отчет об этом путешествии публикуется в данном издании.

С 1670 г он находится в Миссии Со-Сент-Мари. В 1680 г. возвращается в Квебек.

²⁴ Клод Даблон – миссионер-иезуит (1618 Дьепп, Франция – 1693 (1697?) Квебек). Прибыл в Канаду в 1655 г. и вместе с отцом Шомоном отправился к ирокезам. Провел зиму среди онондага и весной вернулся в Квебек. После этого Даблон попытался основать французскую колонию в стране ирокезов, но попытка оказалась

неудачной, и в 1658 г. он вместе с пятьюдесятью французами возвращается в Квебек.

В 1661 г. Даблон вместе с отцом Габриелем Друйетом совершает попытку достичь Гудзонова залива. Отчет об этом путешествии публикуется в данном издании.

В дальнейшем Даблон был главным настоятелем миссий в районе оз. Верхнее. Во многом благодаря его участию, состоялись экспедиции отцов Клода Аллуэ и Жака Маркета к индейцам Висконсина. Вместе с Аллуэ он сам участвовал в экспедиции в центральный Висконсин и на реку Фокс. Он рекомендовал кандидатуру Жака Маркета для путешествия вместе с Луи Жойе, целью которого было исследование реки Миссисипи. Самому Даблону принадлежит детальное описание медных залежей на озере Верхнее.

В 1671 г. Даблон был назначен главным настоятелем миссий Канады. С этого момента вплоть до своей смерти он оставался на этом посту и находился в Квебеке. В этот период им было написано множество реляций, повествующих, в том числе, и об обычаях североамериканских индейцев. Именно Клод Даблон (*D'Arс 1954:223*) является непосредственным автором опубликованного в данном издании источника, именуемого «Письмо, написанное преподобному отцу Жерому Лаллеману – главному настоятелю миссий ордена иезуитов в Новой Франции из Некуба, что в ста лье от Тадуссака, в лесах на пути к Морю Севера».

²⁵ См. прим. 34.

²⁶ Жером Лаллеман – миссионер-иезуит (1593 Париж – 1665 Квебек). Прибыл в Канаду в июне 1638 г. и сразу же направился в гуронские миссии в качестве настоятеля. Здесь он проводит регулярные подсчеты численности гуронов, благодаря которым нам известно точное количество потерь от эпидемии оспы, разразившейся в этом же году. В письме от 28 марта 1640 года Лаллеман отметил, что меньше чем за два года число гуронов

уменьшилось с тридцати до десяти тысяч человек (*JR 1959, 17: 222*). Его усилиями среди гуронов была основана миссия Сент-Мари. В 1645 г. он возвращается в Квебек и становится главным настоятелем иезуитских миссий Новой Франции. В 1656 г. уезжает во Францию, но в 1659 г. возвращается в Канаду и до конца жизни остается главным настоятелем миссий. Им написаны многие из ежегодных Реляций иезуитов.

²⁷ Шикутими – возводят к яз. инну от ешко тимиу (иско – досюда и тимиу – глубоко), или «река, текущая вглубь бездны». Данное название обусловлено тем, что это место находится там, где череда порогов заканчивается, и река Сагеной становится глубоким фьордом.

Археологические раскопки показали, что еще задолго до появления европейцев на южном берегу Сагеной неподалеку от устья его притока реки Шикутими в определенные хронологические периоды располагалось крупное стационарное селение, территория которого сейчас полностью поглощена городом Шикутими (*Chapdelain 1984:5*).

В плане условий окружающей среды регион Шикутими существенно отличается от остального пространства бореальной зоны Канадского щита. Представленный здесь комплекс растительности, характеризующийся переходом от клена к желтой березе, является самым теплолюбивым в пределах Лаврентийской возвышенности (*Chapdelain 1984:8*). Фауна также отличалась разнообразием. Помимо наземных таежных животных, здесь были распространены некоторые морские млекопитающие. В частности, сюда поднимался тюлень (*Chapdelain 1984:9*).

Археолог Клод Шапделэн обнаружил на месте селения помимо многочисленного каменного инвентаря множество осколков керамических изделий – горшков, курительных трубок. Изделия по технике изготовления, конфигурации и орнаменту, вне всякого сомнения, относятся к ирокезской традиции (*Chapdelain 1984:26,29*), что свидетельствует о заселении этого района лаврентийскими ирокезами. Анализ показал, что керамические

предметы были сделаны из местной глины, следовательно, они не поступали исключительно торгово-обменным путем.

Базируясь на материалах своих археологических раскопок, К. Шапделэн полагает возможным выделить существование двух периодов проживания здесь людей стационарно – около 1000 г. н. э. и 1450-1580 гг. н. э. (*Chapdelain 1984:97*). На втором этапе четко прослеживается влияние лаврентийских ирокезов. Согласно этому исследователю, можно говорить о ситуации «двойного присутствия» в Шикутими, то есть о проживании здесь совместно алгонкинского таежного населения и лаврентийских ирокезов (*Chapdelain 1984:116*).

В XVII в. стационарное селение в районе Шикутими не зафиксировано и, вероятней всего, не существовало, но охотничьи группы монтанье часто устраивали здесь свои летние стоянки, о чем и свидетельствуют упоминания данного топонима в источниках этой эпохи, в том числе и представленных в данном издании. С проникновением сюда французов Шикутими становится важным торговым постом, куда индейцы приносили меха. Первая изба была построена в 1671 г., а непосредственно торговый пост Шикутими был основан в 1676 г. и просуществовал до 1876 г. (*Lapointe 1985:7, 8*). Здесь также была и миссионерская резиденция. Так, с 1676 по 1702 гг. здесь часто проводил зиму иезуит Франсуа де Крепельель или его помощники (*Lapointe 1985:18*).

В настоящее время Шикутими – крупный город и университетский центр.

²⁸ См. прим. 7.

²⁹ См. прим. 8.

³⁰ Исходя из описанных симптомов, и, тем более, не будучи специалистом в данной области, трудно с достоверностью сказать, что это за болезнь. Так как в тексте эта болезнь отмечена как неизвестная французам, можно предположить, что это не было какое-либо из эпидемических заболеваний, занесенных европейцами (оспа, корь и т.п.). Полагаю, данную болезнь нельзя

соотносить с той, которая поразила индейских спутников Друйета и Даблона в Тадуссаке. Это предположение мотивировано явным различием, заметным даже неспециалисту, в описаниях этих двух заболеваний.

М. Гитар вообще полагает, что в данном случае индейцы, преследуя свои торговые интересы, рассказывали вымышленные истории о каннибализме, чтобы напугать французов и тем самым помешать их продвижению на север (*Guillard 1984:15*). Однако я возьму на себя смелость предположить, что речь идет о фактах эндоканнибализма, причиной которым служили по различным причинам неудачная охота в данном конкретном сезоне и, как результат, голод. Описанные симптомы, на мой взгляд, совпадают с явлением, получившим название в работах по этнопсихологии алгонкинских групп Субарктики «психоз Виитико» (*Wiitiko Psychosis*). (Термин происходит от имени духа-каннибала в алгонкинской мифологии). Американская исследовательница Сеймур Паркер дает такое описание этого явления: «Психоз Виитико – странная форма умственного расстройства, сопряженная с навязчивым каннибализмом, отмечалась многими исследователями в регионе между озером Виннипег и Лабрадором. Заболевание распространено, главным образом, среди индейцев кри и оджибве, живущих в северных лесах Канады. Хотя это умственное расстройство было отмечено для обоих полов, чаще оно присуще мужчинам, которые провели различные периоды в одиночестве в замерзшем лесу на неудачной охоте для пропитания» (*Parker 1960:603*). Возможно, в данном случае, мы сталкиваемся именно с этим заболеванием.

³¹ Иезуиты называли в данном фрагменте текста внутренние районы «землями Сатаны» из-за того, что до момента их появления христианство там было неизвестно. Поэтому, с их точки зрения, там царил Сатана, изгнать которого можно только, обратив местное население в христианскую веру.

³² Река Ашуапмушуан (Шамушуан) (*Ashouapmouchouan, Chamouchouan*) в переводе – Место, где подкарауливают лося

(*D'Ars 1954:230*) – одна из наиболее крупных рек, впадающих в озеро Сен-Жан. Длина реки от истока до устья насчитывает 193 километра. Местами река образует узкую долину с обрывистыми склонами, формирующими рельеф, напоминающий каньон. На реке насчитывается около двенадцати водопадов, наиболее крупный из которых водопад Шодьер (Котел). Во время нереста по Ашуапмушуану на расстояние до восьмидесяти четырех километров от устья поднимается от 70 до 90 % обитающей в оз. Сен-Жан рыбы *уананиши*, которая представляет собой мелкую пресноводную форму атлантического лосося (семги) (*The First Peoples of Quebec... 1973:188*).

До появления европейцев Ашуапмушуан был важной летней коммуникационной артерией области бореального леса Лабрадора, связывавшей группы залива Джеймс, мистассини и группы оз. Сен Жан. После основания постов Немиско и Мистассини в 1679 г. - начале 1680-х гг., а в 1683 г. торгового поста Ашуапмушуан (закрыт в 1851 г.), река становится «дорогой мехоторговли». В 1864 г. на Медвежьей реке близ Ашуапмушуана селятся первые канадские колонисты.

В бассейне Ашуапмушуана обнаружено около ста тридцати археологических памятников.

³³ На первый взгляд может вызвать сомнение достоверность географической долготы, которая определена в триста семь градусов десять минут, тогда как на современных картах долгота в регионе от залива Джеймс до Тадуссака варьирует от семидесяти восьми до семидесяти градусов. Однако здесь нет никакой ошибки. Все заключается в разных принципах отсчета долготы. Сейчас принято делить долготу на западную и восточную, в соответствии земными полушариями. При таком способе исчисления предельная величина долготы может насчитывать сто восемьдесят градусов. Здесь же единая географическая долгота исчисляется от одной исходной точки по всему земному шару с запада на восток. С 1634 г. по 1884 г. отправной точкой, через которую проходит первый меридиан, служил остров Ферро (один из Канарских островов).

Согласно такой системе исчисления, достоверность долготы озера Некуба не вызывает никаких сомнений.

³⁴ Озеро Некуба (Некобо), возможно, переводится как Ивовое озеро. У современных восточных кри зафиксирован гидроним Некупо Шипиш (Nekupau Shipish) – Ручей ивовых верхушек (*La toponymie des Cris 2003:174*), который, впрочем, вероятней всего, не имеет отношения к Некубе Друйета и Даблона, поскольку расположен значительно севернее. Миссионеры определили координаты озера как 49 градусов 20 минут с.ш. и 305 градусов 10 минут з.д., тогда как Некупо Шипиш находится на 51 градус 24 минуты с.ш. и 78 градусов 52 минуты з.д. Он явно впадает в реку Руперт с юга.

Многие современные исследователи локализуют это озеро на территории заповедника Ашуапмушуан (*Projet du parc Albanel-Témiskamie-Otish ... 2006:20*). Не исключено, что озеро, можно отождествить с озером Никабо, отмеченным на современных картах в верховьях реки Ашуапмушуан. Опасность данного предположения состоит в том, что такое название является широко распространенным, и носящих его озер могло быть несколько.

Из текста Друйета и Даблона ясно, что озеро Некубо находится на водоразделе, отделяющем сток залива Св. Лаврентия от стока Гудзонова Залива.

Согласно комментариям, содержащимся в издании Р.Г. Твейта, «Путь наших миссионеров пролегал вверх по реке Шамушуан. Они, возможно, проследовали, таким образом, до устья ее притока, реки Шегобиш, поднимаясь затем по этому руслу до его истока, озера Шегобиш. Коротким волоком они перейдут затем к озеру Ашуапмушуан, в которое река Никобо (Некуба) несет воды из озера Никобо. Это озеро, как утверждает автор, находится на полпути между Тадуссаком и Гудзоновым заливом. Это почти на высшей точке водораздела, почти 1300 футов над уровнем моря» (*JR 1959, 46: 304*).

Это, согласно утверждению Руссо, комментарий Твейта, из тома 56 Реляций иезуитов, где речь идет о путешествии Албанеля

(*Rousseau 1950:576*). Однако в 56-ом томе реляций такого комментария нет, он представлен в 46-ом томе, где повествуется о путешествии Друйета и Даблона.

³⁵ По причине трудности этого отрывка для перевода, я даю здесь его оригинальный текст.

Cette joye est grande, sans doute, mais aussi la grace, & bien plus la nature, demandent ce lenitif, pour ne pas succomber en vn chemin. qui est tout bordé de croix, & remply de toutes sortes de dangers: car sans parler de cette maladie inconnuë, & de cette corruption maligne, don't nous n'auons pû nous defendre au milieu de nos precipices, sans rien dire des écueils, qui nous preparoient autant de naufrages, que nous faisons de pas, sans faire mention de la famine, dont il estoit bien malaisé de nous defendre, estans prés de deux cent ames, don't la plus grande partie n'auoit pas la moitié des prouisions necessaries, en vn païs qui ne fournit point d'autre mets que de la mousse, ou des feüilles; & où nous aurions encore moins trouué, si la Prouidence, qui dresse des tables au milieu des deserts pour les mouchérons, n'eust eü pour nous les mesmes soins qu'elle a eü pour les passereaux.

³⁶ Труа-Ривьер (Три Реки) – город на реке Св. Лаврентия при впадении в нее реки Сен-Морис. Один из наиболее старых канадских городов (второй по старшинству после Квебека), основанный французами в 1634 г. Под дикарями из Труа-Ривьера могут подразумеваться собственно алгонкины, но в данном случае речь идет об аттикамек, живших по реке Сен-Морис и приходивших с пушниной в Труа-Ривьер.

³⁷ В первой главе реляции, повествующей о событиях, произошедших с лета 1660 по лето 1661 гг., повествуется о нападении ирокезского отряда числом в восемьдесят человек на группу из тридцати «дикарей из страны белых рыб» (аттикамек) и двух французов, которые шли во внутренние земли, чтобы торговать. О том, что эта группа двигалась именно на озеро Некуба, здесь не упоминается. Отмечено, что одним из двух

французов был сын монсеньера Годфруа, который особо отличился в сражении. Бой продолжался двое суток. В результате погибло двадцать четыре ирокеза, и только разногласия между двумя вождями алгонкинов привели в итоге их к поражению. Эти сведения доставил в Труа-Ривьер один из пленников, бежавший несколько дней спустя (*JR 1959, 46:208-210*). В ряде других работ содержится дополнительная уточняющая информация, согласно которой «Весной 1661 г. Жак Годфруа де Вьё-Пон с другим французом вышел из Труа-Ривьера в обществе тридцати аттикамек, чтобы идти на озеро Некуба, что примерно в ста лье на север» (*Roy 1904: 11*). Далее все соответствует данным и только в конце говорится, что после сражения остался только один выживший, который был взят в плен, но через несколько дней бежал и достиг Труа-Ривьера 25 июня (*Roy 1904: 12*).

³⁸ В журнале иезуитов за июнь 1661 г. читаем: «... шестого на следующий день после Троицы шестьдесят или семьдесят могавков атаковали [каное] французов, которые были в Тадуссакке и которые зашли в их сети. Из них трое было убито и один ранен, и вечером все те, кто там был, и французы, и дикари в количестве более ста душ повернули сюда и оставили Тадуссак, где враги, вероятно, повернут и все сожгут. Время покажет, особенно, будут ли они преследовать тех, кто поднимается по Сагеню» (*JR 1959, 46: 172-174*). Этот же случай описан Т. Грассманом (*Grassman 1969:219*).

³⁹ Мне не удалось локализовать эту этническую общность даже приблизительно. По-видимому, даже, несмотря на то, что в тексте речь идет о «нации» белок, под ней следует подразумевать не локальную группу, а состоявшее из нескольких семей стойбище охотников, которое было уничтожено военным отрядом.

В одной из недавно опубликованных работ утверждается, что данная «нация белок» была истреблена несомненно у озера Некуба, и именно это событие послужило главной причиной конца путешествия Друйета и Даблона (*Chamberland, Leroux, Audet, Bouillé et Lopez 2004: 138*). Однако сам автор отчета утверждает, что нация белок была уничтожена «справа» от путешественников,

то есть восточнее пролегания их маршрута, и «в нескольких днях пути отсюда».

⁴⁰ Шарль Албанель – (провинция Овернь (Франция) 1616 (или 1613) год - миссия Со-Сент-Мари 11 января 1696 года) – католический миссионер из Ордена иезуитов, путешественник и исследователь, великолепный знаток ряда алгонкинских языков.

Прибыл в Канаду в 1649 году и присоединился к Жану Де Кэну в миссии Тадуссак. Здесь Албанель провел 11 лет, находясь летом в Квебеке и Тадуссаке, а зимой кочуя с монтанье в лесах на северном и южном берегах реки Св. Лаврентия, и занимаясь миссионерской деятельностью. Как свидетельствует журнал иезуитов, в 1660 г. он поднимается в Труа-Ривьер, а затем в Монреаль, чтобы далее идти зимовать с индейцами из нации буйволов (*nation du Voeufs*). В дальнейшем он был кюре и настоятелем в Ка-де-ля-Маделен. В 1666 г. Албанель в качестве капеллана принял участие в экспедиции полка Кариньяна-Сальера против ирокезов. 1668-1669 годы проводит в миссии Силлери. Этой зимой путешествует с кочевыми охотничьими группами, посещает папинаши и оставляет после себя два письма, повествующие об этих путешествиях. Летом 1670 г. совершает миссионерскую поездку к группе умамие, которая населяла прибрежные области в северо-восточном направлении от Тадуссака.

В 1671 г. интендант Талон принимает решение отправить его в экспедицию, главной целью которой являлся поиск пути к Гудзонову заливу сухопутным маршрутом. Повествование об этом путешествии 1671-1672 гг. представлено в настоящем издании. Осенью 1673 г. Албанель отправляется в свое второе путешествие к Гудзонову заливу, имея с собой письмо губернатора Новой Франции Фронтенака, адресованное губернатору Новой Англии Бейли. Отчета об этом путешествии не сохранилось. В августе 1674 Албанель достиг форта Руперт на заливе Джеймс. Англичане, посчитав, что его деятельность наносит ущерб их интересам и привлекает индейских охотников к французским постам,

насильственно отправляют его в Англию. В результате чего он вновь появился в Канаде только летом 1676 г. и вскоре был назначен настоятелем миссии Сен-Франсуа-Ксавье в Со-Сент-Мари, где и провел оставшиеся годы жизни. В 1679 г. его на этом посту сменил иезуит Анри Нувель.

⁴¹ См. прим. 13

⁴² См. прим 7.

⁴³ См. прим. 27

⁴⁴ Воспользовавшись перечнем волоков на пути от Шикутими до озера Сен-Жан, составленным землемером Жозфеом Амелем в 1828 г., этот переход, со значительной долей вероятности, допустимо будет соотнести с волоком Шикутими (Shecoutimish Caputagan) протяженностью в две мили (*Tremblay 1968:94*).

⁴⁵ Вероятней всего, речь идет о лодке, которую предоставил путешественникам дядя «капитана» Тадуссака, лично сопровождал их до Шикутими. Только потом они пересели в каноэ. Думается, факт применения индейцами европейских лодок является свидетельством трансформаций, происходивших в их экологической культуре. По-видимому, группы, жившие в непосредственной близости от реки Св. Лаврентия и связанные с широким открытым водным пространством, во второй половине XVII в. стали отказываться от традиционных берестяных каноэ в пользу европейских лодок, то есть переходить к более совершенным способам адаптации. Легкие каноэ из коры намного лучше, чем громоздкие лодки, приспособлены к условиям мелководья и небольших порожистых рек с быстрым течением, но они уступают им на обширных открытых водных пространствах, где случаются всевозможные бури и штормы. В связи с этим представляется несколько странным использование берестяных каноэ индейцами Тадуссака при охоте на тюленя и перевозке

бочонков с жиром этого животного в XVIII в., что зафиксировано источниками этого периода (*JR*, 69: 94-96).

⁴⁶ См. прим. 8.

⁴⁷ Силлери – миссия Сен-Жозеф де Силлери являлась одной из наиболее крупных и значительных миссий Новой Франции. Важное отличие этой миссии от других миссий у северных алгонкинов состоит в ее перманентном функционировании. Это была единственная стационарная миссия, где таежные охотники, ведшие прежде кочевую жизнь, перешли на почти полностью оседлый образ жизни. Иезуиты стремились сделать монтанье оседлыми, привив им навыки ведения земледельческого хозяйства. Постоянные перемещения индейцев по тайге сильно затрудняли их обращение в христианство. Сразу следует отметить, что иезуитам так и не удалось перевести монтанье на оседлость. Миссия Силлери является исключением. В отличие от остальных алгонкинских групп, насельники Силлери действительно стали христианами, а не просто получили формальное крещение. Это обстоятельство, впрочем, не помешало им принимать активное участие во всех войнах французов с ирокезами. Быстрое распространение католицизма среди других аборигенных сообществ и укрепление их союза с французами во многом обязано именно индейцам из Силлери. В то же время, абсолютного перехода на оседлость не произошло и в этом случае. Доказательством тому служит хотя бы упомянутое в отчете стойбище индейцев из Силлери, обнаруженное Албанелем на озере Кеногами. Значит, в какой-то степени они все-таки продолжали вести подвижный охотничий образ жизни.

Миссия была основана в 1637 г. в четырех километрах выше Квебека, на месте летней рыболовной стоянки монтанье, которую они называли Камискуа-Уангашит (*Kamiskoua-Ouangachit*) (*Scott 1902:70*). Свое название она получила в честь Ноэля Брюлара де Силлери – командора Мальтийского ордена. Именно благодаря его стараниям и содействию эта миссия была основана. Миссионерами в Силлери стали Поль Ле Жен и Жан Де Кэн. Вскоре там оседают несколько семей монтанье во главе с вождями Негабаматом и

Ненаскуаматом, которых миссионерам удалось в действительности сделать христианами. Постепенно миссия пополняется остающимися на постоянное жительство представителями различных автохтонных этнических общностей, но преобладают в ней монтанье и алгонкины. В поселении были построены дома европейского типа, а само оно обнесено палисадом.

В 1639 в миссии были крещены знаменитый вождь Этинешкават и не мене знаменитый шаман Пигаруиш, в этом же году разразилась эпидемия оспы, унесшая жизни многих неофитов, в том числе вождя Ненаскумата. Индейцы вернулись туда только в 1640 г. В этом же году при помощи иезуитов состоялись выборы вождей селения (*JR 1959, 18: 100*).

В дальнейшем индейцы из Силлери оказывают значительную помощь французам, участвуя в многочисленных военных столкновениях с ирокезами. Так, в 1644 году они явились инициаторами военного похода, чтобы отомстить за пленение иезуита Брессани (*Scott 1902:178-179*), весной 1663 года в районе оз. Шамплейн они победили могавков (*JR 1959, 48: 98-104*). Вожди и лидеры миссии активно участвуют в общественно-политической жизни Новой Франции. См. подробнее (*Scott 1902*). После эпидемии оспы в 1670 г. миссия Силлери приходит в упадок (*Scott 1902: 492*).

⁴⁸ См. прим. 9.

⁴⁹ По всей вероятности, речь идет об американской болотной лягушке (*Rana palustris*). Основной ареал ее распространения лежит южнее, но в некоторых районах юга Квебека она также встречается. Предпочитает небольшие озера и ручьи со стабильной температурой. Период превращения из головастика в лягушку приходится на август – начало сентября. Этим и объясняется услышанное Албанелем непрерывное кваканье и наличие у многих особей еще не атрофировавшегося хвоста. Американская болотная лягушка в прямом смысле не ядовита, но обладает защитным механизмом в виде токсичной кожной секреции, который предохраняет ее от хищников. Звуки, издаваемые этой лягушкой,

напоминают рев. Именно поэтому Албанель, характеризуя их, употребил слово *le stoacement* – карканье.

⁵⁰ См. прим. 5.

⁵¹ Занесенные европейцами эпидемические заболевания, в особенности оспа, нанесли без преувеличения катастрофический урон автохтонному населению Северной Америки в эпоху первых контактов. Американский исследователь Г. Добинс, предложил методику определения первоначальной численности аборигенных групп при помощи универсального коэффициента депопуляции в результате занесённых европейцами эпидемических заболеваний. Если известна минимальная постэпидемическая численность группы (популяционный надир), то, зная коэффициент депопуляции, можно определить её доэпидемическую численность. Согласно Г. Добинсу, этот коэффициент составляет 20:1 или 80% потерь от исходной численности (*Dobyns 1966:414*).

Безусловно, наиболее ощутимые потери понесли оседлые земледельческие группы на территориях с высокой плотностью населения. Но и таежные охотники, как свидетельствуют иезуиты, не избежали негативных последствий эпидемий, несмотря на низкую плотность населения, небольшую численность и дисперсное расселение на обширных территориях.

⁵² Именно на основе такого рода свидетельств ряд канадских историков базирует свои гипотезы об исчезновении монтанье и приходе на их место других групп. Авторы этих гипотез не учитывают, что «люди из чужих наций» – это не просто представители других алгонкинских этнических общностей из соседних регионов. В их число вполне могли входить те же самые монтанье-какушак – то есть население этого же самого региона, которые в своих передвижениях по тайге не встретили ирокезского военного отряда, или представители соседних групп, ничем от «исчезнувших» по культуре не отличавшихся, которые к тому же вполне могли быть их родственниками. Под наименованием

«нациям» здесь зачастую могли скрываться отдельные охотничьи группы. Таким образом, этнокультурная преемственность после опустошительных набегов ирокезов не прерывалась.

⁵³ Аттикамек (белая рыба – это не дословный перевод, а название одной из разновидностей сига (*Coregonus clupeaformis*) см. прим. 12) – алгонкинская группа, населявшая и населяющая бассейн реки Сен-Морис – левого притока реки Св. Лаврентия, западные соседи инну (монтанье) озера Сен-Жан. Сами себя они называли *Tsekammek iriniwak* (*Clermont 1977:17*).

подавляющее большинство исследователей рассматривает аттикамек как самостоятельную этническую общность, иногда их причисляют к кри.

Этноним «аттикамек», начиная с 1630-х годов, часто упоминается как отдельная «нация» в реляциях иезуитов (*JR 1959, 16: 72, 24: 160*). Однако на рубеже 1670–1680 годов упоминания об аттикамек исчезают. Вместо них в источниках появляются названия *жан-де-терр* (*Gens des terres*) – дословно «люди земли», или *жан-де-ля-мэр дю норд* (*Gens de la Mer du Nord*) – «люди Моря Севера» (*JR 1959, 55: 98*). Начиная с XVIII в., в письменных французских источниках население верховьев реки Сен-Морис и близлежащих областей именуется *тет-де-буль* (круглоголовые). Уже Ж.-Ф. Лафито называет их именно так (*Lafiteau 1983:172-173*). Этот этноним продержался до начала 70-х гг. XX в.

Многие исследователи в частности Г.Е. Мак Нолти и Л. Гибберт, выделяют в этноистории аттикамек следующие периоды: 1) период аттикамек до 1680 г., 2) период тет-де-буль 1680–1820, 1821–1913, 1914–1972 гг., 3) новый период аттикамек с 1972 г. (*McNulty and Gibbert 1981:209,211,213*).

Этноним «аттикамек» был возрожден усилиями традиционалистски настроенных активистов национальных движений в 1972 г.

В настоящий момент аттикамек проживают в общинах Мануан, Обедживан и Веймонташи в верховьях реки Сен-Морис.

⁵⁴ Мистассини (Mistassirinis, Mistasiriniens, Mistassiniouek) – группа алгонкинов Лабрадора, занимающая территории, прилегающие к озеру Мистассини, от которого, по всей вероятности, этническая общность и получила свое название. Озеро, в свою очередь, обязано своим наименованием большому эрратическому валуну (*миста* – большой, *ассини* – камень), расположенному на берегу острова в бухте Дюамель дю-Монсо, и занимающему существенное место в мифологии и верованиях мистассини (*Rousseau 1950:584-585*).

По культуре – таежные охотники, но ввиду обширного ареала расселения отдельные их подразделения имели некоторые различия в системе жизнеобеспечения. К северу от озера в лесотундре преобладала коллективная сезонная охота на мигрирующих карибу, а южнее индивидуальная охота на лося и более мелких таежных зверей (*Speck 1931:592*).

Занимая внутренние территории, удаленные от р. Св. Лаврентия, в XVII в. мистассини находились на периферии французского влияния и почти не имели прямых контактов с европейцами. До первого путешествия Албанеля в источниках встречаются лишь отрывочные упоминания о них (*JR 1959, 24: 154; JR 1959, 50: 36*). Существует мнение, что Албанель был первым европейцем, который их посетил (*Speck 1931:592*). Я не стал бы исключать возможность более ранних незафиксированных проникновений, но первая документально зафиксированная встреча и краткое описание этой группы содержатся именно в труде Албанеля. В XVIII в. контакты мистассини с европейцами становятся более частыми. Миссионер Пьер Лор оставил после себя первое относительно подробное их описание (*JR 1959, 68: 42-52*). Он причислял мистассини к монтанье (*JR 1959, 68: 48*).

Только с начала XIX в., когда трапперство прочно укоренилось в их жизнеобеспечении, начались существенные изменения в культуре. Торговый пост на озере, где они концентрировались после зимнего охотничьего сезона, становится фактором, формирующим их социо-политическое единство (*Rogers and Leacock 1981: 181*).

Ситуация с мистассини значительно более ясна, чем, например, в случае с какушак. По утверждению Ф.Г. Спека, преемственность мистассини времен иезуитов и мистассини современных очевидна (*Speck 1931:560*).

Мистассини представляют собой крупную этническую общность, превосходящую по масштабам обычную локальную группу инну или кри, хотя их часто считают локальной группой монтанье. Большинство исследователей рассматривают их как особую группу восточных кри, географически тяготеющую к восточной, удаленной от побережья части региона залива Джеймс (*Tanner 1979:10*). Другое также весьма распространенное направление в литературе причисляет их к монтанье (*Speck 1931:592*). Более того, на страницах одной и той же работы они могут быть отнесены одновременно и к кри, и к монтанье (*Rogers and Leacock 1981:180,186*). Кроме того, их часто выделяют как самостоятельную этническую общность (*Madeline et Jacques Rousseau 1952:118*). Сами современные мистассини, обладая групповым самосознанием, то есть, осознавая себя как мистассини, одновременно причисляют себя к кри.

В настоящий момент существует община Нации Кри-Мистиссини, где зарегистрировано 3814 человек (*Population indienne... 2006:6*).

⁵⁵ Папинаши (Papinachois, Papinacheois, Oupapinachiouek) – локальная группа монтанье, которая очень часто упоминается в источниках XVII в. и продолжает фигурировать в них в XVIII веке. Миссионер начала XVIII в. Пьер Лор считал, что это название происходит от выражений *ни-папинаш* – я чуть-чуть смеюсь и *пупапинашуе* – я немного люблю смеяться (*JR 1959, 68: 98*). Однако Ф.Г. Спек двумя столетиями позже отметил, что эта версия была отвергнута его информантами, и предложил свою. Согласно Спеку, *раби'на'сиуе* – тот, кто бродит с места на место (*Speck 1931:558*).

Ситуация с локализацией этой группы представляется мне не совсем ясной. Пьер Лор локализовал их от реки Бетсиамит до Лабрадора (вероятно, до реки Муази – *Д.В.*) в глубине гор (*JR 1959,*

68: 98). На побережье реки Св. Лаврентия они обычно выходили к посту Иле-Жереми (*JR 1959, 68: 26*). На составленной Спеком на основе ранних источников карте примерного расселения групп монтанье-наскапи в XVII-XVIII вв., они локализованы приблизительно в верхнем течении рек Бетсиамит и Маникуаган, тогда как группы бетсиамит и умамиуек тяготеют ближе к побережью. (*Speck 1931:560*). Исходя из этого, можно заключить, что папинаши населяли внутренние районы, удаленные от магистральных путей европейской колонизации и теоретически должны бы были меньше контактировать с французами, чем те же бетсиамит и умамиуек. Однако данные более ранних источников, датируемых серединой – второй половиной XVII в., на мой взгляд, свидетельствуют об обратном. В Реляциях иезуитов папинаши и их отношения с французами фиксируются значительно чаще, чем, например, в случае с умамиуек. Так, «Журнал путешествия одного отца из ордена Иезуитов в страны папинаши и ошестигуеч», представляющий собой отчет миссионера Анри Нувеля о путешествии вверх по реке Маникуаган в 1664 г. и не вошедший в данное издание, свидетельствует, что спутниками и проводниками миссионера были именно несколько семей папинаши. Поднявшись по реке, то есть, удаляясь от центра французской колонизации, они прибыли в стойбище ошестигуеч, где также были и умамиуек (*JR 1959, 49: 38-72*). Получается, что папинаши больше, чем другие группы, тяготели к реке Св. Лаврентия, а следовательно к французам? В связи с этим представляется важным мнение канадской исследовательницы Жозе Мэло, которая определяет папинаши как инну рек Бетсиамит, Утард и Маникуаган, а умамиуэ как инну реки Сент-Маргерит. Более того, она высказывает очень интересное и неожиданное для меня утверждение, что во второй половине XVII в. «Деятельность иезуитов миссии Тадуссак осуществлялась во внутренних областях территории «Торговли Тадуссака» (*la Traite de Tadoussac*), восточная граница которой располагалась за рекой Муази. Их деятельность не распространялась на устье этой реки» (*Mailhot 2004:23*). Значит внутренние таежные районы в верховьях рек к северо-востоку от оз.

Сен-Жан были известны иезуитам лучше, чем побережье к северо-востоку от Тадуссака? Миссионеры, действительно, стали осваивать внутренние территории через Сагеней и оз. Сен-Жан, несколько раньше, чем побережье в районе Сет-Иля, и некоторые из них иногда проводили зиму, кочуя в этих местах с охотничьими группами. Однако, в силу эпизодичности данной практики, этот факт, на мой взгляд, не доказывает, что они, в определенных районах, лучше знали тайгу, чем слабо исследованное, но объективно значительно более доступное побережье. Думаю, вопрос о локализации папинаши окончательно еще не решен.

⁵⁶ Албанель имеет в виду то, что семь-восемь лет назад регулярные и интенсивные набеги ирокезских военных отрядов были вполне обыденным явлением в этой местности. В результате, жившее здесь алгонкинское население понесло существенные потери и откочевало в более отдаленные регионы.

⁵⁷ Под «прежними интригами» можно предположить отрицательное прежде отношение этого человека к распространению христианства. Нельзя также исключить, что он сначала пытался предотвратить продвижение французов к Гудзонову заливу.

⁵⁸ Данный этноним не попадался мне ни в других ранних источниках, ни в литературе. С точностью соотнести его с какой-либо группой в данном случае не представляется возможным. В указателе к «Реляциям иезуитов» «нация Матауириу» отмечена как «вероятно, алгонкинская» (*JR 1959, 73: 138*). Принадлежность ее к алгонкинской группе языков не вызывает ни малейшего сомнения, но затруднительно определить региональную принадлежность в пределах юга, востока и запада Лабрадора. С небольшой долей вероятности можно предположить, что она имела отношение к мистассини.

⁵⁹ Здесь, возможно, в текст вкралась ошибка, связанная с датами прихода. Сначала Албанель пишет, что пришел с французами на стоянку Ускана 28 апреля, а затем упоминает, что его люди прибыли туда 22 апреля. Можно предполагать, что индейцы-проводники отправились туда раньше – 22-го, а трое французов прибыли позже – 28-го. Однако то, что они шли без проводников, вызывает определенные сомнения.

⁶⁰ Речь идет о практике сороральной полигинии – форме брака, иногда встречавшейся среди групп Субарктики. Она состояла в том, что мужчина брал в жены двух женщин, являвшихся сестрами (в данном случае тетей и племянницей), или, что практиковалось значительно чаще, мужчина женился на сестре своей жены, если ее муж умирал, и семья оставалась без средств к существованию. Последнее явление допустимо рассматривать как механизм социальной взаимопомощи.

⁶¹ Речь идет об Ускане, «капитане нации матауириу».

⁶² Мискутенагасит (Мискутенагашит) – По поводу идентификации этой реки существуют две точки зрения. Согласно одной, это река Истмейн (*Edmonds 1974:13*), протекающая северней реки Немиско (Руперт), по которой пролегал путь Албанеля. Наряду с этим, в работе по топонимии кри упомянута река Мискутенагашит (*Miskoutenagachit*). Данное название переведено здесь как «Река, изобилующая рыбой», но стоит под знаком вопроса. Местоположение этой реки определено как 51 гр. 31 мин. с.ш. и 76 гр. 24 мин. з.д.; официально название – река Немиско (*La toponymie des Cris 2003:161*). По всей вероятности, здесь имеется в виду река Руперт, поскольку река Истмейн протекает севернее пятьдесят второй параллели. На реке Руперт расположено озеро Немиско, а сама она прежде носила такое название, о чем и свидетельствует Албанель. При этом топоним Немиско переводится с языка кри тоже как «Место, изобилующее рыбой».

Итак, это либо Истмейн, либо Руперт. Попытаюсь решить этот вопрос, исходя из описания, данного самим Албанелем. Он упоминает, что Мискутенагасит расположен в двадцати лье на Гудзоновом заливе (*С.? данного издания*). Вероятно, эти двадцать лье следовало проделать непосредственно по заливу. Примерно на таком расстоянии и расположено устье реки Истмейн от устья реки Руперт. Затем, 28-го июня путешественники вышли непосредственно в залив, а 29-го июня каноэ с индейцами-проводниками отправилось в Мискутенагасит, где, вероятно, находились местные индейцы. 1-го июля туда прибыл сам Албанель, где его ожидали собравшиеся индейцы (*С.? данного издания*).

Из изложенного следует, что из устья реки Немиско (Руперт) путешественники продвинулись к устью другой реки (Мискутенагасит). Таким образом, река Мискутенагасит не может быть рекой Руперт. Это, явно, река Истмейн.

⁶³ Согласно Ж. Руссо, локализация этого топонима представляет собой проблему. На картах Лора, Нормандэна, Д'Анвиля отмечена река Нутокуаган – небольшой ручей в устье Ашуапмушуана, причем на разных картах его местоположение и орфография названия несколько варьируют. Руссо полагал, что отождествлять этот ручей с топонимом в тексте Албанеля будет неправомерно, а других сходных названий в регионе не зафиксировано (*Rousseau 1950:581*).

⁶⁴ Руссо полагает и в специально посвященной этому вопросу работе (*Rousseau 1950*) убедительно доказывает, что это река Мистассини.

⁶⁵ Локализовать топоним Паслистанско позволяет упоминание в тексте Албанеля о том, что это место расположено на водоразделе.

Р.Г. Твейт дает относительно Паслистанско следующий комментарий: «Согласно карте Д'Анвиля от 1755 года на

водоразделе между реками бассейнов залива Джеймс и озера Сен-Жан расположен легендарный «Пачитаско или водораздел». Карта Сенекса 1710 г., по всей видимости, следует описанию Албанеля. Вероятно, на ней название Палистако отнесено к определенной местности к северу от озера Никобо. Эта карта, следовательно, более точная, согласующаяся не только с Албанелем но и с результатами недавних исследований. См. карту 1896 г. Геологической службы Канады» (*JR 1959, 56: 302*). Таким образом, Твейт определяет местоположение Паслистаско у истока река Ашуапмушуан.

Однако Ж. Руссо опровергает это утверждение. Как уже отмечалось, Руссо удалось убедительно показать, что путь Албанеля пролегал не по Ашуапмушуану, а по реке Мистассини. Этот автор соотносит Паслистаско с волоком Монт-а-пэн, проходящим по водоразделу между рекой Мистассини и вершиной реки Нестоуканоу. Последняя, по его словам, протекая некоторое расстояние с юга на север, резко делает изгиб на юг неподалеку от озера Албанель. На диалекте монтанье озера Сен-Жан этот волок носит название Пасчестаган – «Там, где переходят по волоку» и Пастаскоу на мистассини. Руссо полагал, что с учетом ошибок переписчиков текстов и разницы между языком монтанье и мистассини XVII в. и их современным языком, топоним Паслистаско почти идентичен этим названиям (*Rousseau 1950:579-580*).

Точку зрения Руссо разделяют Д. Дентон и Ж.-И. Пинталь. Эти исследователи согласны с версией пути Албанеля по реке Мистассини, но уточняют, что затем он проследовал по реке Метавешиш (*Metaweshish*) до реки Темисками, а по ней спустился в озеро Албанель (*Denton et Pintal 2002:31*). Таким образом, волок Паслистаско, возможно, расположен на водоразделе между реками Мистассини и Метавешиш.

⁶⁶ Арпан – старая французская земельная мера (20-50 акров), также канадский арпан – мера длины (58,47 м.) и площади (34,2 акра). Судя по содержанию, здесь речь идет о мере длины.

⁶⁷ Немискосипиу (Река, богатая рыбой) – Река Руперт, вытекающая из озера Мистассини и впадающая в залив Джеймс. Образуется множество озер, наиболее крупное из которых Немиско.

⁶⁸ В английском переводе (he wished to make us purchase our passage) - он захотел, чтобы мы заплатили (он хотел заставить нас заплатить за проход). Думается, этот перевод ошибочен. По контексту более подходит вариант отказа взять плату за проход. Албанель часто упоминал о нежелании индейцев разрешить им пройти по своей территории. Здесь явно такой случай. Сначала главный из послов мистассини не захотел пропустить путешественников и отказался от предложенной за это платы. Как будет сказано далее, он должен был посоветоваться со старейшинами.

⁶⁹ Вероятно, имеются в виду бисер и бусы европейского производства, но также нельзя исключать, что речь идет о вампуме из раковин.

⁷⁰ В данном случае, ни о каком прямом завоевании этих территорий силой оружия речь не идет. Успехи французов в этот период в войне с ирокезами, основные события которой разворачивались несколько южнее – в бассейне реки Св. Лаврентия, и, как следствие, заключение с ними на некоторое время мира привели к прекращению военных походов последних в эти северные таежные области. Сказав эти слова, Албанель имел в виду именно то, что местным индейцам теперь нечего бояться, и «спасители-французы» должны получить право беспрепятственно перемещаться по их землям, не встречая с их стороны никакого тому препятствования.

⁷¹ Ононсио, Ононцио (Onontio) – Большая Гора. Имя, данное гурунами в конце 1630-х гг. губернатору Новой Франции Юго де Монмани. По мнению Ю.Г. Акимова, это буквальный перевод с

французского языка фамилии губернатора (Montmagny) (*Акимов 2006:418*). В дальнейшем индейцы (не только гуроны, но и, как свидетельствует Албанель, представители различных алгонкинских групп) стали так именовать всех губернаторов Новой Франции.

Ю.Г. Акимов также полагает, что понятие Ононсио являлось для индейцев основой союза их с французами и своего рода собирательным определением высшей власти, титул, переходящий от одного. С 60-х гг. XVII в. этот союз стал метафорически выражаться в следующей схеме, характерной для индейской риторики – Ононсио (отец) и индейцы (дети). Как полагали индейцы, отец должен всячески заботиться о своих детях, в частности, преподносить им дары. Образ Ононсио также наделялся сверхъестественными чертами (*Акимов 2006:418-420*).

⁷² Здесь Албанель в дипломатических целях применяет метафорические приемы индейского ораторского искусства. Деревья и скалы, перегораживающие реки, символизируют ирокезскую опасность.

⁷³ См прим. 10.

⁷⁴ Ж. Руссо, основываясь на сообщениях своих информантов мистассини и монтанье озера Сен-Жан, определил этот топоним как большой волок, расположенный между озером Албанель и озером Мистассини (*Rousseau 1950:580*).

⁷⁵ Мистассини (Большая Скала) – самое крупное естественное озеро в провинции Квебек. Площадь – 2335 км.² Высота над уровнем моря – 372 м., длина до 161 км., ширина до 19 км., глубина до 180 м. Озеро расположено в 360 км. на восток от залива Джеймс и в 220 км. на северо-запад от озера Сен-Жан. Связано с заливом Джеймс рекой Руперт. Цепь узких скалистых островов разделяет озеро на две части. Окрестности озера покрыты таежной растительностью. Наиболее часто встречающиеся виды деревьев –

черная ель, белая ель, лиственница, бальзамическая пихта, серая сосна или сосна Банкса, белая или бумажная береза. В озере обитают сиг, щука, озерная форель, налим и много других видов рыб.

Своим названием озеро обязано большому эрратическому валуну (*миста* – большой, *ассини* – камень), расположенному на берегу острова в бухте Дюамель дю-Монсо, и занимающему существенное место в мифологии и верованиях мистассини (*Rousseau 1950:584-585*).

Первый торговый пост был основан в 1679 г. Луи Жойе.

⁷⁶ Данное поверье связано с широко распространенными у охотничьих народов представлениями о том, что для достижения удачи в чем-либо (в особенности на промысле) или избежания какой-либо опасности не следует очень сильно этой удачи желать и проявлять какое-либо нетерпение. Опасность путешествия по открытой воде на большом озере, где могут подняться волны, способные легко перевернуть каноэ, вполне понятна. Исходя из этих представлений, чтобы удачно пересечь озеро, не следует пристально смотреть в сторону пункта прибытия и вообще говорить об этом. В противном случае удачи не будет, а неправильное поведение может рассердить духов озера и других связанных с ним природных объектов и чревато опасностью и гибелью. Мадлен и Жак Руссо отметили, что перед переправой через озеро индейцы мистассини, в обрядовых целях курят возле *Миста Ассини* – большого валуна, от которого озеро получило свое название, и бросают в воду табак. Все это делается для того, чтобы это предприятие прошло удачно. (*Madeline et Jacques Rousseau 1952:120*). Миссионер-иезуит Пьер Лор в 20-е гг. XVIII в. писал о почитании мистассини этого камня и о приношении ему даров в виде табака, галет, костей бобра или рыб, которые клались на его поверхность. Индейцы верили, что в этом камне живет «Чигигучеу (Tchigig8tché8) – Бог хорошей и плохой погоды» (*JR 1959, 68: 42*).

⁷⁷ Согласно Ж. Руссо, точно локализовать этот топоним не позволяет недостаток данных, так как на многих реках существует множество нерестилищ, куда медведи приходят ловить рыбу. Не вызывает сомнения только факт его нахождения на реке Рупрет (*Rousseau 1950:585*).

⁷⁸ Руссо отметил, что данный топоним идентифицировать очень сложно. Его информантам с реки Руперт он оказался неизвестен, по меньшей мере, в такой форме, какая представлена у Албанеля. (*Rousseau 1950:585*).

⁷⁹ Немиско – на языке кри «Озеро, изобилующее рыбой» (*La toponymie des Cris 2003:174-175*) – проточное озеро в среднем течении реки Руперт, соединяющей озеро Мистассини с заливом Джеймс. Как и большинство крупных озер, Немиско являлось местом летнего сбора нескольких алгонкинских групп западного Лабрадора. Сюда приходили как мистассини, так ряд групп кри залива Джеймс.

Описание Албанеля является первым документированным описанием этого озера.

С момента прихода европейцев до начала XX века на озере периодически основывались и закрывались торговые посты, причиной чему послужило удобное географическое положение и богатство ресурсов. Первый французский торговый пост был основан в 1685 году. С 1695 по 1700 здесь действует пост Северо-Западной Торговой компании, в 1794-1799 и 1802-1809 годы пост Компании Гудзонова залива. Затем вновь пост Северо-Западной компании в 1804-1806 гг. В начале XIX в. из-за конкуренции между компаниями Гудзонова залива и Северо-Западной, КГЗ стала основывать свои посты в более труднодоступных районах центра Лабрадора. Вновь пост на оз. Немиско функционировал с 1905 по 1970 гг.

Вокруг фактории постепенно формируется селение кри группы, получившей название немиско, которая ведет свое происхождение из Руперт-Хауза (Васкаганиша). В 1970 г. селение

Немаска было перенесено на озеро Шампьон, расположенное к северу от озера Немиско. Однако охотники и рыбаки до сих пор часто посещают бывший пост Старая Немаска.

⁸⁰ Это свидетельство Шарля Албанеля представляется крайне интересным и важным. Оно позволяет поставить ряд вопросов. Важность его заключается в том, что это очень редкое (если не единственное) документированное свидетельство проникновения ирокезов так глубоко в тайгу и ведения ими там активных военных действий.

Вопросы следующие: 1) Что заставляло военные отряды ирокезов заходить так далеко на север во внутренние таежные регионы?; 2) Кто являлся истинным строителем этого укрепления – ирокезы или местное алгонкинское население?

Проблема ирокезских военных походов далеко в лабрадорскую тайгу, и степень и характер их воздействия на алгонкинские охотничьи группы, в частности на мистассини, нашла свое отражение в одной из статей Жака Руссо (*Rousseau 1948*).

Причину столь дальних и опасных походов Руссо видит в попытках ирокезов перекрыть торговые пути, по которым в Новую Францию поступала пушнина, и тем самым ослабить французов. Это было возможно сделать только, нейтрализовав алгонкинских охотников северных лесов, которые через сеть многочисленных озер, рек и волоков обычно находили возможность миновать ирокезскую блокаду. Поэтому, начиная с 1660 г., военные отряды ирокезов стали совершать рейды в район озера Мистассини и залива Джеймс (*Rousseau 1948:13-14*). Трудно сказать, были ли настолько проницательными ирокезские сахемы и вожди, чтобы понять взаимосвязь между идущими по реке Св. Лаврентия флотилиями каноэ, наполненных мехами, и укреплением мощи Новой Франции в регионе. Не исключено, что они это осознавали. Однако это не могло быть единственной причиной походов их воинов на Лабрадор, и, вероятно, не было главной. Дело здесь скорее в самой конфедерации ирокезов, являвшейся крайне милитаризованным образованием и путем непрерывных войн

укреплявшей свое положение и мощь. В этом обществе невозможно было не быть воином. Может быть, им было попросту интересно пойти разведать новые места, повоевать там, где раньше не воевали.

Руссо, безусловно, не мог обойти своим вниманием упоминание Албанелем форта на озере Немиско. Он справедливо замечает, что миссионеры, писавшие о многочисленных случаях столкновений монтанье и ирокезов, часто узнавали о них через цепь многочисленных посредников (*Rousseau 1948:26*), однако здесь несколько иной случай. Если о нападении ирокезов Албанель узнал со слов индейцев, то материальное свидетельство этого нападения ему довелось видеть самому, и мы узнаем о нем почти из первых рук. Руссо упоминает реляцию Франсуа Ле Мерсье, в которой говорится об отряде из тридцати ирокезов, отправившемся в 1665 г. в страну мистассини. В то же время он не исключает возможность строительства этого форта Гийомом Кутюром – спутником Друйета и Даблона в экспедиции 1661 г., французским путешественником, достигшем оз. Немиско в 1663 г. Упоминания об этом сохранились в квебекских архивах. Сведений о строительстве форта Кутюром на Немиско нет, но Руссо считает вполне вероятным, что он возвел там небольшой деревянный редут, когда задержался для торговли с индейцами. Сам Руссо характеризует это как «чистое предположение, но, несмотря ни на что, правдоподобное» (*Rousseau 1948:17-18*).

Н.-Э. Дион, ссылаясь на Албанеля, утверждал, что ирокезы «поселились на Немиско, и даже соорудили форт» (*Dionne 1891:188*). Ирокезы, конечно же, не селились там. Территории к северу от реки Св. Лаврентия они контролировали посредством регулярных военных походов (*Воробьев 2002:173-174*). Строительство фортов на вражеской территории, использовавшихся, главным образом, в случаях обороны, для защиты отряда во время ночлега и в момент отступления, а также и для нападения, было для ирокезских воинов обычным явлением (*Jaques Cartier et "la grosse maladie 1953 : 58; Oeuvres de Champlain 1870, 3: 193-194; Grassman 1969 : 175-176; Keener 1999 : 785-786*).

В силу своих культурных особенностей, в частности, проживанию в укрепленных селениях, они были хорошо знакомы с фортификацией. Но возведение временных военных палисадов имело смысл только при условии достаточно высокой плотности населения на вражеской территории и способности многочисленного врага дать ирокезам массивный отпор. Здесь же немногочисленные охотники, к тому же дисперсно рассредоточенные небольшими группами, вряд ли могли оказать серьезное сопротивление.

На мой взгляд, нельзя исключать возведения палисада местными алгонкинами, что противоречит утверждению Албанеля. В качестве подтверждающего это предположения фактора, отмечу существование у различных алгонкинских групп Лабрадора практики применения простейших фортификационных сооружений для защиты от военных отрядов ирокезов. Я затрудняюсь объяснить причины возникновения этой практики. Думается, было бы целесообразнее еще больше рассредоточиться по лесу, использовать преимущества знания местности и приспособленности к условиям тайги, однако упоминания о палисадах из кольев, возведенных монтанье, часто можно встретить в источниках (*Воробьев 2006:468-473*).

Это предположение, безусловно, спорное и не подкрепленное убедительными доказательствами, но, тем не менее, думаю, такое же правдоподобное, как и предположение Руссо о строительстве этого форта Гийомом Кутюром. Не опровергая слова Албанеля, кстати, прекрасно владевшего языком монтанье и, наверняка, хорошо понявшего слова индейцев, и не отрицая возможность ирокезского происхождения палисада, я лишь указываю также на возможность его возведения алгонкинскими группами озера Немиско с целью защиты от ирокезов. Поэтому я привожу здесь оригинальный текст Албанеля, повествующий об ирокезском отряде на Немиско, предоставляя возможность читателю судить самому: «Cinq grandes rivieres se déchargent dans ce lac, qui font que le poisson y est si abondant qu'il faisoit autrefois la principal nourriture d'une grande nation sauvage qui l'habitoit, il n'y a que huit ou dix ans.

On y voit encore les tristes mounumens du lieu de leur demeure, & les vestiges sur un islets de roches, d'un grand fort fait de gros arbres, par l'Iroquois, d'où il gardoit toutes les avenues, & où il fait souvent des meurtres; il y a sept ans qu'il y tua ou emmena en captivité, quatre-vingt personnes, ce qui fut cause que ce lieu fut entierement abandonné, les originaires s'en estant escartez». «Пять больших рек впадают в это озеро. Поэтому рыба водится там в таком изобилии, что прежде она являлась основной пищей для большой нации дикарей, которая населяла его берега еще каких-нибудь восемь-десять лет назад. Здесь еще сохранились печальные следы их обитания в виде большого укрепления, сделанного ирокезами из толстых бревен. Оно было расположено на скалистом островке, откуда они следили за всеми тропами и где часто совершали убийства. Семь лет назад они убили и увели отсюда в плен восемьдесят человек. В результате это место полностью обезлюдело, так как жители разбежались».

⁸¹ См. прим. 62

⁸² Калюме – так французы называли курительные трубки индейцев. Существует мнение, что слово калюме (calumet) является нормандской формой французского слова шалюмо (chalumeau) – камышовая тростинка, свирель, и что нормандские колонисты дали это название большим ритуальным индейским трубкам. Чубуки трубок иногда изготавливались из стеблей полых растений. Возможно также, что форма длинной трубки напоминала французам свирель, а курящий ее человек вызывал ассоциацию с игрой на этом музыкальном инструменте.

⁸³ Индейцы Субарктики не культивировали табак из-за неблагоприятных природно-климатических условий, но в восточном секторе Канадской Субарктики он был известен задолго до прихода европейцев, благодаря контактам с группами Северного Вудлэнда (главным образом с лаврентийскими ирокезами, позднее с гуронами и некоторыми южными алгонкинскими группами), которые его культивировали. Употребление табака широко

практиковалось на востоке Субарктики, но его ритуальное значение было здесь, по всей видимости, невелико. Мне известны лишь факты применения его в качестве подношений сверхъестественным силам. Так, мистассини, пересекая озеро Мистассини, бросали табак в воду, или курили его у подножья большого валуна, в котором по их воззрениям обитал дух (*Rousseau 1952:120*). При этом в Западной Субарктике среди атапаскских групп он, вероятней всего, в XVII веке вообще не был известен. В рассказанном метисом франко-кри-дене Франсуа Больё и записанном Эмилем Петито рассказе о первом приходе европейцев на Большое Невольничье озеро отражено первое знакомство с табаком индейцев догриб. Сам сказитель был свидетелем этих событий и датировал их 1789 годом. Вот как он описывает это событие: «Ах, Вот что! Вы это еще не знаете, сказал буржуа (служащий торговой компании – Д.В.). Это называется табак. Тогда он дал трубку и табак всем дикарям и показал, как нужно пользоваться этими новыми для них вещами. Но как только они начали курить, то сразу закричали, что это плохо. Они скорчили гримасы и стали плевать, некоторых вырвало» (*Petitot 1886:432-433*).

⁸⁴ Под боевым топором здесь следует подразумевать боевую дубину. На языке кри пакамаган (*pakamagan*) – дубина, палица (*Lacombe 1874:189*), от глагола *pakamahwew* – бить (*Lacombe 1874:40*). Собственно инструмент-топор, изначально каменный, а затем поставлявшийся европейцами железный, имеет другое название – чикахиган (*tchikahigan*), от глагола *tchikahwew* – рубить, тесать (*Lacombe 1874:163*).

⁸⁵ Трудно сказать с достаточной долей определенности, идет ли здесь речь о двух годах или о двух месяцах. В календаре охотничьих народов тайги и тундры разные сезоны года (месяцы) именуются лунами. Охотники Канадской Субарктики не являются исключением. Достаточно привести, записанный Макензи, календарь кри, в котором месяцы названы словом «пишим» (*pichim*) – луна:

«Кри ведут отсчет времени, что длятся их путешествия, не по количеству дней, а по количеству лун. Названия, которые они дают лунам, аналогичны разным сезонам. Вот названия с их значениями и соответствующие им месяцы григорианского календаря.

Atheïku o pichim ... Луна лягушки ... май

orineu o pichim ... Луна, когда птицы начинают нестись ...
июнь

aupascen o pichim ... Луна, когда птицы сбрасывают перья
(линяют - Д.В.) ... июль

aupahou o pichim ... Луна, когда молодые птицы начинают
летать ... август

ouaskiskou o pichim ... Луна, когда лось начинает иметь рога
... сентябрь

ouisac o pichim ... Луна лосиной любви ... октябрь

thithigon piouai o pichim ... Луна белых заморозков (морозов),
kouskatinaouoi ... Луна льда ... ноябрь

paouatchicananasis o pichim... Луна порывов ветра ... декабрь

koucharaouasticanoam o pichim... Луна больших холодов ...
январь

kichi pichim ... Полная луна, или Старая луна ... февраль

mickysioue o pichim... Луна орла ... март

niscas o pichim ... Луна гуся ... апрель» (*Mackenzie 1807:257-258*).

Согласно словарю Лакомба, луна на кри будет «*тибискавитис(и)им*» (*tibiskâwipicim*) (*Lacombe 1874:183*).

⁸⁶ Обмен дарами был неотъемлемой частью индейской (лесной) дипломатии.

⁸⁷ См. прим 67.

⁸⁸ Матауакиринук – одна из алгонкинских локальных групп, составляющих кри залива Джеймс.

В справочнике Ф.В. Ходжа матауакиринук Албанеля отождествляются с матавашкарини или мадауаскарини С.

Шамплена (народом отмелей по Хьюитту). В издании отмечено, что это маленькая алгонкинская группа, жившая в 1640 г. в среднем течении реки Оттава, а в 1672 г. была обнаружена поблизости от южной оконечности Гудзонова залива ниже Монсони. (Иными словами, речь идет о том, что она была обнаружена именно отцом Албанелем). Утверждается, что это была, несомненно, одна из групп, известных французам под именем алгонкины и рассеянных ирокезским вторжением 1660 года (*Handbook of American Indians ... 1912: 819*). Далее говорится, что маттаван, являющиеся частью ниписсингов – это также матавашкарини (*Handbook of American Indians ... 1912:822*), то есть, матауакиринуек Албанеля.

Мне данное утверждение представляется если не ошибочным, то слишком смелым и несколько сомнительным. На основе имеющихся данных мы не можем утверждать, что по причине постоянных нападений ирокезов некая алгонкинская группа реки Оттава в полном составе переселилась в бассейн залива Джеймс, основываясь лишь на схожести наименований. Ниписсинги, как известно, совершали торговые экспедиции к кри залива Джеймс, но нет никаких сведений и следов того, что какая-то их часть туда мигрировала. Вероятно, под матауакиринуек скрывается часть кри бассейна рек Мус и Харрикана.

⁸⁹ Монсуник – группа кри в бассейне реки Мус.

⁹⁰ Пичибутунибук – одна из алгонкинских локальных групп, составляющих кри залива Джеймс. В Реляции за 1660 г. упомянуты пичибуреник (*Pitchibourenik*) – народ, обитающий у входа в залив Джеймс и относящийся к килистинон. Прежде с ними торговали гуруны, а затем ниписсинги. Всего отмечено девять групп килистинон (*JR 1959, 45: 226-228*). Специалисты по этноистории кри залива Джеймс Т. Моранц и Д. Френсис полагают, что, согласно отчету Албанеля и сведениям, содержащимся в реляции за 1660 г., пичибутунибук жили между реками Руперт и Истмейн. По словам этих же исследователей, Луи

Жойе в 1679 г. обнаружил их вдоль реки Истмейн, а в приведенных ими данных архивных документов за 1691-1699 гг. отмечено, что пичибуронни (*Pitchibouronny*) расселены на востоке нижней части залива (*Francis D. and Morantz T. 1983:12*). В более поздней своей работе Т. Моранц на карте 1703 г. обнаруживает их локализованными к северу от реки Истмейн и отмечает, что большая часть ранних этнонимов в этом регионе не может быть определена лингвистами (*Morantz T. 2006:168*).

⁹¹ Имеются в виду многочисленные локальные группы, которые будут в дальнейшем известны под названием Джеймс-Бей кри (кри залива Джеймс), Мус кри и болотные кри.

⁹² Река Мус – от алгонкинского слова *мус* – лось. Протекает в провинции Онтарио, впадает в залив Джеймс с юга.

⁹³ Речь идет об острове Акимиски, который расположен в юго-западном секторе залива Джеймс. Остров насчитывает 2326 кв. км., 86 км в длину и 32 км. в ширину. Ландшафт равнинный с возвышенностями до 60 м. в южной части острова. Его географические координаты - 53° 0' 0 с.ш., 81° 19' 60 з.д. В настоящий момент на острове расположен птичий заповедник.

В комментариях Р.Г. Твейта читаем: «Карта Сенекса от 1710 года показывает в западной части залива Джеймс остров Агамеске или Белый медведь. Другие карты называют его Бристоль, Вайнерс и Медвежий остров соответственно. Сейчас он известен как Агумска».

На языке кри «уабаск», «уапаск» (*wabask, wok; wapask, wok*) означает белый медведь (*Lacombe 1874a: 208, 635*). У восточных кри зафиксированы топонимы Уапаскуш Апимисиш (*Wapaskouch Apimisich*) – Остров, где спят белые медведи (проплывавшие там индейцы увидели скалы, на которых собрались белые медведи) – 52 градуса 58 минут с.ш. и 78 градусов 58 минут з.д., и озеро Уапаску (*Wapaskw*) – Озеро Белого Медведя – 55 градусов 29 минут с.ш. и 76 градусов 26 минут з.д. (*La toponymie des Cris 2003:216*). Таким

образом, Уабаску – приведенное Албанелем название острова – переводится именно как «Белый Медведь». В этом нет ничего удивительного. В бассейне Гудзонова залива белые медведи заходят далеко на юг. Остается неясным другое. Почему впоследствии остров стали называть Акимиски и переводить это наименование тоже как «Белый Медведь» для нас остается неясным? (Название Акимиски происходит от слова кри *акамаски* – «земля по ту сторону воды». прим.ред.)

⁹⁴ Черника или голубика.

⁹⁵ Факты употребления индейцами Субарктики в пищу нижнего слоя коры (луб) различных деревьев известны. В случае неудачной зимней охоты при отсутствии другой пищи это блюдо являлось единственным доступным пищевым ресурсом. Руссо отмечал, что «внутренний слой коры съедобен у сосны, елей, клена, некоторых ив, белой березы и лиственницы. Название Адирондак, данное одному горному массиву и означающее «едок деревьев», напоминает, что его древние обитатели должны были неоднократно прибегать к этому ресурсу» (*Rousseau 1957: 210*).

В то же время нельзя исключать того, что индеец попросту пошутил. Шутки-розыгрыши, основывавшиеся на незнании европейцами всех тонкостей их образа жизни, являются характерной чертой смеховой культуры коренных американцев, как и множества других сообществ.

⁹⁶ Река Минахигускат – Еловая река. На диалекте мистассини *минахигускат* означает «место белой ели» (*epinette blanches* – белая канадская ель – *Picea glauca*). Речь идет о реке Темисками. Эта река впадает в озеро Албанель с северо-востока. На карте Клоустона (1825 г.) река Темисками названа Минахег (*Minaheg*) – белая канадская ель. Данная встреча отца Албанеля с мистассини состоялась в низовьях реки Темисками. (*Denton et Pintal 2002:32*).

⁹⁷ См. прим. 60